ISSN 1857– 4580

СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ

НАУЧНО – ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
№ 6 (12)

Кишинэу
2015

CZU 082:378.4(478)=135.1=161.1=161.2
C 47

Решением Национального Совета по аттестации Республики Молдова (CNAA) **№ 151 от 21 июля 2014 г**. журнал «Славянские чтения» зарегистрирован в качестве научно – теоретического издания по проблемам филологии, культурологии, философии, педагогики, искусствоведения (категория «С»).

Координатор издательских проектов Славянского университета - доктор философии, профессор **Бабенко О.А.**

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ СУ:

Млечко Т.П.,	доктор хабилитат филологии, профессор, ректор СУ – председатель РИСа СУ;
Катан П.И.,	доктор хабилитат экономики, профессор, проректор по научной работе – зам. председателя РИСа СУ;
Репида В.Б.,	доктор истории, профессор, проректор по учебно-методической работе – зам. председателя РИСа СУ;
Дубровский А.Д.,	доктор истории, конференциар университар, декан гуманитарного факультета, зав. кафедрой журналистики СУ;
Чумак Л. Г.,	доктор философии, конференциар университар – заведующий издательским отделом СУ;
Жаравина Л.В.,	доктор филологических наук, профессор; Волгоградский государственный социально- педагогический университет;
Лелис Е.И.,	доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения;
Самаль С.А.,	доктор экономических наук, профессор, ректор Белорусского института правоведения;
Шаклеин В.М.,	доктор филологических наук, профессор, Академик РАЕН, ответственный секретарь РОПРЯЛ, зав. кафедрой русского языка и методики его преподавания РУДН.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ионова И.А.б *доктор хабилитат филологии, профессор университар, заведующий кафедрой славянской филологии* - **ответственный редактор:**
Дубровский А.Д., *доктор истории, конференциар университар. декан гуманитарного факультета; заведующий кафедрой журналистики* - **зам. ответственного редактора**
Балина И.В., *доктор экономики*, **технический редактор:**
Рецензент: Зайковская Т.В., доктор филологии, ведущий научный сотрудник Института культурного наследия АН РМ

Члены редколлегии:

Чумак Л.Г., *доктор философии, конференциар, Славянский университет;*
Руднева Л.Н., *доктор филологии, конференциар, Славянский университет;*
Визитей Е.Б., *доктор философии, конференциар, Славянский университет*
Жигэу Е.И., *доктор психологии, конференциар, Славянский университет;*
Балина И.В., *доктор экономики конференциар, Славянский университет;*
Квилинкова Е.Н., *доктор хабилитат истории, конференциар, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы;*
Волковская М.А., *доктор филологии, конференциар; Институт педагогики РМ;*
Цвик И.О., *доктор педагогики, старший преподаватель, Кишиневский государственный педагогический университет им. Иона Крянгэ; РМ;*
Жаравина Л. В., *доктор филологических наук, профессор; Волгоградский государственный социально-педагогический университет;*
Лелис Е.И., *доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения;*
Яроцкая Г.С., *доктор филологических наук, доцент; Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова;*
Беженару Л.Е., *доктор филологии, действительный член Академии педагогических и социальных наук Российской Федерации; Ясский государственный университет им. Ал. И. Кузэ*

Статьи, публикуемые в журнале «Славянские чтения», отражают результаты исследований молдавских и зарубежных ученых в области литературоведения, языкознания, культурологии, философии, искусствоведения и дидактики. Тематически приоритетными для журнала являются исследования, связанные с функционированием в Молдове славянских языков, славянскими духовными и материальными составляющими культуры страны. В специальных разделах помещена информация о международных научных связях Славянского университета и других вузов Молдовы. В частности, журнал отражает деятельность Молдавского общества преподавателей русского языка и литературы (МОПРЯЛ). Читатели могут познакомиться с новыми книгами по проблематике журнала, изданными в Молдове и за ее пределами.

Descrierea CIP a Camerei Naţionale a Cărţii
Славянские чтения: научно-теоретический журнал / Славян. ун-т; ред.-изд. совет: Бабенко О.А., Млечко Т.П. [et al.]; отв. ред. Ионова И.А.; пер. с англ. яз.: Бучкова О.Н.; пер. на рум. яз.: Дубровский А.Д. – К.: Славян. ун-т, 2015. (Tipogr. Asociaţiei lucrătorilor instituţiilor de învăţămînt slavone din Republica Moldova) – 20 cm. – ISBN 978-9975-68-037-0 - ISSN 1857–4580.
(Вып. 6/12).– 2015.–294 p.– Texte: lb. rom., rusă, ucr.– Bibliogr. la sfârşitul art.– 200 ex.– ISBN 978-9975-117-03-6.
082:378.4(478)=135.1=161.1=161.2

ISBN 978-9975-68-037-0
ISBN 978-9975-117-03-6

© Славянский университет, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР В МОЛДОВЕ 6

Дубровский А.А. НАСЕЛЕНИЕ КАРПАТО - ДУНАЙСКОГО И ДНЕСТРОВСКОГО РЕГИОНОВ В ЭНЕОЛИТЕ.....6

Павлов П. КОНСТАНТИНОПОЛСКИЯТ ВСЕЛЕНСКИ ПАТРИАРХ ЙОСИФ II – БЪЛГАРИН И ДУХОВЕН ВОДАЧ ОТ ЕВРОПЕЙСКА ВЕЛИЧИНА.....41

Талмазан О.Н. ЖЕСТОКОСТЬ И НАБОЖНОСТЬ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ *(на материале «Сказания о Дракуле воеводе» и «Молдо-немецкой летописи»)*.....62

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА 89

Деревяго А.Н. СЛОВЕСНЫЕ ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ ХЛЕБОБУЛОЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЕЛАРУСИ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ 89

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОПОЭТИКА: ПОЛИЛОГ НАУЧНЫХ КОНЦЕПЦИЙ..... 100

Ионова И.А. ОДА ГОРАЦИЯ В НОВЫХ ВРЕМЕННЫХ И ПРОСТРАНСТВЕННЫХ КООРДИНАТАХ.....100

Лелис Е.И. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ПОДТЕКСТА В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА.....120

Семикина Ю.Г. «МЫСЛЬ СЕМЕЙНАЯ» В ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ КОНЦА XX - НАЧАЛА XXI ВЕКОВ 133

Захарова Л.М. КОНФЛИКТ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г.УСПЕНСКОГО 146

Чернцова Е.В. КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА ГЛАГОЛЬНОГО ПРЕДИКАТА *ОКАЗЫВАТЬСЯ* И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НАРРАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ 164

Горегляд Е.Н. МАРКЕРЫ ДИРЕКТИВНОГО РЕЧЕВОГО АКТА В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ.....178

Тудосе В.И. СЛОЖНОЕ БЕССОЮЗНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ЕДИНИЦА СИНТАКСИСА 194

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКИ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ 210

Гецан И.М. ФОРМИРОВАНИЕ МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И ДРЕВНЕГО РИМА НА ГИМНАЗИЧЕСКОМ УРОВНЕ.....210

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА..... 228

Корнилов И.А. О «НОВОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ» И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 228

РЕЦЕНЗИИ..... 238

Ионова И.А. В.Б. РЕПИДА, О. А. САЙКО «ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ». Книга первая «ПОНЯТНА МНЕ ВРЕМЕН ПРЕВРАТНОСТЬ» XI-XVIII вв. (Кишинев, 2015).....238

Дубровский А.Д. ЗАМЕТКИ ИСТОРИКА на полях книги В.Б.Репида и О.А. Сайко «История государственности в русской литературе. Книга первая “Понятна мне времён превратность”. XI-XVIII вв.».....242

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА..... 251

Сирота Е.В. КАФЕДРЕ СЛАВИСТИКИ БГУ ИМ. А. РУССО – 70 ЛЕТ 251

ИНФОРМАЦИЯ. НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ..... 262

XIII КОНГРЕСС МАПРЯЛ: РУСИСТЫ МОЛДОВЫ В ГРАНАДЕ 262

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КАК ПРАЗДНИК: ЮБИЛЕЙ КАФЕДРЫ СЛАВИСТИКИ БГУ ИМ. А.РУССО.....285

ПРИГЛАШЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЖУРНАЛЕ «СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ» 287

НАШИ АВТОРЫ..... 291

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР В МОЛДОВЕ

НАСЕЛЕНИЕ КАРПАТО - ДУНАЙСКОГО И ДНЕСТРОВСКОГО РЕГИОНОВ В ЭНЕОЛИТЕ

Дубровский Анатолий Дмитриевич,
доктор истории, доцент
(Кишинев, Республика Молдова)

Аннотация. В статье анализируются сенсационные результаты археологических и антропологических открытий конца XX и начала XXI веков в Карпато-Дунайском и Днестровском регионах, заставивших изменить устоявшиеся представления о рассматриваемых регионах как периферии древневосточных цивилизаций в V-III тысячелетиях до н.э. В свете этих открытий Юго-Восточная Европа в ареале распространения археологических культур Караново III в Болгарии, Винча-Плочник в Сербии, Кукутень-Триполье в Румынии, Республике Молдова и правобережной Украине может быть названа одним из очагов древней цивилизации эпохи энеолита.

Ключевые слова: *энеолит, археологические культуры Караново III, Винча-Плочник, Кукутень-Триполье, миграция и аккультурация.*

POPULATION OF THE CARPATHO-DANUBIAN AND THE TRANSNISTRIAN REGIONS IN THE ENEOLITHIC

Abstract. The article analyzes the results of sensational archaeological and anthropological discoveries of the late XX and early XXI century in the Carpathian-Danube and Dniester regions, which forced to change the established notions of these regions of the ancient eastern civilizations in the V-III millennium BC as provincial ones. In light of these findings the South-Eastern Europe in the area of the archaeological cultures of Karanovo III in Bulgaria, Vinci Plochnik in Serbia, Cucuteni-Tripoli in Romania, Republic of Moldova and on the right bank of Ukraine can be called one of the oldest centers of the Eneolithic.

Key words*: the Eneolithic, archaeological cultures of Karanovo III, Vinci Plochnik, Cucuteni-Tripoli, migration and acculturation.*

POPULAŢIA REGIUNILOR CARPATO-DUNĂRENE ŞI NISTRENE ÎN PERIOADA ENEOLITULUI

Adnotare. În articol sînt analizate rezultatele sensaţionale a descopeirilor arheologilor şi antropologilor din ultimele decenii ale secolului XX şi începutul secolului XXI obţinute în baza cercetării monumentelor preistorice, mileniile V şi III de pînăla e.n., descoperite pe teritoriile Carpato-Dunărene-Nistrene. Aceste descoperiri precizate chronologic în baza datelor coloanei radiocarbon stabilite pentru eneolitul Europei au impus schimbarea opiniilor formate deja care tratau aceste regiuni drept periferii înapoiate ale civilizaţiilor orientale. În baza acestor descoperiri Europa de Sud-Est în arealul cuprins de culturile arheologice Caranovo III din Bulgaria, Vincea-Plocnik din Serbia, Cucuteni-Tripolie din România, Republica Moldova şi Ucraina poate fi tratată drept una dintre centrele vechiicivilizaţii.

Cuvinte-cheie: *eneolit, culturile arheologice Caranova III, Vincea-Plocnik, Cucuteni-Tripolie, migraţie şi aculturaţie.*

Продолжительное время в научных кругах преобладало мнение, что племена, населяющие территории Карпато-Дунайского и Днестровского регионов, в доисторическое время представляли собой далекую периферию древневосточных цивилизаций, то есть были частью «варварского» мира. Однако анализ археологических открытий и работы антропологов минувшего и начала нынешнего столетий дают нам основание не согласиться с этими представлениями о населении рассматриваемых регионов. На основе множества неопровержимых фактов мы постараемся доказать что в доисторическое время, в частности в энеолите, население Карпато - Дунайского и Днестровского регионов находилось на высоком предцивилизационном уровне.

Энеолит (медно-каменный век), или поздний неолит, охватывает время примерно с V до начала III тысячелетия

до н.э. Конец неолита датируется и определяется по-разному в различных частях Европы. В Нижнем и Среднем Подунавье неолит быстро сменяется энеолитом, в других регионах на смену неолиту приходит бронзовый век. Подобная неравномерность объясняется целым рядом факторов, влиявших на развитие обществ: спецификой природных ресурсов и климатических условий, наличием водных путей, демографическими показателями, различными путями предшествующего исторического развития и другими региональными особенностями.

В энеолите продолжал существовать и развиваться на новом, более высоком, уровне сложившийся в неолите центр высокоразвитых земледельческо-скотоводческих культур. Он охватывал Балканский полуостров, Нижнее и Среднее Подунавье, территорию нынешних Румынии, Республики Молдова и Правобережной Украины. Основой для его возникновения были традиции земледельческих культур с расписной керамикой. Миграции с Переднего Востока способствовали становлению на Балканах и в Подунавье культур, достигших более высоких ступеней развития. Среди них земледельческие культуры: Сескло и Димини в Греции, Винча в Сербии, Караново III и Веселино в Болгарии, Дудешти и Хаманджия в Румынии и Кукутень-Триполье в Румынии, Республике Молдова и в Украине. В IV тысячелетии до н.э. этот центр охватил еще более значительные территории – почти весь Карпатский регион (культуры Лендьел, Петрешть, Тисаполгар), Нижнее Подунавье (Варна, Гумельница), все Пруто-Днестровское междуречье и Северо-Западное Причерноморье. Культуры этого центра относятся к энеолиту, так как их населению был известен металл – медь и золото.

На качественно новом уровне происходит развитие производительных сил. Помимо орудий из кремня, кости и рога стали применяться и орудия из меди. Добыча меди, особая технология ее обработки вызвали к жизни новую отрасль производственной деятельности – первобытную металлургию меди. На смену примитивному, мотыжному земледелию неолитической эпохи пришло более продуктивное земледелие с использованием рала и тягловой силы. С полным основанием ученые предполагают, что в земледелии применялись соха или примитивный плуг, а в качестве тягловой силы – волы. Был известен и бесколесный транспорт – сани, волокуши.

Дальнейшее развитие скотоводства обусловило необходимость его специализации: появились овцеводство и коневодство. Наряду с традиционным домашним ремеслом возникли специализированные отрасли общинного ремесла, продукция которых шла на удовлетворение потребностей первобытной общины в целом.

На этапе раннего энеолита (5000-4500 лет до н.э.) человеческие сообщества культур Карпато-Дунайского и Днестровского регионов продолжали развиваться в условиях интенсивных контактов с культурными центрами Южной и Центрально-Восточной Европы. В этих условиях

путем синтеза образовались оригинальные культуры, в создании которых решающую роль играл южный фактор, то есть интенсивные контакты с передовыми культурами цивилизованных центров Ближнего Востока и Эгейского региона [5, 140]. Таким образом, в раннем энеолите на территории Карпато-Дунайского и Днестровского регионов были зафиксированы следующие культуры южного происхождения: Поздняя Винча, Гумельница и Кукутень-Триполье.

Культура Винча в раннем энеолите была распространена на северо-восточной территории Болгарии и Сербии, юго–востоке Венгрии и юго-западе Румынии. В Сербии, Трансильвании и Банате (Румыния) известен её более поздний вариант Винча-Плочник. В сравнении с неолитом происходит скачок в развитии культуры Винча. Её многослойные поселения сменяются укрепленными поселками, расположенными на труднодоступных холмах и скалах. Внешний вид поселков Винчи подобен цитаделям, крепостям. Так поселение Валач (Сербия) находилось на отвесной скале, было ограждено каменной стеной из необработанных или частично обработанных камней. Укрепления поселений поздней Винча – это достаточно сложные фортификационные сооружения, состоящие из рвов, валов, палисадов, каменных стен. Естественно укрепленные места усиливались искусственными сооружениями. Круговые обводные валы предполагали существование определенной планировки с центром и застройкой по радиусам. В качестве примера можно привести укрепления селища культуры Градешница, которое имело по окружности ров шириной десять метров и земляной вал высотой в один метр с деревянным палисадом. Селище имело 63 жилые постройки. Первые укрепления появились к западу от основной территории культуры Винча-Плочник и были связаны с необходимостью защиты своих колоний от автохтонов. В то же время возникает необходимость защиты поселений и на коренной территории Винча-Плочник [11, 73-74].

В энеолите жилые дома носителей культуры Винча-Плочник чаще многокомнатные и больших размеров. Наряду с большими домами (больше 200 кв. м), трехчастными с очагом в средней части, существовали и

небольшие дома (30 кв. м). К ним следует отнести дома столбовой конструкции, наземными, с двухскатной крышей. Стены сооружались из плетней, обмазанных глиной, с двумя и до пяти комнат с очагами в центральной комнате. В многокомнатных домах устанавливалось по несколько печей. Над очагом на стене укреплялся священный символ – букрании. Полы делали или из деревянного настила, или из утрамбованной глины, из щебенки и камня. Над входом в дом укрепляли голову зверя – быка, оленя с явной «апотропеической функцией». Черепа животных выполняли охранительную функцию. Такие дома были открыты в поселениях Винчи-Плочник в районе города Кормадине. Для культуры Винча характерна традиция сжигания ветхих домов и строительства на их месте новых. Появляются и дома типа «мегарон» – архитектурный комплекс (наподобие храма), состоящий из прямоугольного зала с очагом в центре, вход в который идет через портик (пропилеи) и еще один портик (вестибюль). В поселении Баньица был обнаружен дом прямоугольный в основании конструкции с сенями-портиком размером 16,5х8,5 м. Подобная конструкция в культуре Винча-Плочник является основанием для отнесения ее к балкано-анатолийскому комплексу, так как, по мнению исследователей, дома типа «мегарон» появились впервые на Древнем Востоке. Они могут быть определены как «храмы», «дворцы», «святилища» и просто как «жилые дома». Чаще всего они были общественными зданиями, где собиралось общинное собрание. Мегароны культуры Винча-Плочник датируются 3900-3600 гг. до н.э., и отсюда естественен вывод, что мегарон как архитектурное сооружение был изобретен в Европе носителями культуры Винча-Плочник на поздней фазе развития. Эта архитектурная традиция распространилась

потом в Греции, в Центральной и Северной Европе и сохранилась там до железного века включительно [11, 77].

В культуре Винча-Плочник прослеживаются несколько типов печей, из которых часть использовалась в гончарном производстве, часть – для плавки руды, а часть – для выпечки хлеба, для приготовления пищи. Печь также декорировалась, как и очаги, и жертвенники, пластическим орнаментом. Следует особо подчеркнуть, что конструкция печи в культуре Винча резко выделяет эту культуру из ряда синхронных и соседних культур типа Кукутень-Триполье и, таким образом, является культурно-дифференцирующим признаком [11, 78].

Этой культуре принадлежит и другое новшество в домостроительстве – абсидные дома. Так исследователи называют дома с закругленной торцовой стенкой. По размерам дома этого типа не уступают мегаронам, 100 кв. м и все вышесказанное о значении размеров в определении особой парадной функции мегаронов относится к абсидным домам. Таким образом, с определенной степенью достоверности можно заключить, что абсидная конструкция использовалась для постройки домов с особой функцией, возможно, сакральной. Эта архитектурная традиция характерна для Греции периода IV и III тыс. до н.э. в домостроительной архитектуре вплоть до рубежа III – II тыс. до н.э., а для II тыс. до н.э. сохраняется только в погребальной архитектуре. Изобретателями этого архитектурного стиля являются также носители культуры Винча-Плочник [11, 78].

Город Винча была первым известным европейским протогородом и торгово-промышленным центром, стоявшим на пересечении рек Дунай, Сава, Тимиш и Драва. В нем работали мастера различных ремесел. В больших количествах производилась керамическая посуда,

достаточно стандартизированная, предназначенная на обмен с предметами ремесла других племен. Согласно сербскому ученому Драгану Яцановичу, в цивилизации Винча широко была распространена керамика коничной и биконичной форм, с преобладанием синего цвета, Обычным явлением на керамике рисовались различного вида знаков, в том числе спиралей и свастик [3].

Анализ артефактов позволил ученым предположить, что они обнаружили протогород неолит-энеолитической культуры Винча, считающейся древнейшей праиндоевропейской культурой в Европе. Что касается артефактов, найденных при раскопках, то искусность их выделки говорит о том, что протогород мог считаться интеллектуальным центром культуры, поскольку его обитатели знали толк в моде и обладали чувством прекрасного. Однако мастерство представителей племени этим не заканчивалось. Ремесленники, обитавшие на этой территории Сербии на 500 лет раньше племен остальных известных культур стали использовать медные орудия труда и оружие. Шахта Рудна Глава на востоке Сербии является самым ранним свидетельством металлургии на территории Европы (V тыс. до н.э.).

Одной из важнейших находок стало обнаружение следов разработки залежей малахита и азурита. Возле города Плочник, в стоянке площадью 1,2 кв. км, ученые обнаружили металлургическую мастерскую площадью в 25 кв. м., в которой находились печь и инструменты, такие как медное долото, молот и топор. Стены мастерской были построены из дерева, укрепленного глиной. Печь, с прототипом вентиляционных сооружений и прототипом дымохода, ремесленники соорудили с внешней стороны помещения. Таким образом, дым не загрязнял мастерскую, а воздух стабильно поступал в печь [13].

Шахты культуры Винча вырубались в склонах холмов, вокруг них сооружались леса. Следы металлургии были обнаружены и в древнем городе Беловодах и в других поселениях на территории Сербии. Здесь имелись глиняные печи четырехугольной формы, с помощью которых обрабатывались залежи малахита и азурита при температуре 1080 градусов Целсия. Здесь же были найдены и инструменты, такие как медное долото, молот и топор. Эти открытия были подтверждены экспертизой в Кембридже, так как раскопки велись группой специалистов из Лондонского института археологии[3].

Возле города Майданпеке (Сербия) был найден огромный рудник, где добывалась медная руда – цинабарит. В руднике имелись предметы винчанской материальной культуры. Работа на руднике, требующая больших физических затрат, совершенного владения сложной производственной технологии, знания горного дела и т.д., предполагает обособленность труда металлургов и рудокопов. Ремесла имели специализированный характер: гончарный, косторезный, медеплавильное производство, строительное производство. Это свидетельствует о том, что культура Винча ничуть не отставала от культурных центров Передней и Малой Азии, давших начало цивилизациям.

Таким образом, в начале IV тыс. до н.э. на территории Северных Балкан и Задунавья, по всем археологическим данным полученных в ходе исследования многочисленных поселений культуры Винча-Плочник, можно констатировать процесс развития поселений в города, а общества – в цивилизацию [8, 85].

В ряду синхронных и соседних культур неолита и энеолита культура Винча-Плочник выделяется самой развитой системой религиозных воззрений. Культовые

постройки имели определенную планировку. Это были не монументальные сооружения, а строения трехчастной конструкции. В северной части устраивался монументальный жертвенник, над которым на столбах развешивались священные символы–букрании. Жертвенник украшался лепным декором, метопами. Орнаментальные мотивы – криволинейные, спиральные, угловые и прямоугольные. Кроме жертвенника, в подобных постройках находились и печи. В разных углах культовых строений находились кости жертвенных животных, зооморфная и антропоморфная пластика. Глинная пластика поражает своей высокой стандартизацией и наряду с монолитностью материальной культуры может свидетельствовать в пользу существования в среде винчанского населения общих культов, наряду с местными и домашними культами. Большое число идолов, находимых как в одном месте (Тэртэрия), так и в разных местах, разнообразных по форме и деталям изображения и в то же время отличающихся высоким стандартом, может указать на сложившийся пантеон в винчанской религии с обособлением функций каждого бога [11, 79-80].

Носители культуры Винча-Плочник принесли в Европу экстрамуральные могильники, то есть погребения за пределы поселений. Тип могильников – грунтовой. Захоронения были одиночные и парные. Обряд погребенья предусматривал расположение усопшего на левом или правом боку в направлении север-юг. Погребенного сопровождали керамические сосуды, кости жертвенных животных, ожерелья из раковин, каменный и костяной инвентарь, в их числе – секиры. Это был развитый для того времени в Европе погребальный обряд, в котором отразилось зрелое состояние религии населения этой

культуры, которая объясняла загробное существование человека строгой регламентацией культа мертвых. В культурах неолита-энеолита Средней и Южной Европы подобный обряд погребения исходящий от философии человеческого бытия в загробном мире почти неизвестен, были погребения интрамуральные, внутри площадей поселений, без погребального инвентаря. Черты винчанского ритуала – положение на боку, скорченно; существование погребального инвентаря – керамика, бусы из раковин и топоры из камня – в культуре энеолита Средней Европы, не случайны, а возникли в ходе прямой преемственности идеологии Винчиа-Плочник.

Жрецы как хранители традиции, бесспорно, существовали в обществе Винча-Плочник. Это следует из того факта, что культура эта культура очень устойчива в своих проявлениях и оказала воздействие на окружающие народы и культуры, но обратного воздействия не испытывала. Такое состояние возможно только при бесспорном более высоком уровне всех сторон культуры Винчи-Плочник сравнительно с уровнем культуры автохтонного населения. Приведенные выше факты говорят в пользу высокоразвитых религиозных воззрений, распространенных в кругах винчанских колонистов. Они вместе с формами экономики, хозяйствования, продуктами ремесел приносили свои взгляды на мир, человеческое бытие, т. е были проводниками своей идеологии. Многие черты материальной и духовной культуры были восприняты от Винчи-Плочник в связи с образованием ряда культур в Средней Европе и удерживались там, по меньшей мере еще 1000 лет, точно так же, как и на ее коренной территории специфические черты культуры практически не видоизменились вплоть до образования на

части ее территории Баденской культуры, т.е. середины III тыс. до н.э.

Только существованием института жречества можно объяснить сложение системы письма культуры Винча-Плочник. Это письмо представлено знаками геометрического линейного типа и толкуются как древнейшие из известных нам надписей пока еще не разгаданной системы письма. О существовании в Винче письменности исследователи не сомневались и до находки глиняных табличек в Тэртэрии.

Археологи раскопали в стоянках этой культуры на территории Сербии до 300 керамических фрагментов и статуэток с буквенными зарубками и надписями. Сербский ученый Радовой Пешич переписал и произвел классификацию материала. Он установил, что винчанская азбука располагает несколькими версиями своих буквенных знаков. Из большого числа знаков он выделил 57 наиболее характерных. Из этого числа распознаваемыми оказались 14 букв, которые могли бы означать гласные звуки. Между тем, при последующем анализе выяснилось, что только пять таких букв могли бы считаться начертаниями гласных звуков, тогда как остальные можно отнести к их вариантам. И среди остальных букв, которые могли бы обозначить согласные звуки, можно найти варианты, так что их число составляет 43. В соответствии с этим винчанское письмо должно было иметь азбуку, насчитывающую всего 26 букв. Но наряду с буквенными знаками, каждый из которых имеет свое звуковое соответствие, в винчанской азбуке мы встречаем и лигатуры, которое легко распознаваемые. В правописании применялись и точки, одна или несколько, которые находились в средине слова. В ходе сопоставления с известными древними азбуками

выяснилось, что тождественны с буквами винчанской азбуки оказались: пять букв в азбуке Брахмы, две в критской линеарной А-4, восемь в западносемитской азбуке, десять а в старофиникийской, девять в кипрской, семь в палестинской, двенадцать в старо-греческой, четыре в англосаксонской рунической, двадцать в азбуке сербской кирилицы, семь в глаголице. Интересен результат сопоставления винчанского и этрусского письма: совокупная этрусская азбука полностью идентична винчанской [10, 19-20].

Так как винчанская письменность на тысячу лет старше шумерской, которая считалась самой древней, можно предположить, что остальные народы в большей или меньшей мере, напрямую или косвенно, переняли знаки своего письма у винчанской азбуки. Одни знаки были заимствованы в идентичной форме, другие стилизованы, а третьи явились источником вдохновения. Винчанское письмо возникло в IV тысячелетии до н.э. и просуществовало продолжительное время, что могло стать подспорьем при создании письменности для цивилизаций, которые пришли на смену эпохе винчанской культуры. Доказательством продолжительности существования этого письма служит ватинский позвонок с винчанской надписью, относящийся к периоду между 1250 и 1075 годами до н.э.

В 1993 году при раскопке неолитического поселения у современного села Диспилио в Греции археологи обнаружили деревянную табличку со знаками. Радиоуглеродным методом табличка датирована примерно 5260 годом до н.э. Обнаруженные при раскопках артефакты – керамика, деревянные элементы конструкций, семена, кости, статуэтки, личные украшения, флейты, а

также указанная табличка – также принадлежат культуре Винча-Плочник.

С этой культурой связан еще один эпизод в развитии письменности. Близ села Тэртэрия румынскими археологами было обнаружено 26 фигурок из глины и три необожженные глиняные таблички с нанесенными на них пиктограммами типа винчанских, датируемые 5500 годом до н.э. В разных местах Болгарии, Сербии и Румынии до настоящего времени было обнаружено около тысячи предметов культуры Винча-Плочник, на которых имеются пиктограммы. Они указывает, что в те далекие времена на Балканском полуострове и в Карпато-Дунайском регионе в V и III тыс. до н. э. жили племена с высокоразвитой культурой, письменность которой в своей начальной стадии не уступала той, которую имели цивилизации Малой Азии, Ближнего Востока и Египта.

Примечательно, что сельское население культуры Винча-Плочник применяло метод удобрения земли, что позволяло перейти от кочевого земледелия к оседлому, которое, в свою очередь, дало начало частной собственности. Это позволило получать излишки питания, что способствовало развитию торговли и, соответственно, появлению городов. Пользуясь реками как природными ориентирами, торговцы из Винчи преодолевали большие расстояния и доходили до побережья Эгейского и Ионического морей, добирались до Карпат. Сам протогород Винча представлял собою своего рода перекресток торговых путей [3]. Его положение на берегу Дуная в месте впадения в него реки Болечица было не случайным. Природные условия здесь благоприятствовали охоте; кпрме того, Болечица текла из района Авалы, где плодородная почва. Помимо этого, на Авале в районе Шупля имелся рудник цинобарита – ртутной руды.

Древние жители Винчи, разогревая ее до 350 градусов и добиваясь испарения, оставшийся суррогат дробили в жерновах, получая порошок красного цвета, применяемый для окраски ткани. Красный цвет традиционно считался цветом королей, поэтому порошок служил для торговцев древней Винчи своего рода монетой. Помимо этого жители Винчи добывали малахит, делая из него украшения, а также красительные порошки зеленого и синего цвета. В Карпатах добывался обсидиан, из которого изготовлялись орудия труда и соль. В истории Европы, считает исследователь В.А. Сафронов, культура Винча имела значение, сравнимое только с ролью Греции и ее воздействием на «варварский мир». Сходство этих двух культурных феноменов заключается в схеме освоения пространства (колонизация, торговля, путешествия, но не завоевание), а также в длительности и глубине воздействия [11, 71]. Сенсационные археологические открытия памятников Подунавья и центральнобалканского неолита и энеолита в Болгарии, Румынии и Сербии заставляют изменить устоявшиеся представления о рассматриваемом регионе как периферии древневосточной цивилизации. В свете этих открытий Юго-Восточная Европа может быть названа одним из древнейших очагов цивилизации, более древним, чем цивилизации Месопотамии, долины Нила и Инда [11, 72].

На базе культуры Винча-Плочник в Олтении развилась культура Сэлкуца, на северо-западе Болгарии и в Сербии культуры Сэлкуца-Криводол-Бубань. Более того, в Карпато-Балканском пространстве традиции культуры Винча-Турдаш в энеолите сохранились и в культурах Гумельница, Кукутень, Тиса и Петрешть [5, 140-141].

Значительное развитие в это время получило население **культуры Гумельница (**3800-3300 лет до н.э.) –

прямые потомки неолитических племен дунайских культур Боян и Хаманджия. Свое название культура получила по придунайскому селу в Румынии. Культура распространилась на территории юга и севера Дуная, в Восточной Болгарии, в Мунтении, Олтении, Добрудже, Юго-Восточных Карпатах, а также на территориях современной Республики Молдова и западной части Одесской области Украины. Некоторые поселения находятся и в зоне Егейского моря в Греции. Родственные ей были культуры – Сэлкуца (Румыния), Криводол (Болгария) и Бубань в Сербии. Происхождение металла многочисленных орудий и предметов из меди (топоры – долота, топоры – молоты), найденные в поселениях этих культур в Болгарии и Сербии, связаны с балканским центром происхождения металла. Это шахты Айбунар возле Старой Загоры (Болгария) и Рудна Глава (Сербия). А изготовление топоров-молотов в Трансильвании и в соседних регионах Венгрии зависело от ископаемых меди в Трансильвании в Северных Карпатах. В захоронениях культуры Гумельница было найдено 5,5 кг украшений из золота [5, 146].

Культура Гумельница определена как оседлая, носящая ярко выраженный земледельческий облик, с высокоразвитой кремневой индустрией, скотоводством и домашними промыслами. По мнению некоторых археологов, эти памятники просуществовали до XXXIII в. до н.э. [14, 11]. Культура существует в трех основных вариантах: понтийском, балкано-дунайском и южно-болгарском. Селения имеют форму теллей (холмов), с трех сторон окруженных водой или расположенных в заболоченной местности, на берегах озер, островах или террасных мысах. Многие поселения были окружены оборонительными рвами. Самое распространенное

жилище – прямоугольный дом, причем в некоторых домах имеется открытое с одной стороны помещение типа мегарона (храм). Некоторые дома были построены на бревенчатых платформах, бревна для которых предварительно обмазали глиной и обожгли. Мертвых хоронят в скорченной позе. С антрпологической точки зрения преобладает средиземноморский тип населения. Многие поселения были окружены оборонительными рвами. Жилищами служили большие наземные прямоугольные дома с несколькими помещениями внутри. Стены сделаны из плетня, обмазанного глиной. Шалаши и землянки редки. На поселениях культуры Гумельница найдено множество каменных и костяных орудий труда, великолепно орнаментированная керамика, много произведений пластического искусства из глины и кости, кости животных. Люди культуры Гумельница достигли большого искусства в обработке камня, из которого изготовлялись изящные длинные ножевидные лезвия, наконечники стрел, скребки, резцы и др. Из вулканических пород камня изготовляли полированные топоры и топоры-молотки, часто с просверленными отверстиями для рукоятки. Много орудий сделано из кости и рога. Археологический материал включает в себя наконечники стрел и копий, тяжелые кремневые топоры, мотыги из оленьего рога, костяные и роговые долота, иглы и т.п. Постепенно увеличивается число бронзовых топоров и ножевых лезвий. Для изготовления этих предметов используется чистая медь. Широко используются топоры видринского типа; именно от них берут начало боевые топоры. Распространение в этот период предметов из золота по обширной территории, занятой племенами различных культур, свидетельствует о существовании дальнего торгового обмена. Имеется множество

свидетельств тому, что прядение и ткачество были известны. Процесс изготовления керамики становится технически более совершенным: появляются специальные печи для обжига посуды. Кроме керамики разных типов встречается посуда, расписанная графитом. Очень часто находят глиняные и костяные антропоморфные фигурки, восходящие к моделям культуры Хаманджия. Основными занятиями было земледелие и скотоводство. В качестве пахотного орудия использовали соху из дерева и оленьего рога, а в качестве тягловой силы – быка или вола. Крупный рогатый скот или свиньи преобладали в составе стада во всех культурах Карпатского бассейна. По мере развития культуры Гумельница все больше появлялось медных изделий и орудий: топор с проушиной, лезвия-ножи, шилья, иголки, булавки для волос. Керамику изготовляли из глины с примесью только шамота. По форме и орнаментации она продолжала традиции керамики культуры Боян. Среди антропологических типов, как и в культуре Боян, преобладает древний средиземноморский, с примесью других протоевропеидов [15, 52].

С развитием земледелия и скотоводства и повышением роли родовой организации укрепился культ плодородия и прародительницы, воплощающийся в многочисленных женских статуэтках. На поселении Гумельница и Каломфирешти найдены два зооморфных сосуда, изображающие рогатых животных, по-видимому, быков. Происхождение этих сосудов, вероятно, связано с восточносредиземноморским миром, где издревле существовало поклонение быку. Этот культ был заимствован оттуда энеолитическим населением Балкан вместе с развитием здесь скотоводства.

Наиболее известные раскопки вблизи населенных пунктов Болград, Озерное, Нагорное на Украине и

Вулканешты, Лопэцика, Кукоара и Этулия в Республике Молдова свидетельствуют, что. никакого перерыва в обитании поселений не было. Здесь можно проследить все фазы развития обеих культур и переход от культуры Боян к культуре Гумельница [15, 50]. Находясь в непосредственных культурно-исторических и этнических контактах с племенами соседних земледельческо-скотоводческих культур, гумельницкие племена достигли в своем развитии значительных успехов. Известны около 300 памятников гумельницкого типа в Румынии, Болгарии и на юго-западе Украины [13, 3]. Северо-восточными районами гумельницких памятников являются территории Нижнего Дуная и юго-востока Республики Молдова. Гумельницкие племена наряду с раннетрипольскими были одними из ранних земледельческо-скотоводческих племен Юго-Восточной Европы.

Культура Кукутень-Триполье получила название от одноименных поселений возле городов Яссы в Румынии и Киева на Украине. На рубеже V и IV тыс. до н.э. на основе синтеза элементов культуры линейной керамики, а также культур Боян и Хаманджия появились сообщества культуры Прекукутень, ставшие впоследствии основой культуры Кукутень-Триполье. По сути, это ранний этап культуры Кукутень-Триполье. На начальном этапе земледельческо-скотоводческие поселения культуры Прекукутень располагались в узких долинах карпатских рек Олт, Негру и Бистрица. Примерно в 4200 году до н.э. с Восточных Карпат и Молдавского Прикарпатья часть населения из более десятка населенных мест типа Траян Дялул Вией, Извоаре и Тырпешть спустилась в долины рек на территории Молдовы, основав там поселения. Для раннего этапа трипольско-кукутенской культуры в целом типичны преобладание небольших по площади (1-1,5 га)

поселений, глинорбитных домов небольших (до 30 кв.м) и средних (до 50 кв.м) размеров, широкое использование землянок и полуземлянок под жилье и хозяйственные помещения, устройство семейных жертвенников близ очагов. Основную массу предметов на поселениях составляет керамика, значительная часть которой – посуда. По составу глиняной массы, характеру обработки поверхности, технике исполнения орнамента и формам посуда делится на три группы: кухонную; с резным орнаментом; с каннелюрами или заменяющими их наколами и насечками. Керамика отличается установившимися формами и приемами орнаментации, канонизированным использованием определенных элементов орнамента. Основные орнаментальные мотивы (змеевидные) сохраняются на протяжении всего существования культуры Кукутень-Триполье.

Особую категорию керамических изделий составляют мужские и женские статуэтки, причем последние явно преобладают. Статуэтки поселения Траян-Дялул Вией делятся на стоящие и сидящие, со слитыми в столбик или раздельно моделированными ногами. Есть статуэтки, верхняя часть туловища которых напоминает так называемые скрипкообразные фигурки. Часть статуэток имеют покатые плечи без обозначения рук, часть – руки в виде коротких выступов, направленных в стороны; у одних фигурок живот плоский, у других – выпуклый [1, 180].

В течение нескольких столетий поселения культуры Прекукутень значительно расширили район своего распространения, заняв территорию междуречья Сирет и Прута, Молдавского Прикарпатья и Среднего Поднестровья. Более детально изучены поселения Извоаре, Банку, Трудешти-Гигоешти в Прикарпатье, Ларга-Жижия,

Влэдэни в бассейне среднего течения реки Прут, Флорешты, Рогожаны на реке Реут, приток Днестра, Бернашовка на левобережье Днестра [1, 181]. В наиболее выгодном положении оказалось население, обосновавшееся в бассейне реки Реут – районе, связанном многочисленными водными путями с Прутом и Днестром, что обусловило его главенствующую роль среди остальных прекукутенских племен и быстрое развитие социально-экономических отношений. Последнее проявилось в концентрации населения в поселениях Рогожаны I (более 8 га) и Гура-Каменка (более 30 га). Именно из этого района в дальнейшем произошло расселение прекукутенских племен в Верхнее и Среднее Поднестровье [1, 181-184]. Были освоены большие территории Молдавской возвышенности и плодородные земли вдоль берегов Днестра.

Для изготовления орудий труда также использовались рога оленя и косули. Часто находят роговые мотыги с продольным (относительно оси отверствия), косо срезанным рабочим краем и закругленным обушком. В длину это орудие достигало 20-30 см. Небольшие мотыжки использовались для мелких огородных работ. Обычны также мелкие предметы из рога – шилья и проколки, лощила, лопаточки, долота и др. Из кости и рога, просверленных зубов животных, эмали клыка кабана и створок раковин изготовлялись также разнообразные украшения: бусы, пронизки, подвески, четырехугольные бляшки, нашивавшиеся на одежду, и т.д. [2, 197].

На раннем этапе развития трипольской культуры население впервые познакомилось с металлом. Медные изделия, найденные в раннетрипольском ареале еще крайне малочисленны и бедны по ассортименту. Из орудий

труда найдены: долота, зубила, короткие, прямоугольные или овальные в сечении шилья, небольшие рыболовные крючки из отрезков медной проволоки, имеющие петельку для привязывания лески. Выделяется клад, найденный на поселении Карбуна в Республике Молдова, который относится к концу раннего Триполья. Среди 852 предметов клада 444 (преимущественно мелкие бусы и другие украшения) изготовлены из меди [12, 135-151]. Спектральный анализ раннетрипольских медных изделий свидетельствует, что все они изготовлены из чистой меди, руда которой добывалась в месторождении фракийского горнорудного района Болгарии. Трипольские кузнецы в это время владели различными видами обработки меди (плющение, сварка, пробивка отверстия). На протяжении энеолитической эпохи в Восточно-Европейской лесостепи все известные изделия из меди связаны своим происхождением с Балкано-Карпатским древнейшим металлургическим центром [2, 199].

Прекукутенские поселенцы долины реки Верхнего Олта и Молдавского Прикарпатья, от которых произошли в дальнейшем все трипольско-кукутенские общины, в свете данных о раскопках ранних поселений выступают перед нами как общество со сложившейся традицией и в сооружении поселков, и в производстве домашнего инвентаря, и в способе ведения земледельческо-скотоводческого хозяйства. Выработанный ими способ ведения сельского и домашнего хозяйства был, видимо, настолько рационален, что существовал потом веками без особых перемен.

Часть племен культуры Прекукутень из Пруто-Днестровского междуречья и Поднестровья, потерявших признаки, роднившие их с культурами Боян и линейно-ленточной керамики и идентицированные уже с ранней

Кукутень-Трипольской культурой, примерно в 3600 -3150 годах до н.э. мигрировали на восток, достигнув территории Среднего Днепра [5, 145], а другая часть основала поселения на среднем течении реки Буг [16, 92]. Несколько позднее началось освоение притоков реки Припять. Наиболее известные поселения этого времени – Сабатиновка II и Гайворон на Южном Буге, Лука-Устинская и Брага на Среднем Днестре, Витиловка и Черновцы-Рогатка I на реке Прут, у сел Александровка и Кирилловка Одесской области, и Греновка в Побужье [1, 187]. Так как в коллекциях, собранных на раскопках поселений Побужья, содержатся такие же группы керамики, как и в поселениях Поднестровья и Прикарпатья, есть основания думать, что переселение на Южный Буг происходило с юго-запада, из-за Днестра. Для многих форм керамики находятся аналоги посуды, происходящей из Прикарпатья [16, 92- 99].

Исследование памятников раннетрипольской культуры на обширной территории Молдовы и Украины позволило ученым решить ряд вопросов, связанных с историей расселения племен из районов их формирования – от Трансильвании и Восточного Прикарпатья до Пруто-Днестровского междуречья и Южного Буга. Продвижение энеолита в Украину произошло вследствие миграции населения Прекукутень из регионов Румынии и Республики Молдова. Из района обитания днестровских раннетрипольских общин совершилось дальнейшее переселение на восток, на южный Буг. Мигранты частично ассимилировали, частично оттеснили местное неолитическое население на Север и Восток. Тем не менее, на протяжении всей эпохи энеолита имело место сосуществование пришельцев с неолитическими племенами. Часть из них, прежде всего степняки,

восприняла технологические достижения пришельцев. Охотники и рыболовы Полесья оставались еще на уровне неолита. Между населением всей этой юго-восточной зоны обитания на протяжении всего существования культуры Кукутень-Триполье поддерживались оживленные связи. Благодаря этому у населения распространились предметы, полученные путем обмена от соседних племен культуры Гумельница. Приобретенные предметы из металла, из желтого кремня Добруджи, из морских раковин, из мрамора иногда находятся в поселениях, значительно удаленных от южной границы, вдоль которой совершался обмен с соседями. Таким образом далеко за Днестр в поселение Александровка попали антропоморфная статуэтка культуры Гумельница и большой шлифованный топор с отверстием для насадки на рукоять. По своему типу он соответствует мраморному топору из Карбунского клада. Связь с южными племенами поддерживали и общины, расселившиеся вверх по Днестру. Днестровские племена овладевали не только территорией вдоль русла Днестра, но и землями вдоль его притоков. Видимо, вдоль восточных притоков Днестра и происходило переселение части общин на Южный Буг и в районе Винницы. Таким образом, складывались северная группа Трипольских племен, все далее уходящая вверх по Днестру, и северо-восточная группа, которая с течением временем расселилась до Днестра и дальше до Днепра.

В конце IV тыс. до н.э. количество памятников увеличивается в несколько раз, что было вызвано ростом населения и его плотностью. По данным разработок, в Северной Молдавии плотность населения достигала 12,8 человек на кв. км. Увеличились площади поселений: в Поднестровье до 40-50 га, в Буго-Днепровском междуречье на отдельных памятниках до 90-150 га. Здесь

жилища спланированы концентрическими кругами, гнездообразно по три в группе на расстоянии 30-40 метров друг от друга, в Мирополье – по трем кольцам с застройкой и в центре круга. Полуземлянок становятся меньше, а наземные дома – более крупные и монументальные – состоят из нескольких комнат с печами, участками для изготовления кремневых и других орудий, а также специально выделенными культовыми местами. В Поднестровье при сооружении наземных жилищ применялся камень, а жилища в Попрутье и Поднестровье в ряде случаев были двухэтажными, с мощными межэтажными перекрытиями [1, 196].

Представление о планировке и характере жилищ памятников этого времени дает и поселение Петрены, расположенное на плато в междуречье Прута и Днестра. Поселение площадью 30 га не было укреплено, имело круговую планировку и, очевидно, застраивалось строго по плану от центра к внешнему краю. Дома размерами 8 х 5 м стояли вдоль радиальных и кольцевых улиц плотными рядами, и только у внешнего края поселения располагалось несколько крупных (14-16 х 6-7 м) построек. Дома были двухэтажными. По приблизительным подсчетам, поселение насчитывало около 500 жилищ, в которых могли проживать 4 тыс. человек [1, 217]. Это, вероятно, один из административных центров трипольцев.

На среднем этапе развития культуры Триполье наблюдается прогресс производства: камнеобрабатывающее и камнедобывающее, косторезное, металлообрабатывающее, гончарное, кожевенное дело и ткачество. Некоторые из них приблизились к уровню общинных ремесел. Массовым видом производственного инвентаря являются орудия из рога и кости. Наиболее часто встречаются орудия домашнего обихода: для шитья

одежды и обуви – шилья, проколки из расколотых трубчатых костей животных или острых обломков костей; лощила для обработки шкур животных, а также земледельческие орудия: наконечники мотыг с просверленным отверстием для рукоятей, роговая оправа серпа. Из глины изготовлены грузила для рыболовных сетей, оттяжки ткацкого станка, звездчатые подвески, цилиндрические бусинки и т.д.

Значительно увеличилось количество разнообразных находок из меди. Среди них ранее неизвестные инструменты и украшения: плоские клиновидные топоры, топоры-тесла, топоры-молоты, колечки, перстни. В производстве одной части металлических изделий сохраняются раннетрипольские традиции, в другой применяются новые приемы – происходит освоение плавильной и литейной техники с использованием открытых форм, применяется холодная ковка, фигурная ковка на специальных наковальнях. Сырьем служили привезенные с Балкано-Карпатских месторождений металлургическая медь и серебро. Металл поступал, очевидно, как в виде готовых изделий, так и в виде слитков. Все шире распространялись привозные изделия.

Широкое развитие получили обмен и меновая торговля, в них участвовали в первую очередь металлы и изделия из них, предметы роскоши, престижа, ритуала, украшения, морские раковины, обсидиан и высококачественная керамика. По всей видимости, в руках верхушки трипольского общества уже были сосредоточены большие богатства, прежде всего золота и серебра. На это указывает и структура поселений, и наличие богатого инвентаря в погребениях [4].

Средний период культуры Кукутень-Триполье характеризуется резким подъемом керамического

производства, связанным с распространением гончарных горнов и овладением навыками выделки посуды, ярко расписанной перед обжигом. Технология изготовления этой нарядной посуды в корне отличается от традиционного способа производства крашеной керамики, покрытой после обжига красной мажущейся охрой. В употребление входит кухонная посуда из глиняного теста с примесью дробленой раковины, заимствованная у юго-восточных, степных, соседей. В числе керамических изделий среднего периода имеются также хорошо обожженные пряслица и грузики для ткацкого станка, мелкие ритуальные предметы, образцы антропоморфной и зооморфной пластики. Антропоморфные статуэтки представлены фигурками с гладкой окрашенной поверхностью и фигурками, пышно орнаментированными углубленным узором. Стоящие женские статуэтки преобладают [1, 192]. Оригинальными формами керамики для этого периода являются крынкообразные сосуды с плоским дном или на ножках с опорой на невысоком кольцевом поддоне, миски с ребром и петельчатым ушком, чаши (кубки) с ребром и сильно отогнутым венчиком, полусферические черпаки с широкой фигурной (антропоморфной или зооморфной) ручкой, миски на высоких, сильно расширяющихся вверху и внизу подставках, усеченно-конические «подставки» с сильно отогнутыми краями.

В отличие от древней бихромной посуды, распространенной локально, керамика, расписанная до обжига белой, красной и черной красками, известна и на кукутенских, и на трипольских поселениях от Юго-Восточной Трансильвании до Среднего Поднестровья. Такую керамику сплошь покрывает спиральный или геометрический узор, элементы которого многочисленны:

круг, овал, ромб, меандр, прямая или зигзагообразно изогнутая лента, змеевидная горизонтальная, слегка изогнутая спираль. Концы парных спиралей либо соприкасаются, либо заходят друг на друга. Преобладает негативный орнамент белого цвета, оконтуренный черной тонкой линией. Фон окрашен красной краской, нанесенной сплошным слоем или штрихами. При повторении штрихами основных элементов орнамента обычно образуется негативно-позитивный узор. Позитивный орнамент очень редок. Он выполнен по белому фону красной краской с черным обрамлением. Наряду с полихромной в небольшом количестве изготовляется и бихромная посуда, вся поверхность которой покрыта белой краской, а роспись нанесена красной краской [1, 195].

На этом же этапе культуры Триполья сложились ее Западный и Восточный ареалы. К первому ареалу относятся коренные земли Попрутья и частично Побужья, ко второму – междуречье Южного Буга и Днепра и Среднее Поднепровье. Развитие племен этих ареалов происходило своим путем, что привело в дальнейшем к образованию двух этнокультурных областей трипольско-кукутенской общности, связанных с племенами, разными по происхождению. Население коренной Пруто-Днестровской территории поддерживало связи с племенами древних земледельческих культур Трансильвании и Балкан, а население восточных областей, уходя дальше на северо-восток и попадая в окружение неолитических племен, все больше отрывалось от первоначального центра формирования культуры.

Большинство поселений в Верхнем Поднестровье, Попрутье и Поднепровье занимало площади от 8 до 15 га, имели кольцевую планировку и не были укреплены. Площадь поселений к западу от Южного Буга была, как

правило, 50-70 га, а в междуречье Буга и Днепра имелись около 30 поселений-гигантов, каждое площадью от 70 га и более, чего многие средневековые города Руси веками не достигали. Таким образом, в первую четверть III тыс. до н.э. население юго-восточной окраины Кукутень-Трипольского ареала переходит к сооружению поселений площадью в сотни гектаров, что свидетельствует о каких-то серьезных экономических и социальных переменах в жизни общества. Среди таких поселений: Тальянки (450 га), Чичиркозивка (300 га) Майданецкое (270 га), Доброводы (250 га), Небеливка (250 га), Мирополье (200 га), Глибочок (200 га), Веселый Кут (150 га) и др. Даже по средневековым временам – это площадь крупных городов. Первое открытое археологами поселение-гигант – Майданецкое (2900-2800 лет до н. э.), которое насчитывало 1575 жилищ, располагавшихся четырьмя концентрическими кругами, и занимало площадь 270 га. Поселение было застроено наземными домами обычной для трипольцев конструкции, в том числе и двухэтажными, средних (30-50 кв. м.) и крупных (100, 200, 300 кв. м.) размеров. В поселении проживало около 8 тысяч человек. Но оказалось, что Майданецкое поселение не самое крупное. Второе открытое поселение, Тальянки, занимало площадь в 4,5 кв. км. Впечатляли радиальные улицы, въезды, фланкированные постройками, ряды жилищ-укреплений, не меньше 2700 зданий. По подсчетам, население составляло около 15 тысяч человек [9, 6]. Некоторые исследователи, учитывая особенности планировки и строительства каменных двухэтажных домов, многочисленность жителей, называли такие поселения протогородами, которые были экономическими центрами для окружающих племен, занятых земледелием и скотоводством [18, 203]. Другие считали их племенными

административными центрами, связанными с концентрацией обмена и культовых отправлений одного или группы племен, а малые поселения рассматривались при этом как следствие сегментации более крупных [6, 157]. Подобные «суперцентры» служили важной предпосылкой формирования основ городской цивилизации и раннеклассового общества [7, 11-14]. Образованием поселений-гигантов начинается этап создания высокого уровня урбанизации (возникают протогорода с двухэтажными, а в отдельных случаях и с трехэтажными домами, канализацией и водоснабжением, которых не было в Лондоне даже в средние века), новым уровнем развития сельского хозяйства (появлением поливных земель) и разнообразнейшими способами изготовления и орнаментации керамической посуды [17, 42-46]. Такие поселения-гиганты как особый тип памятников Кукутень-Трипольской культуры просуществовали не менее 600-800 лет.

На заключительном этапе культуры Кукутень-Триполье (первая половина приходится на III тыс. до н.э., а конец – на третью четверть того же тысячелетия) уменьшаются площади поселений, иногда наблюдается переход от наземных глинобитных домов к углубленным. Возникает металлургическая циркумпонтийская провинция с двумя очагами металлообработки – усатовским и софиевским, почти исчезает керамика. Зарождаются новые этнические образования. Определенный отпечаток на культуру периферийных групп наложил приток разноэтнического населения. Погребальный инвентарь, клады металлических предметов свидетельствует о значительных социальных изменениях в позднетрипольском обществе [2, 226].

Культура Кукутень-Триполье была одной из самых ярких культур всего юго-востока Европы, охватившей территории между реками Дунай и Днепр. Современный уровень развития археологии позволяет ставить вопрос об определении этноязыковых характеристик населения, оставившего в Молдове и лесостепях Правобережной Украины памятники Кукутень - Трипольской культуры. Археологические данные неопровержимо свидетельствуют: что Кукутень - Триполье является крайним северо-восточным проявлением своеобразного мира древнейших земледельцев Европы, известных под названием балкано-дунайского энеолита. Но и на Балканах последние не были автохтонами, поскольку их предки пришли сюда из Малой Азии.

Анализ хозяйства, домостроительства, материальной и духовной культур, орнаментики, скульптуры, ритуалов и верований неолитических культур Балкан, Подунавья, Правобережной Украины (Караново, Хамаджия, Боян, Гумельница, Кукутень, Триполье и т.д.) демонстрирует выразительные малоазиатские параллели. О южно-анатолийских корнях неолита-энеолита Балкан и Подунавья свидетельствует набор одомашненных растений и животных, чьи дикие предки из Ближнего Востока, типология керамики. Прямые анатолийские параллели имеют прослеженные по материалам трипольской культуры культы женского божества плодородия, священного быка, небесного змея, ритуальные захоронения детей и бычьих голов под полом жилищ и т.д.

Северными соседями этих древнейших земледельцев Европы были аборигены – охотники и рыбаки Немецкой, Польской, Полесской низин и Левобережья Днепра. Это первобытное, довольно отсталое сообщество в V – IV тыс. до н.э. развивалось под прогрессивным влиянием более

развитых пришельцев с юга. Аборигены-охотники лесной зоны Европы приобрели навыки изготовления глиняной посуды, земледелия, животноводства, примитивной металлургии меди и т.п. Знаменательным достижением носителей Кукутень - Трипольской культуры было овладение навыками обработки меди и изготовления из нее украшений и орудий труда. Из привезенной с месторождений в Карпатах и на Балканах чистой меди путем холодной и горячей ковки, сварки, а позже литья они делали массивные проушные и клиновидные топоры, браслеты, бусы, фигурные пластины-амулеты и другие предметы. При раскопках поселений и могильников часто встречались мелкие медные изделия, поскольку крупные медные орудия, как правило, высоко ценились, а если и ломались, то шли на переплавку. Процветает прикладное искусство, особенно керамическое, пронизанное религиозно-магическими представлениями об окружающем мире, связанными, прежде всего, с характерным для племен, осваивавших производящие формы хозяйства, культом плодородия.

Переход к производящим формам ведения хозяйства и их прогрессирующее развитие в различных ландшафтно-климатических условиях южных и юго-восточных областей Европы, а также процессы миграции и аккультурации с юга и востока, имевшие место еще в неолите, привели к появлению в эпоху энеолита двух огромных, отличающихся друг от друга этнических и культурно-хозяйственных общностей. Первая из них сложилась у относительно единых по происхождению обществ, обитавших в черноземных и лесных областях юга России, юго-запада Украины, Молдовы, Нижнего Подунавья и на Балканах. Среди населения этой культурно-хозяйственной общности наиболее

выдвинутыми к северо-востоку были племена культуры Триполья и Гумельницы (Болградская группа). Вторая общность образовалась у также относительно родственных между собой скотоводческих племен, которые занимали степные и полустепные пространства, растянувшиеся широкой полосой вдоль северных берегов Черного и Азовского морей от Южного Буга и Днепра до Волги и Урала.

Различные по происхождению и среде обитания, эти общности отличались по культуре, хозяйственному укладу, языку, социальной структуре, верованиям. Для земледельческих племен был характерен оседлый образ жизни с долговременными поселениями и крупными культурными центрами. Основой общественной жизни был материнский род, а в религиозных представлениях преобладали лунарная символика и вера в прародительницу. Степные племена базировались на полуподвижном и подвижном скотоводстве. Для них были характерны недолговременные поселения, которые часто менялись по мере истощения пастбищ. Общественная жизнь была основана на патриархальных отношениях, а в религиозных верованиях преобладали представления о родоначальнике-мужчине, солнечная символика и культ животных. Этническая и языковая принадлежность древнеземледельческих обществ Нижнего Подунавья и южно-западных областей Украины пока остается неясной. Скотоводческие племена являлись, по-видимому, древнейшими индоевропейцами.

В эпоху энеолита, с ростом избыточного населения, более подвижные скотоводческие племена в поисках новых пастбищ начинают мигрировать на сотни и тысячи километров в двух направлениях: на юго-запад (Балканский полуостров) и запад – в Центральную

Европу. И мигрирующие скотоводческие племена, и местные племена Трипольской, Гумельницкой и других земледельческих культур были в равной мере заинтересованы в налаживании взаимных обменных контактов. На первых порах экономически обусловленные отношения пришлых и местных племен сопровождались более или менее значительными изменениями лишь в сфере материальной культуры. Примером может послужить широкое распространение в быту трипольского населения керамики из массы с большим содержанием ракушки.

Носители Балкано-Дунайских культур в энеолите достигли заметных успехов не только в экономическом плане, они и в социальном плане были значительно выше остальной Европы. Анализ размеров и структуры поселений, изучение могильников показывают, что эгалитарное племенное общество неолита – это пройденный этап социального развития для культур юго-восточной Европы. Процесс социальной и имущественной дифференциации здесь уже начался, общество приобрело иерархическую структуру, в руках верхушки общества уже были сосредоточены большие богатства, прежде всего золото.

Литература

1. Археология СССР. Энеолит СССР. Отв.ред. В.М.Массон, Н.Я. Мерперт. М.: Наука,1982.
2. Археология Украинской ССР. В 3-х т. Т.1. Первобытная археология//Ответственный редактор Д.Я.Телегин. Киев: Наукова Думка,1985.
3. Валецкий О., Севиль Б. Сербская Руна. Сокращенный перевод Н. Лучич-Грубич. Белград: Пешич и синови, 2014.
4. Ермановская А. Э. Древние цивилизации. М.: Фолио, 2008

5. Istoria românilor.-Ed. A 2-a, rev.-Bucureşti: editura Enciclopedică,Vol.1, 2010.

6. Маркевич В.И. Памятники эпох неолита и энеолита// Археологическая карта Молдавской ССР. Вып.2. Кишинев, 1973

7. Массон В.М. Первые города: К проблеме формирования городов раннеземледельческих культур. // Новейшие открытия советских археологов. Тезисы. Ч.1, Киев. 1975,

8. Молчанова Оксана. В Сербии найден древнейший город энеолита в Европе // Газета. ru. 12.11. 2007.

9. Нераденко Т. Ранок землеробського світу. Пам'ятки Трипільскоі культуры на Черкащині. Науково-допоміжний бібліографі чний покажчик. Черкаси, 2008.

10. Пешич Р. Винчанское письмо и другие грамматологические очерки. Издание 6-е. Краснодар: Дедкофф, 2010.

11. Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1989.

12. Сергеев Г.П. Раннетрипольский клад у с. Карбуна // Советская Археология, 1963, №.1.

13. Субботин Л.В. Памятники культуры Гумельница Юго-Запада Украины. Киев: Наукова Думка, 1988.

14. Телегин Д.Я. Степное Поднепровье и Нижнее Подунавье в неолите-энеолите / Каменный век на территории Украины: Некоторые вопросы Хозяйства и этнокультурных связей // Отв. ред. В.И.Неприна: АН УССР, Ин-т археологии. Киев: Наукова думка, 1990.

15. Федоров Г.Б. Полевой Л.Л. Археология Румынии. М.: Наука, 1973.

16. Черныш Е.К. Основные направления путей расселения племен культуры Кукутень-Триполье в ранний период / Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976.

17. Шкилев В.Д. Монада и трипольская культура // Альманах современной науки и образования, Тамбов, 2011, №1.

18. Шмаглий Н.М. Крупные трипольские поселения в междуречье Днепра и Южного Буга // Первобытная археология – поиски и находки. Киев, Наукова думка, 1980.

КОНСТАНТИНОПОЛСКИЯТ ВСЕЛЕНСКИ ПАТРИАРХ ЙОСИФ II – БЪЛГАРИН И ДУХОВЕН ВОДАЧ ОТ ЕВРОПЕЙСКА ВЕЛИЧИНА

Павлов Пламен,
доктор историчесчких наук, профессор
(Велико-Тырново, Болгария)

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ВСЕЛЕНСКИЙ ПАТРИАРХ ИОСИФ II – БОЛГАРИН И ДУХОВНЫЙ ЛИДЕР ЕВРОПЕЙСКОГО МАСШТАБА

Аннотация. Автор посвящает свою статью личности болгарина и Вселенского патриарха (1416-1439) Иосифа II, который по-разному характеризовался современниками. Православная церковь продолжает если не враждебно, то достаточно прохладно относиться к автору сближения двух христианских церквей. Католичество же считает Иосифа, сына владетеля-мученика Ивана Шишмана, своим достойным представителем, который утверждал, что различия могут и должны отступить перед общими ценностями, традициями и самой верой в Христа. В статье описаны сложные процессы отношений между двумя мировыми церквями и роль Болгарии в распространении православия на север в Молдову, Валахию, Киев и Москву.

Ключевые слова: *Иосиф II, Григорий Цамблак, Патриарх Евтимий, Иван Шишман, Иоан Палеолог, Церковь «Санта Мария Новела».*

ECUMENICAL PATRIARCH JOSEPH II OF CONSTANTINOPLE - BULGARIAN AND SPIRITUAL LEADER OF THE EUROPEAN TERMS

Abstract. The author of the article dedicates it to the Bulgarian personality and Ecumenical Patriarch (1416-1439) Joseph II, who was characterized by his contemporaries in many ways. The Orthodox Church continues, if not with hostility but it is cool enough to treat the author of drawing together of the two Christian churches. Catholicism also believes Joseph, the son of the ruler of the martyr Ivan Shishman, its worthy representative, who argued that the differences could and should give way to common values, traditions and most faith in Christ. The article describes the complex process of relations between the two world churches and Bulgaria's role in spread of Orthodoxy to the north in Moldova, Wallachia, Kiev and Moscow.

Key words: *Joseph II, Gregory Tsamblak, Patriarch Evtimiy, Ivan Shishman, John Palaiologos, the Church of "Santa Maria Novella".*

Дори да звучи преднамерено и сензационно, трябва да се признае, че патриарх Йосиф II Константинополски (1416-1439), загадъчният син на цар Иван Шишман, е сред най-видните личности в историята на България, Византия и средновековна Европа през XIV – XV в. – личност, чийто живот и дела все още са слабо известни. Онова, което знаем за този забележителен българин от XV-то столетие не е толкова малко, въпреки че около неговия произход, конкретни дела и цялостна дейност продължава да има неясноти и спорни въпроси. Роден в Търново като извънбрачен син на все още твърде младия престолонаследник и бъдещ цар Иван Шишман (български владетел от 17 февруари 1371 до 3 юни 1395 г.), още като юноша Йосиф приема монашеството. Светското му име остава неизвестно, а още като съвсем млад монах или послушник е изпратен в манастирите на Света гора / Атон. Знае се, че е пребивавал в манастира “Алипу”, за което няма задоволително обяснение.

През 1393 г., в годината на падането на “Богопазения Царевград Търнов” в ръцете на османските завоеватели, Йосиф е ръкоположен за митрополит на Ефес – “градът на

Пресвета Богородица”, една от най-древните и престижни катедри не само на Константинополската патриаршия, но и в целия християнски свят. Подобно назначение няма как да се дължа на случайни обстоятелства – то предполага доказан престиж на удостоения с толкова висок пост все още млад монах. И не само заради знатното потекло на Йосиф, който обаче не е “ромей”, а българин (т.е. чужденец!), колкото поради натрупания към онзи момент негов авторитет като атонски монах, познавач на богословието, като проявени вече организационни способности, и т.н. След тринадесет години владишка служба в Ефес, който вече в земите, завладени от османските турци, на 21 май 1416 г. авторитетният българин е избран за вселенски патриарх в Константинопол.

Патриарх Йосиф II ръководи византийската църква и олицетворява световното Православие във време на тежка политическа безизходица, на отчаяни опити за оцеляване на Византийската империя, на разгорещени, безкрайни и най-често безплодни прения “за” и “против” идеята за уния между Константинопол и папския Рим. Бидейки мъдър архиерей, Йосиф II се стреми да балансира между спорещите страни, като е категорично за единство, но не е съгласен на прекомерни отстъпки пред западната църква. Във времето на събора той е редом с император Йоан VIII Палеолог (1425-1448) в търсенето на приемлив път към постигането на сближение и единение с католическата църква. Ролята на патриарха по време на събора все още не оценена по достойнство. Той олицетворява онзи “среден път”, който е за споразумение със западните християни, базирано на взаимноприемливи отстъпки и върховенство на съборното начало.

В проточилите се преговори някои среди в католическия лагер прибягват до грубо насилие над православните делагати. В тази връзка е и версията, че патриархът фактически е убит тайно (удушен), с което внушителната група от около осемстотин представители на православните църкви е обезглавена... Днес надали е възможно да бъде проверена достоверността на тази версия, а и повечето изследователи я игнорират или отхвърлят. Така или иначе, самото съществуване на подобно подозрение противоречи на представата за "прокатолическо" поведение на патриарха българин. Йосиф II умира на 10 юни 1439 г. (непосредствено преди подписването на акта на унията!) във Флоренция и е погребан в църквата "Санта Мария Новела".

Както стана дума, въпросът за произхода на Йосиф II е обект на изследователски интерес, като се поражда дискусия за естеството на родствената му връзка с българската царска династия. Че Йосиф II е българин, че е говорел български език не може да има никакво съмнение - това е заявено категорично от неговия съвременник и личен познат Йоан Стойкович от Дубровник: "*Bulgaros est natione et de lingua moa*".

Спорът е около това дали Йосиф е син на цар Иван Шишман или не. Единственото свидетелство за връзката на Йосиф с българския царски дом е една гръцка приписка, въдена в науката от бележития френски византолог В. Лоран:

"Йосиф беше избран за константинополски патриарх в дните на господин василевса Мануил [II Палеолог] *и епископства 32 години. Той беше с красива външност, посивели коси и* [висок] *ръст, неопитен във външната* [светската] *мъдрост. Казваха, че е незакороден*

син на василевса Шишман. Той възобнови манастира Филантропос във Византион [Константинопол]”.

Докато В. Лоран приема, и то напълно основателно, твърдението на анонимния византийски монах, по-късните изследователи подлагат на съмнение това достатъчно ясно и категорично известие. Проблемът идва не заради някаква предубеденост, а от различните реконструкции на хронологията около раждането, съответно и около възрастта на Иван Шишман и Йосиф II.

Най-често се приема, че Иван Шишман (царувал от 17 февруари 1371 до мъченическата си смърт на 3 юни 1395 г.) е роден към 1349-1350 г. От друга страна, със сигурност се знае, че Йосиф II е починал на 10 юни 1439 г. във Флоренция на около 80-годишна възраст. Ако твърдението за възрастта на вселенския патриарх през 1439 г. е вярно, излиза че той се е родил към 1360 г. Този детайл смущава някои изследователи, които изключват възможността толкова рано Иван Шишман, тогава още момче на десетина години (!), да е можел да има деца.

Разсъждавайти от такива позиции, акад. Иван Дуйчев стига до извода, че Йосиф не би могъл да е син на Иван Шишман. Според Дуйчев решението е друго – патриархът е бил не син, а по-малък брат на цар Иван Шишман. Такива възможности не липсват, а най-близко до ума е в лицето на бъдещия патриарх да видим Иван Асен (V). Той е изобразен заедно със своите родители цар Иван Александър и Теодора II (т.нар. Сара-Теодора) и по-големия си брат Иван Шишман в известната миниатюра на т.нар. Лондонско Чевтвероевангелие. По този начин познавачът на българското и византийско Средновековие все пак приобщава Йосиф към династията, към най-близкия кръг от семейството на цар Иван Александър... В приписката от манастира “Филантропос” обаче категочно

е отбелязано, че този царски син е извънбрачен, което противоречи категорично на положението на Иван Асен V – не само законен син на Иван Александър, но и с официална царска титла, инсигнии, и т.н.

В съществуващите изследвания директно или косвено стои въпросът: ***"Кой е "василевсът" Шишман?***

В своето фундаментално изследване върху фамилията на Асеневци Иван Божилов отхвърля предложените от В. Лоран и Ив. Дуйчев хипотези. На свой ред Ив. Божилов предполага, че под "василевса Шишман" се крие едноименният син на цар Михаил III Шишман Асен (1323-1330), брат на цар Иван Стефан (1330-1331). Както е известно, след свалянето от престола на Иван Стефан и изгнание в татарската "Златна Орда", през лятото на 1341 г. въпросният Шишман изненадващо се появява в Константинопол. Идването му във византийската столица е използвано за груб шантаж към цар Иван Александър, който все още не умиротворил напълно държавата**.** Великият доместик (командващият сухопътните войски) Йоан Кантакузин, тогава "силният човек" в регентството на малолетия Йоан V Палеолог (1332-1391), заплашва българския цар, че ще изпрати с кораби Шишман през Черно море и Дунав във Видин. По този начин със сигурност би избухнала гражданска война в България... След взаимни военни демонстрации и ред дипломатически перипетии този план е изоставен.

Какви са слабостите на тази хипотеза? След случая през 1341 г. за Шишман няма абсолютно никакви сведения. Дори и да е държан "в резерв" за натиск спрямо Иван Александър, това би могло да продължава до 1354 г., когато Йоан VI Кантакузин, вече император, е принуден да абдикира. Обаче още във времето на гражданската война

между Кантакузин и цариградското правителство (от 1341 до 1347 г.) името на Шишман не се споменава никъде. Ако той е бил близък на Кантакузин или пък на неговите противници - императрицата майка Анна Савойска, мега-дуксът (командващият византийския флот) Алексий Апокавк и патриарх Йоан Калекас, това несъмнено би намерило отзвук в съвременните извори. Знаем в какво тежко положение се е намирал претендентът Кантакузин от есента на 1341 до около 1343 г., когато за него е бил ценен всеки възможен привърженик. Ясно е обаче, че Шишман не е бил сред ределите сподвижници на бившия велик доместик.

През тези години правителството на Анна Савойска упорито търси приятелството на Иван Александър, на родопския господар Момчил, на добруджанския владетел Балик. През 1344 г. се стига до съюз, а българският цар получава в замяна Филипопол/Пловдив и околните крепости. Балик изпраща братята си Теодор и Добротица с войска в помощ на цариградските управници. Никъде обаче няма и най-бегла следа от присъствието на Шишман в българо-византийските отношения. По-късно, във времето на самостоятелното царуване на Йоан V Палеолог (1354-1391), връзките между двете страни често са обтегнати. Особено критични са 1364-1366 г., но и тогава не откриваме дори и намек за Шишман... Всичко това показва, че скоро след събитията през 1341 г. Шишман вероятно е напуснал Византия. Може би именно той е идентичен със загадъчния *“imperator Bulgarie”,* живял в Апулия (Южна Италия) през 1361-1362 г.

Още нещо, по нищо не личи Шишман през 1341 г. да е коронясван официално, да е наричан “български цар” и т.н. По принцип във Византия тази титла, макар и формално, е “монопол” на потомците на Иван Асен III

(1279-1280). Дори и да е имало повече от един титулярен "цар на България" (и то за кратък период от време!), надали е възможно Шишман да е помнен цяло столетие след единствената му, при това мимолетна поява на политическата сцена.

Хиперкритичното отношение към тезата, че Йосиф II е син на цар Иван Шишман е неоснователно. Бележката за Йосиф II и родството му с "василевса Шишман" е предназначена за читателите от средата на XV в. И то не за ерудити (такива, които четат и познават "Историята" на Йоан Кантакузин, и то едва ли не "под лупа"...), а за монаси и поклонници с почти никакви знания за събитията от преди стотина години. При това византийски монаси, чиято представа за България, доколкото въобще са я имали, е свързана с общоизвестни личности. Шишман от средата на XIV в. определено не може да бъде търсен сред тази категория български или византийски личности. По тази причина е повече от обяснимо, че ако и когато в средата на XV в. някой пише за *"василевса Шишман",* той би могъл да има предвид единствено цар Иван Шишман.

Правилността на такава констатация се потвърждава от случая с Александър/Искендер (престолонаследникът на цар Иван Шишман и брат на Йосиф II) - византийският историк Михаил Дука го определя именно като *"... син на василевса Шишман"!* Разбира се, в случая между изследователите на епохата няма никакъв спор, че това е цар Иван Шишман**.** И това е не само най-близката по време, но и единствената възможна асоциация, която е извиквало в съзнанието на тогавашния българин, византиец, сърбин и т.н. името "Шишман". В крайна сметка византийският читател е знаел поне нещичко за търновския цар, управлявал България четвърт век, владетел, за когото вече са се създавали предания...

Именно поради това по-късно “светият благоверен цар Иван Шишман” намира място в пантеона на българските светци.

В своите студии, посветени на патриарх Йосиф II, Ив. Дуйчев и Ив. Божилов пропускат един на пръв поглед елементарен, но напълно възможен вариант на хронология. В основата му е обстоятелството, че възрастта на патриарха през 1438 г. е определена *условно*, “на око”, а не въз основа на документ или нещо подобно. И ако през 1439 г. патриархът е бил не *“точно”* на 80, а например на *около* 75 години (нещо, което е напълно възможно), това означава, че той се е родил към 1365 г. С други думи, Йосиф II би могъл да бъде незаконно дете на младия принц Иван Шишман – тогава около 16-17-годишен. С това, струва ми се, се решават всички мними хронологически противоречия.

Йосиф като незаконороден син на младия Иван Шишман е трябвало да постъпи в манастир. Дали в това решение е имало опасения от негови бъдещи претенции можем само да гадаем. След години, прекарани на Атон, през 1393 г. Йосиф става митрополит на Ефес. По същото време той трябва да е бил на около 28-30 години. Разбира се, наистина е бил млад, но такива случаи в църковната история е имало винаги, има ги и днес. Йосиф все пак е царски син –едва ли е необходимо да припомняме случаите с византийските патриарси Стефан I (886-993) и Теофилакт Лакапин (933-956), заели най-престижната катедра в православния свят на едва 16-17 годишна възраст... Когато в годината на падането на Търново Йосиф е поставен за митрополит на Ефес, в този жест може би има и някакъв знак към него и към българите въобще. Що се отнася до избора му патриарх през май 1416 г., това става с изричното настояване на император

Мануил II Палеолог. Наред с възможните други причини в този избор може би се чувства и определена солидарност на представителите на балканските владетелски фамилии.

Донякъде е парадоксално, че в редица събития от онази епоха видна роля играят трима български принцове - ***братята Йосиф (II), Александър/Искендер и Фружин Асен, синовете на цар Иван Шишман***! Когато разсъждаваме за живота на Йосиф II си струва да направим връзка и с присъствието на някогашния престолонаследник Александър/Искендер в Мала Азия. Получава се така, че двамата братя, макар и вече с различна верска принадлежност, поне за около три години, от 1413 до 1416 г., резидират в два близки малоазийски града. Верската "пропаст" помежду им не бива по презумпция да се абсолютизира. Епохата дава ред примери на добри отношения между хора, предимно представители на аристокрацията, изпаднали в такава ситуация. Най-известният е с османския велик везир Мехмед Соколович, който покровителства своя племенник (или брат?) игумен Макарий в стремежа му да възобнови сръбската патриаршия през 1557 г.

Нека хвърлим един поглед към ситуацията с Йосиф и Александър. През или скоро след злощастната 1395 г. султан Баязид дава на приелия исляма Иван-Шишманов престолонаследник град Самсун и областта му *"... до края на живота му вместо бащината му земя"*. След победата на монголския завоевател Тимур (Тамерлан) над Баязид в прочутата битка при Анкара (1402 г.) Александър е принуден да напусне Самсун. Градът е върнат на някогашния му владетел Исфендияр. В борбата между синовете на Баязид Искендер подкрепя Мехмед I. През 1413 г. султанът, който излиза победител от междуособиците, назначава бившия български

престолонаследник за управител на Смирна (Измир). Една гръцка хроника от XVII в. ни предоставя следната информация: *"Подари* [султан Мехмед] *на принцепса на България едно хубаво място да го управлява и да бъде негово, защото той му беше помагал много... "* Иван-Шишмановият наследник загива през 1418 г. при опита си да потуши въстанието на Бьорклюджe Мустафа.

Дали между братята Йосиф и Искендер, синове от различни майки, но на един и същ баща, е имало някакви връзки? И дали подкрепата на цар Константин Видински (1397-1422) и братовчед му Фружин именно за Мехмед се е дължала не само на стратегическата обстановка, конкретните преговори и т.н., но и на родствена им връзка с хора от лагера на султана? Още повече, ако тя е била олицетворявана от ***двама кръвни братя на Фружин*** – Александър/Искендер и митрополит Йосиф?

Още нещо, струва си да се запитаме дали поне в известна степен изборът на ефеския митрополит Йосиф за вселенски патриарх в Константинопол през май 1416 г. не е бил мотивиран донякъде и от негова предполагаема близост със "силния човек" в региона – султан Мехмед I (1402/1413-1421)? Тези въпроси се нуждаят от сериозни доказателства, но си струва да бъдат поставени предвид особеностите на епохата.

На пръв поглед неочаквано, но, ако се замислим, повече от естествено е около патриарха българин да открием и ***други българи, негови приближени, ученици, роднини*** и т.н. Някои от тези известни през онази епоха българи очевидно са били свързани с Йосиф още от времето, в което е бил атонски монах и митрополит на Ефес.

Първият, на който ще се спрем, е ***Дамян, митрополит на Молдова***, който с основание може да

бъде определен като една от най-значимите фигури в духовния, а и в определен смисъл и в политическия живот на Молдова през XV в. Българският монах е сподвижник на водача на «твърдата» (антиуниатската) православна опозиция във Византия Марк Ефески. Откъде е родом, къде се е подвизавал и т.н. преди 1437 г. е неизвестно, но едва ли е случайно, че през посочената година Дамян е ръкоположен от патриарх Йосиф за митрополит на Молдова. Оказаното високо доверие от страна на Йосиф II и близостта му с Марк Ефески показват, че Дамян не е случайна фигура. Навярно неговият жизнен и монашески път е свързан с Атон, Константинопол и най-вероятно и с Ефес - във времето, когато Йосиф е митрополит на този важен духовен център.

След назначаването му за митрополит Дамян води молдовската църковна делегация на Фераро-Флорентинския събор (1438-1439 г.). Той участва в пренията около т.нар. “*филиокве*”, поддържайки православното гледище за природата на Светия Дух. На практика той не е в противоречие с позицията на патриарх Йосиф II, но все пак е най-близо до радикалните православни делегати начело с Марк Ефески. Както стана дума, “ефеската” връзка си струва да бъде обмислена – напълно възможно е връзките на Дамян с Марк да произтичат от близостта и на двамата с Йосиф II, както и с повече от възможното пребиваване на Дамян в Ефес във времето, когато бъдещият патриарх е митрополит на града. Във всеки случай, при един случай на демонстрирани различия патриархът порицава Дамян, подчертавайки голямата близост между двамата.

Митрополит Дамян играе важна роля за младата молдавска църква, спечелвайки си заслужен авторитет. Надали е случайно, че големият молдовски интелектуалец,

княз Димитрий Кантемир, макар и погрешно, го смята за първия митрополит (!) на своята страна, с други думи – за създател на молдавската църква. Струва си да се помисли и за политическите заслуги на митрополит Дамян, особено в размирните времена след смъртта на княз Александър Добрия (+ 1432 г.).

Потенциален ученик или приближен на патриарх Йосиф е и българинът ***Теоктист,*** отново ***митрополит на Молдова*** (1453-1478), непряк наследник на Дамян. Той също участва в работата на Фераро-Флорентинския събор, и то като архидякон в "партията" на Марк Ефески. В този смисъл Теоктист по един или друг начин е свързан и с Йосиф II, но и с Дамян. Скоро след събора той се озовава в Молдова, което очевидно става във връзка с митрополит Дамян.

Теоктист е игумен на прочутия манастир "Нямц", който по онова време е своего рода "изнесен център" на Търновската книжовна школа. Ръкоположен за митрополит през 1453 г., но не от Константинопол, а от печкия (сръбския) патриарх Никодим. Това се дължи на липсата на патриарх в Константинопол във времето около неговото завладяване от османците, както и на неприемането на унията от страна на молдавската църква. Българинът Теоктист е митрополит на Молдова в продължение на четвърт век, бидейки духовен водач на княжеството до смъртта си (18 ноември 1478 г.). Именно Теоктист е духовният глава на страната при нейния най-изтъкнат владетел Стефан Велики (1457-1504). Сътрудничеството между митрополит Теоктист и даровития държавник (Стефан изрично нарича Теоктист "свой отец"!) дава забележителни резултати. Както е известно, Стефан Велики е сред най-значимите ктитори на

българския манастир “Зограф”, което определено може да се свърже и с неговия митрополит българин.

Друг българин, извънредно приближен до патриарх Йосиф, е ***Игнатий*** – първият известен ***митрополит на Търново,*** който в някои документи продължава да е наричан ***„патриарх на българите”***. Именно на Игнатий вселенският патриарх Йосиф поверява отговорната и трудна функция на своеобразен координатор на всички православни делегации по време на Фераро-Флорентинския събор. В един спор по време на събора Йосиф казва, че Игнатий е човек *“... от моята килия и от моята фамилия”*, което категорично свидетелства за голямата близост и дори роднински връзки между двамата. Впрочем, както стана дума, подобна възможност съществува и при случая с молдавския митрополит Дамян.

С патриарх Йосиф е свързан в някаква степен и знаменитият през онази епоха ***Исидор***, един от двамата (заедно с Висарион) водачи на “латинофилите” във Византия. Според някои данни Исидор е родом от Солун, според други произлиза от средата на пелопонеските “славини”, знаел е “славянски” (старобългарски) език и е ръкоположен от Йосиф II за ***митрополит на Киев, Москва и “цяла Русия”*** (1437-1439 г.). На събора във Ферара - Флоренция той е избран за папски кардинал. Както е известно, в Русия унията не е приета, а Исидор отново заминава за Рим. Цялата му по-нататъшна дейност е свързана с Римската църква и стремежа към утвърждаването на унията. През 1448 г. патриарх Григорий Мамас ръкополага за московски митрополит ***Григорий Българина.*** Последният е също привърженик на унията, дълги години е протодякон и близък сътрудник на Исидор, като също участва в работата на Фераро-Флорентинския събор.

Литературни или богословски произведения на патриарх Йосиф II не са известни. Същевременно някои съвременници се изказват позитивно за интелектуалните достойнства на патриарха: *"За всички, които са го виждали, той е преподобен, така изтънчен, със здрав разум, опитност в живота* (...) *Според моята преценка мисля, че днес не би могъл да се намери подобен на него в цяла Гърция* [Византия]... " (Йоан от Дубровник). Амброзий Траверсари е възхитен от разговора си с патриарха и държанието му, *"...което поражда уважение."*

Писмените паметници, които в една или друга степен имат отношение към перото на патриарх Йосиф, са неговите патриаршески писма. Сред тях има и такива на славянски (старобългарски), изпращани в Москва. Те се отличават с овладени похвати на църковна дипломация, особено във връзка със споровете около отлъчването на друг голям българин, интелектуалец и духовен водач на русите – *Григорий Цамблак*, тогава митрополит на Киев и Литва. В писмата си Йосиф II проявява гъвкавост, като макар и по косвен път се стреми да защитава Цамблак от нападките на московския митрополит Фотий. Струва си да се проучи дали тези писма са превод от гръцки, както се мисли обикновено, или са писани от самия Йосиф II на родния му български език. Този въпрос обаче се нуждае от самостоятелно проучване.

Няколко думи и за възможните връзки на ***патриарх Йосиф и други видни българи от XIV-XV в.*** Колкото и да е "опасно" да навлизаме в сферата на хипотетичното, логическите конструкции и импровизации, не можем да не зададем някои закономерни, налагащи се от само себе си въпроси... Йосиф II още като младеж, роден в Търново, като монах на Атон, да не говорим като митрополит на

Ефес и вселенски патриарх в Константинопол, в едни или други моменти и обстоятелства, е съвременник на други видни българи. С някои от тях, ако не и с всички, той положително е имал "пресечни точки" в Търново, на Атон, в Ефес, Константинопол, Ферара, Флоренция и т.н.

Отчасти се спряхме върху този проблем предвид учениците на Йосиф и негови подчинени митрополити, какъвто например е бил ***Григорий Цамблак***. Не можем обаче да игнорираме обстоятелството, че бъдещият митрополит и вселенски патриарх е по-млад съвременник на патриарх Евтимий Търновски (починал най-вероятно през 1404 г., а според други известия през 1412 г.), на митрополита на Киев, Москва и "цяла Русия" Киприан (починал на 16 септември 1406 г.), на сръбския патриарх и светец от българско потекло Ефрем (починал на 15 юни 1400 г.), на "учителя" на Влахия, българинът Никодим Тисмански (починал на 26 декември 1406 г.), на братята митрополит Теодосий Трапезундски и Дионисий Костурски (починали през 90-те години на XIV в.), и др. Поне с някои, ако не и с всички, Йосиф положително е бил в едни или други взаимоотношения. За съжаление, преки свидетелства за такива връзки засега не са открити. Това е задача за бъдещи проучвания, която би могла да покаже непознати страни от дейността на Йосиф и посочените видни българи от онази епоха.

С Йосиф II неминиемо е свързан и проблемът за положението на българската ***"Велика църква майка" в Търново,*** за съдбата на българската православна патриаршия. Знае се, че след заточението на патриарх Евтимий (1394 г.) константинополският патриарх Антоний IV предоставя временно за управлението нейния диоцез на ***молдавския митрополит Йеремия***. Самият Йеремия не е допускан в епархията си поради разногласията на

Константинопол с тогавашния молдавски владетел Петър Мушат. Както се знае обаче, Йеремия е бил само временно управляващ диоцеза на Търново, без право да заема ***"епископския синтрон"...***

Рангът на патриаршията не е отнет дори и след смъртта на Евтимий, а в Търново все още не е образувана митрополия, подчинена на Вселенската патриаршия. Приема се, че това е станало нейде около 1416 г. Така или иначе, и през следващите векове Търновската митрополия се е отличавала от останалите "обикновени" катедри на Вселенската патриаршия, като в някои отношения е запазвала елементи от някогашното си достойнство на патриаршия. Така или иначе, обичайните обвинения и подозрения в антибългарска насоченост при "закриването" на Търновската патриаршия от страна на Константинопол, не се възприемат в по-новата научна литература.

През 1416 г. вселенски патриарх обаче е именно българинът, царският син Йосиф II... В много от съществуващите изследвания неизвестно защо дори не се прави връзка с този факт?! Разбира се, ако се подадем на елементарни емоции, бихме стигнали до пресиления извод, че българската църковна независимост е ликвидирана от ... българин, български царски син, при това човек, който вероятно е роден в Търново.

В същност нещата надали стоят толкова еднопланово, макар че се нуждаят от своето обяснение. Вероятно деструктирането на Търновската патриаршия не е еднократен акт, а продължителен процес. По нищо не личи изпратеният от Йосиф II в Търново българин, а може и роднина Игнатий да има положение, различно от онова на Йеремия. Това означава, че "де юре" Търновската патриаршия не е закрита. А може би в средите на православното духовенство изборът на Йосиф е бил

тълкуван именно като жест и към пострадалата в хода на османското завоевание българска патриаршия? Така или иначе, през тридесетте години в лицето на Игнатий, приближен на Йосиф II, виждаме Търново не в качеството на "стандартна" митрополия, а на авторитетен център на православната църква. Дали това е максималното, което Йосиф II е можел да направи, поне засега едва ли бихме могли да отговорим. Още нещо, и днес има изследователи (например проф. А. Калоянов), които смятат, че Търновската патриашия е продължила своето легитимно съществуване още две столетия – въпрос, който обаче излиза извън рамките и задачите на настоящата студия.

Патриарх Йосиф II е обрисуван от свои съвременници като мъдър и благороден човек. Вероятно по време на своя понтификат той в голяма степен примирява противоречията в православния лагер и буди заслужено уважение у западните прелати. Смъртта му в навечерието на подписването на Флорентинската уния, хвърля сянка върху легитимността на съглашението и лишава православните архиереи на събора от техния най-високопоставен водач. В стремежа си за постигане на дълго подготвяната уния император Йоан VIII допуска немотивирани отстъпки пред Рим, които будят недоволството на повечето православни духовници и обричат на безперспективност гръмко обявеното, но неискрено "единство".

Православната църква продължава да се отнася - ако не враждебно, то хладно, с подозрение към личността и ролята на патриарх Йосиф II – отношени, каквото този виден българин определено не заслужава. Разбира се, "мълчаливият" въпрос е какво би станало, ако патриархът бе жив в края на събора? Ако бе успял да наложи умерена линия, която би спечелила повече доверие във Византия,

Сърбия, Русия, Молдова, Влахия, Грузия, а и в покорените земи на родината му България...

Дори да се отдадем на "контрафактуални" версии, отново ще стигнем до извода, че надали унията, дори и в максимално приемливия за всички вид, би спасила балканските християнски държави - причините за катастрофата са много по-дълбоки. И все пак, трябва да се признае, че в лицето на Йосиф II идеята за единството на православни и католици намира достоен представител. И наистина, кой по-добре от един българин, син на владетеля-мъченик Иван Шишман, е можел да осмисли истината, че различията трябва да отстъпят пред общите ценности, традиции и вяра в Христа?

Участието на Йосиф II в грандиозния Фераро-Флорентински събор оставя трайни следи в културното пространство, вкл. негови портрети, дело на ренесансови италиански майстори. Най-известна е композицията на Беноцо Гоцоли, където са налице ярки портретни характеристики и силни внушения. В края на XX в. проф. А. Божков идентифицира изображение на патриарха българин и върху бронзовата врата на базиликата "Св. Петър" в Рим. Няма съмнение обаче, че сакралното място, където следва да бъде почитан Йосиф II е неговият гроб във великолепната църква "Санта Мария Новела" във Флоренция.

Фактът на съществуването на патриаршеската гробница (и то в своеобразната "столица" на Ренесансова Европа, посещавана от милиони туристи от цялата планета!), остава недооценен от българската държава, нейната дипломация и културни институции. Разбира се, тази несправедливост трябва, може и ще бъде поправена, тъй като българската нация, нейните общности в Италия и по света вече са доказали своето отношение към забравени

светини и места на националната памет: гробовете на кан Кубрат при Мала Перешчепина в Украйна, на св. Кирил в Рим, Италия, и на св. Методий в Микулчице в Чехия.

Литература

1. Андреев, Й., Ив. Лазаров, Пл. Павлов. Кой кой е в средновековна България. София, 1994 (1999, 2012).

2. Божилов, Ив. Фамилията на Асеневци (1186-1460). Генеалогия и просопография. София, 1985 (1995).

3. Божков, А. Изображения на един българин върху централните врати на базиликата "Сан Пиетро" в Рим. – Източното православие в европейската култура (Междунар. конференция – Варна, 1993). София, 1999.

4. Гюзелев, В. Религиозна търпимост и несъвместимост в отношенията между гърци и българи, православни и католици в историята на България през средата на XIII - средата на XV в.- Palaeobulgarica/ Старобългаристика, 1999, кн. 3.

5. Дуйчев, Ив. Проучвания върху българската история и култура. София, 1981,

6. Джурић, И. Сумрак Византије (Време Јована VIII Палеолога, 1392-1448). Београд, 1984.

7. Ждраков, З. Българите и Флорентинската уния от 1439. В:*http://www.nbu.bg/PUBLIC/IMAGES/File/departamenti/istoriq/6.pdf*

8. Зноско, К. Исторический очерк церковной унии. Минск, 2007.

9. Ломизе, Е. Письменные источники сведений о Флорентинской унии на Московской Руси в середине XV в.- Россия и християнский Восток, I. Москва, 1997.

10.Мейендорф, И. Флорентинский собор: причины исторической неудачи.- Византийский временник, т. 52, 1991.

11.Николов – Зиков, П. Династията Срацимировци. София, 2012.

12.Павлов, Пл. Щрихи към портрета на вселенския патриарх Йосиф II (1416-1439) – Acta Musei Varnaensis, III/1. Българските земи през Средновековието (VII-XVIII в.) Междунар. конференция в чест на 70-год. на проф. Ал. Кузев (2002). Варна, 2005.

13.Павлов, Пл. Търновски светци и чудотворци. Варна, 2006.

14.Павлов, Пл. Българското Средновековие: познато и непознато. В. Търново, 2008.

15.Павлов, Пл. Забравени и неразбрани (Събития и личности от българското Средновековие). София, 2010.

16.Павлов, Пл., Ив. Тютюнджиев. Българите и османското завоевание (кр. на XIII – ср. на XV в.). В. Търново, 1995.

17.Павлов, Пл., Хр. Темелски. Българи светци. София, 2010.

18.Радић, Р. Време Јована V Палеолога (1332-1391). Београд, 1993.

19.Русская историческая библиотека, т. VI. Санкт Петербург, 1908.

20.Сорочан, С.Б. Византия (Парадигмы бита, сознания и культуры). Харьков, 2011.

21.Тодорова, О. Една хипотеза около причините за ликвидирането на Търновската патриаршия.- Българският петнадесети век. София, 1993.

22.Трифонов, Ю. Унищожаването на Търновската патриаршия и заместването й с автономно митрополитство-архиепископство.- Сборник за нар. умотворения, наука и книжнина, кн. XXII-XXIII. София, 1907.

23.Тютюнджиев, Ив. Търновската митрополия през XV-XIX в. В. Търново, 2007.

24.Cecconi, E. Studi storici sul concilio di Firenze, t. I. Firenze, 1869.

25.Concilio di Basilea – Ferrara - Firenze – Roma. - *http://www.intratext.com/IXT/ITA0131/*

26.Council of Florence.- In: Catholic Encyclopedia (1913).- *http://en.wikisource.org/wiki/Catholic_Encyclopedia_(1913)/The_Council_of_Florence* (L. van der Essen).

27.Ducas. Istoria turko-bizantina (1341-1462). Ed. V. Greku. Bucureşti, 1958.

28.Dujcev, I. A propos de la biographie de Joseph II patriarche de Constantinople.- Medieoevo bizantino-slavo, t. I. Roma, 1965.

29.Gill, J. The Council of Florence. Cambridge, 1959.

30.Laurent, V. Les origines princieres du patriarche de Constantinople Josef II (+ 1439).- Revue des etudes Byzantines, 13, 1959.

31.Laurent, V. Isidor de Kiev et la metropole de Monembasie.- Revue des etudes byzantines, 17, 1959, 150-157.

32.Les regestes des actes de Patriarcat de Constantinople, VI. Les actes de patriarche de 1376 a 1410. Ed. J. Darrouzes, Paris, 1989.

33.Syropoulos, S. Mémoires (ed. V. Laurent). Concilium Florentinum: Documenta et Scriptores, t. IX. Rome, 1971.

ЖЕСТОКОСТЬ И НАБОЖНОСТЬ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

(на материале «Сказания о Дракуле воеводе» и «Молдо-немецкой летописи»)

Талмазан Олег Назарович,
писатель, журналист
(Кишинев, Республика Молдова)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности сознания средневекового человека на материале русской исторической повести «Сказание о Дракуле воеводе» и ряда русских и европейских текстов XV-XVI веков, таких как молдо-немецкая летопись, европейские литературные и народные сказки, исторические документы и хроники.

Ключевые слова: *«Сказание о Дракуле воеводе», жестокость и набожность, средневековая литература.*

Abstract. The article discusses the features of consciousness of medieval man on a material of Russian historical novel "The Legend of Dracula governor" and a number of Russian and European texts of XV-XVI centuries, such as the Moldovan-German Chronicle, European literature and folk tales, historical documents and chronicles.

Key words: *"The Legend of Dracula Governor", cruelty and devotion, medieval literature.*

Adnotare. Articolul discută caracteristicile de conştiinţă a omului medieval pe un material de povestire istorică rusă "legenda lui Dracula voievod" şi un număr de texte ruse şi europene din secolele XV-XVI, cum ar fi Letopiseţul moldo-german, povestile europene literare şi folclorice, documentele istorice şi cronicile.

Cuvinte-cheie: *"Povestirea despre Dracula voievod", cruzimea şi pietatea, literatura medievală.*

«Сказание о Дракуле воеводе» [22] привлекало внимание исследователей достаточно давно, и рассматривалось с различных точек зрения. Однако интерес к тексту всякий раз высказывался односторонний, что неудивительно, учитывая небольшие размеры повести. В разное время споры вызывали вопрос авторства, вопрос оригинальности произведения, вопрос жанра, а также представление автора повести об идеальном правителе.

Тема же настоящего исследования несколько иная. Многие исследователи не учитывают особенности сознания средневекового человека, такие, как более спокойное отношение к жестокости и насилию, другое понимание морали, отсутствие выраженного национального самосознания и много другого, что и будет предметом рассмотрения в этой работе.

Такая ошибка является типичной не только для филологов, но и для историков, в частности молдавских, склонных наделять людей средневековья мотивацией

современного человека. В результате появляются учебники, на страницах которых школьникам предлагается осудить поведение молдавских бояр с позиции неведомых средневековому человеку идеалов, ведутся рассуждения о приоритете национальной идеи в средние века, и тому подобное. Широко распространены попытки идеализации личности средневековых правителей.

Именно в исправлении таких ошибок и видится практическая ценность и актуальность настоящей работы. Ее научная новизна состоит в том, что в качестве источников информации используются молдавская летопись, средневековые сказки, и «Сказание» рассматривается под новым углом зрения – с учётом особенностей психологии современников автора.

Для выявления исторического и литературного контекста рассматриваемого феномена привлекаются сочинения XV века о Дракуле и «Молдо-немецкая летопись» [16], описывающая одного из персонажей «Сказания» – «воеводу Стефана Молдавского», сведения по истории региона и Европы в целом, а также народные сказки.

Прежде всего, обратим внимание на проблему авторства «Сказания о Дракуле воеводе».

Николай Михайлович Карамзин считал «Сказание» – «русской сказкой» [12], однако Фёдор Иванович Буслаев в статье «Повесть о Дракуле» назвал «Сказание» собранием анекдотов, *«составленном в местностях, ознаменованных подвигами Дракулы»* [7], иначе говоря, не считал «Сказание» оригинальным произведением. Эта точка зрения была господствующей по меньшей мере до начала XX века: «Сказание» включали в сборники переводных произведений. Александр Христофорович Востоков предлагал [9] считать автором повести дьяка Фёдора

Васильевича Курицина, главу посольства князя Ивана III Васильевича при дворе короля Матвея Корвина, поскольку по всем признакам дьяк подходил на эту роль – высказывал идеи близкие мировоззрению автора, в период написания повести (1481-1486) находился при венгерском дворе, где мог общаться с Антонио Бонфини и другими людьми, лично знавшими Влада Цепеша. Но были и противоположные мнения – Востокову возражал его современник Александр Николаевич Пыпин [20, 9], а уже в XX веке другой исследователь, Александр Дионисович Седельников, обнаружил [21, 638], что на одной из копий «Сказания» есть дата более раннего списка – февраль 1486 года, и Фёдор Курицин, вернувшись в этом же году в Москву, мог не успеть распространить повесть. При всём этом, Седельников был сторонником версии оригинального происхождения текста.

В пользу авторства дьяка Курицина говорит малое число нерусских слов вроде «апоклисарие» (посол, с греческого), что выдаёт московское, а не западнорусское происхождение текста, а также отсутствие в Венгрии других русских посольств в этот период. Можно предположить, что Курицин побывал в Москве до 1486 года, или распространением текста занимался кто-то другой.

В пользу оригинальности повести говорит то, что содержание «Сказания» шире немецких текстов о Дракуле, и что повесть помимо «собрания анекдотов» содержит идеологический стержень (размышления о правильном государе), скрепляющий разрозненные, казалось бы, витки сюжета. Особенностью повести, которую отмечал уже Карамзин, является уход от обычного по тем временам морализаторства. *«Автор мог бы заключить сию сказку прекрасным нравоучением, но не сделал того, оставляя*

читателям судить о философии Дракулы, который лечил подданных от злодейства, пороков, слабостей, нищеты и болезней одним лекарством: смертию» [12]. Повесть, безусловно, была «неполезной», то есть, не принадлежала к жанру церковно-нравоучительной литературы своего времени[1].

Нам же представляется чрезвычайно важным подчеркнуть, что исследование темы сочетания жестокости и набожности в средневековой литературе, в том числе любые оценки «Дракулы», невозможны без учета особенностей сознания средневекового человека. Впрочем, эти особенности следует признать некоей условностью, поскольку условен сам термин «Средневековье», а неоднородность социальная приводила к неоднородности культуры. Противоречивы и стремления средневекового человека, такие, как жажда чудесного и страх перед ним, возвышенность и распутство, учение о христианском всепрощении и звериная жестокость.

«Как правило, нам трудно представить чрезвычайную душевную возбудимость человека средневековья, его безудержность и необузданность. Если обращаться лишь к официальным документам, т. е. к наиболее достоверным историческим источникам, чем такие документы по праву являются, этот отрезок истории средневековья может предстать в виде картины, которая не будет существенно отличаться от

[1] Возможно, здесь стоит отметить слабое знание исследователями «Сказания о Дракуле воеводе» региональных и исторических реалий. Фёдор Иванович Буслаев в примечаниях [7] поясняет: «*Название это заимствано от Волохов, которые именуют Молдаван Мунтянами*» – что, конечно же, даже не грубая, а наивная ошибка. Яков Соломонович Лурье указывает [15]: «Влад Цепеш (1431[?] – 1476; настоящая фамилия Dracul». И так далее.

описаний политики министров и дипломатов XVIII столетия. Но в такой картине будет недоставать одного важного элемента: пронзительных оттенков тех могучих страстей, которые обуревали в равной степени и государей, и их подданных» [23, 20].

В контексте особенностей сознания средневекового человека свои краски приобретает личность господаря Штефана чел Маре.

В достоверности перевода «Молдо-немецкой хроники» [16] можно не сомневаться, немецкий вариант текста достаточно простой:

«В месяце феврале 27 дня воевода Штефан пошел к Браиле в Мунтении и пролил много крови, сжег торг и не оставил в живых даже ребенка в чреве матери, а распарывал животы беременным и вешал младенцев им на шею».

И чуть ниже:

«Господь помог ему уничтожить их, тех же, кого изловили живыми, он велел сажать на колья крестообразно через пупок, всего примерно 2300; и был занят этим два дня (...) и пошел с большой добычей и радостью в Сучаву, воздавая хвалу Господу Богу со своим владыкой, архиереями и дьяконами, потому что с Его помощью удалось совершить такое». Sancta simplicitas.

Давайте вспомним, что происходило в Западной Европе в XV-XVI веках. Столетняя война, Великая Инквизиция, «охота на ведьм», религиозные войны, Великая схизма, разгром Рима ландскнехтами, резня в Стокгольме, Кровавая купель, Варфоломеевская ночь...

Это не хорошо и не плохо. История бесстрастна – было то, что было. Пристрастны люди. Стыдятся ли французы Варфоломеевской ночи? Вряд ли. Был ли Штефан хуже, чем, скажем, Чезаре Борджиа? Пожалуй, нет

– Штефан жесток, но не аморален. Мы говорим о морали его времени, о его собственной морали.

В Средние века человек был не особенно восприимчив к виду крови, страданий, пыток. Стоит современному человеку познакомиться со старыми текстами европейских сказок, той же «Красной шапочкой», «Золушкой» или «Спящей красавицей» в неадаптированном виде – и он содрогнется. Отрезанные головы козлят в молдавской сказке «Capra cu trei iezi» покажутся невинными шалостями.

В те времена Бог был рядом с человеком. И все было очень неспроста. Падение с коня предвещало неудачу. Изогнутое дерево указывало путь сомневающемуся. Но природные явления бессмысленны сами по себе, ими руководит рука Бога.

Средневековый человек постоянно ходил по лезвию ножа: проявить ли благочестие в ущерб земным интересам или согрешить, рискнув судьбой бессмертной души, но не погибнуть. Тогда еще не было морального релятивизма, не было представлений об относительности добра и зла. Разбойник ли, монах ли – знал, что убивать нехорошо. И никогда не говорил, не думал и не чувствовал иного. Сознание вины никогда не покидало средневекового человека: ад и рай были в каждом сердце.

«Страх господень» – синоним совести, а светское бесстрашие воспринимается как отсутствие морали и даже как богоборчество и демонизм. Священное содрогание перед тайной божественного могущества совсем не похоже на страхи перед демонами, наоборот, оно в родстве с уверенностью в неотвратимости воздаяния и спокойствием, граничащим с фатализмом.

Люди прошлого придавали большое значение молитве и заступничеству святых людей. Молитва была

трудом особого рода, духовным трудом, который подчас бывает тяжелее работы в поле. Никому бы не пришло в голову сказать: «Монахи ничего не делают, а только молятся».

В Средние века не было «просто христиан». Спасти свою душу можно было только находясь в лоне Церкви: не христианской церкви вообще, а определенной, правильной конфессии – истинной Церкви. Выбор между католицизмом и православием был куда серьезнее, чем представляется современному человеку, и определял многое другое. Штефан писал Ивану III: *«от двою сторон поганьство тяжкое, а от трех сторон ркучи християне, але мне суть хуже поганьства».*

Если судить по призывам Церкви к целомудрию и по речам проповедников, создается впечатление строгости нравов в прежние времена. Грех сладострастия считался одним из самых тяжелых, даже первородный грех связывался с плотским влечением (сегодня Церковь считает первородный грех прежде всего грехом гордыни). Однако если присмотреться к сохранившимся документам, к индульгенциям, станет ясно, что такие поступки, как изнасилования, гомосексуализм, инцест, педофилия, были будничными и наказывались не очень строго. Даже у священников были незаконнорожденные дети и не оформленные церковью связи. Поэтому, наличие у Штефана незаконнорожденных детей никого не должно удивлять.

Может показаться, что автор летописи был врагом Штефана, но – нет, ничего похожего, хроника была написана по заказу Штефана, более того, написана на немецком языке, чтобы достойно представить государя Европе. Можно не сомневаться: Штефану именно так и хотелось выглядеть. «Сказание» появилось лет за

пятнадцать до «Молдавско-немецкой хроники», можно не сомневаться, что Штефан знал о «пиаровском» эффекте сочинений о Дракуле.

Кто, кроме Господа, мог даровать Штефану победу? Богу было угодно, чтобы Штефан вырезал изменников в Браиле до последнего человека. И Церковь была рядом с государем.

Теперь обратимся к «Сказанию о Дракуле воеводе».

Между смертью Влада Цепеша (настоящее имя – Влад III Басараб; 1429-1476) и написанием повести прошло не очень много времени, но «Сказание о Дракуле воеводе» – это не жизнеописание. Автор повести использовал не только известные истории о Дракуле, но и не связанные с ним непосредственно. Скажем, сюжет о жестоком феодале, пригласившем к себе нищих и приказавшем их сжечь, является бродячим и в средневековой литературе встречается довольно часто. Тут важно другое: Валахия здесь не просто православное княжество на пути в Грецию; «Мутения» это антимир, сказочное царство, где возможно многое, невозможное в реальности и невозможное на Руси.

Дракула обедает рядом с посаженными на кол трупами, повелевает прибить гвоздями шапки к головам послов, отрубает руки женщине, муж которой ходит в порванной рубахе, – и автор «Сказания» не смущён кровожадным остроумием Влада.

«И толико ненавидя во своей земли зла, яко хто учинит кое зло, татбу или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако не будет живъ. Аще ль велики боляринъ, иль священник, иль инок, или просты, аще и велико богатьство имѣл бы кто, не может искупитись от смерти, и толико грозенъ бысть».

Несомненно, это одобрение. А вот ещё фрагмент:

«Аще жена кая от мужа прелюбы сътворит, он же веляше срамъ ей вырѣзати, и кожю содрати, и привязати ея нагу, и кожу ту на столпѣ среди града и торга повѣсити. И девицамъ, кои девьства не сохранят, и вдовам також, а иным сосца отрѣзаху, овым же кожу содравше со срама ея, и роженъ желѣзенъ разжегши, вонзаху въ срам ей, и усты исхожаше. И тако привязана стояше у столпа нага, дондеже плоть и кости ей распадутся иль птицам в снѣдь будет».

Очевидно, что автора не смущает жестокость, неприятие автора вызывают совсем другие моменты, такие, как переход Влада в католицизм:

«Дракула же возлюби паче временнаго свѣта сладость, нежели вѣчнаго и бесконечнаго, и отпаде православия, и отступи от истинны, и остави свѣтъ, и приа тму».

Не осуждается истребление нищих, то есть отказ от «нищелюбия». Следует обратиться к главе 6 Евангелия от Луки, чтобы понять, насколько вызывающе и кощунственно поведение Дракулы. Сжигая нищих, он заявляет:

«Да вѣсте, что учиних тако: первое, да не стужают людем и никтоже да не будеть нищь в моей земли, но вси богатии; второе, свободих ихъ, да не стражут никтоже от них на семъ свѣтѣ от нищеты иль от недуга».

Не одобряет автор и занятий колдовством – ведь всем известно, что злые колдуны прячут золото в схроны:

«Учиниша же ему мастери бочкы желѣзны; он же насыпа их злата, в рѣку положи. А мастеровъ тѣх посѣщи повелѣ, да никтоже увѣсть съдѣланнаго имъ окаанства, токмо тезоимениты ему диаволъ».

Отношение автора к описываемым событиям довольно легко угадывается, открытым остаётся только вопрос об обязанностях государя. Задуматься об этом заставляет история о монахах, один из которых осудил, а другой одобрил жестокости Дракулы:

«Единою ж приидоша к нему от Угорскыя земли два латинска мниха милостыни ради. Он же повелѣ их развести разно, и призва к себѣ единого от них, и показа ему округ двора множьство бесчисленое людей на колѣхъ и на колесѣх, и вопроси его: “Добро ли тако сътворих, и како ти суть, иже на колии?” Он же глагола: “Ни, государю, зло чиниши, без милости казниши; подобает государю милостиву быти. А ти же на кольи мученици суть”. Призвав же и другаго и вопроси его тако же. Он же отвѣща: “Ты, государь, от Бога поставленъ еси лихо творящих казнити, а добро творящих жаловати. А ти лихо творили, по своимъ дѣломъ въсприали”».

Иосиф Волоцкий (1440-1515), будучи знаком с повестью, писал [8]:

«Аще ли же есть царь, над человеки царствуя, над собою же имать царствующа страсти и грехи, сребролюбие и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, злейши же всех – неверие и хулу, таковый царь не божий слуга, но диавол, и не царь, но мучитель... И ты убо таковаго царя или князя да не послушаеши, на нечестие и лукавство приводяща тя, аще мучит, аще смертию претить!»

Иван Семёнович Пересветов, публицист XVI века, создал образ идеального правителя в «Сказании о Магмет-салтане» и отправлял свои сочинения Ивану IV Васильевичу Грозному от имени «Петра, воеводы молдавского»:

«Без таковыя грозы не мочно в царство правды

ввести» [19, 153].

Показательно, что «Сказание» не переписывалось в годы царствования Ивана Грозного, слишком очевидны были исторические параллели.

Примерно в это же время о Дракуле писали и другие иностранцы, бывавшие в придунайских землях: анонимный немецкий автор брошюр «О великом изверге Дракола Вайда» (1463, предположительно по приказу Матвея Корвина), австрийский мейстерзингер Михаэль Бехайм (1416 – 1474) и автор «Венгерской хроники» Антонио Бонфини (1427-1503) – историк при дворе Матвея Корвина (Матьяш I Хуньяди; 1443-1490).

Вероятнее всего, Штефан III был знаком с произведениями о Дракуле и наблюдал произведённый ими эффект. Песни немецких авторов появились ещё при жизни Влада, «Сказание» было записано до 1486 года, а «Венгерские хроники» около 1488 года. Штефан же заказал написание летописи на немецком языке в 1499 году и отправил её в Нюрнберг в 1502 году. Таким образом, «Хроника» была сознательным пропагандистским ходом, и могла даже утрировать жестокость Штефана.

Дракула Бонфини, как и Дракула Курицына, сочетал в себе неслыханную жестокость и справедливость, что было близко к идеям, высказываемым чуть позже Николо Макиавелли, и Иваном Пересветовым, считавшими единство жестокости и справедливости обязательным свойством государя.

«Однако, в отличие от хроники Бонфини “Сказание” Курицына не публицистический, а беллетристический памятник – автор не высказывает оценки героя в прямой форме, а рисует весьма необычный и ярко характерный образ этого князя», – отмечал Дмитрий Сергеевич Лихачев [14].

Обстоятельства пребывания поверженного воеводы в Буде – переход в католичество, игрушечные казни мышей и птиц – можно найти только у Курицына. Некоторые историки ставят под сомнение переход Влада в католицизм, говоря о том, что такой поступок не был нужен Матьяшу Хуньяди, что вполне может быть правдой. Но этот эпизод связан с валашским поверьем о том, что православный человек, перейдя в католицизм, становится вампиром [24], и как нельзя лучше вписывается в образ колдуна Дракулы.

Есть много причин сомневаться в исторической достоверности сочинений о Дракуле, и прежде всего сочинений на немецком языке. Но совершенно очевидно, что «Сказание о Дракуле воеводе» не может быть переводом с немецкого источника. В отличие от «Сказания» и «Венгерской хроники», немецкие тексты не несут никакой идейной нагрузки, кроме неприятия Влада [6, 499-536].

О самом лютом из владык,
кто подданных своих привык
тиранить повсеместно,
с тех пор, как мир был сотворён,
о злейшем звере всех времён,
насколько мне известно,
поведаю стихами,
как Дракул, злобствуя, владел
Валахией и свой удел
упрочить мнил грехами.

Обычно это объясняют конфликтом между Владом и саксонскими городами, сознательной пропагандой со стороны Матьяша и его немецких союзников. Но, возможно, в германских княжествах той эпохи были другие нравы?

Попытаемся ответить на этот вопрос, привлекая к исследованию народные сказки – один из немногих доступных нам образцов мышления людей прошлого. О средневековых сказках мы знаем не очень много, прежде всего потому, что в Европе записывать народные сказки начали довольно поздно, и мы знаем их по поздним редакциям. В русских переводах сказок в первозданном виде почти нет, возможно, потому, что детям их и показывать нельзя. Даже первые переводы на русский язык Шарля Перро в 1768 году и братьев Гримм в 1812 году представляют собой адаптации, да и сами сказки этих авторов представляют собой адаптации более ранних текстов и народных сказок. Отделить народные сказки от литературных не всегда возможно, иногда сказки становятся народными уже после опубликования, как это случилось, скажем, в России со сказками «Красная шапочка», «Коза и семеро козлят», как это происходило во Франции и Германии. Современные же сборники народных сказок представляют собой обработки обработок.

Джамбаттиста Базиле (1566 или 1575 - 1632) – неаполитанский писатель, первым записавший или написавший многие сказки, ставшие впоследствии хрестоматийными в переложениях Шарля Перро и братьев Якова и Вильгельма Гримм (в частности, «Спящую красавицу», «Золушку», «Волка и семерых козлят»). Однако из пятидесяти сказок, вошедших в сборник «Пентамерон» или «Сказка Сказок», на русском языке к 2012 году вышли только первые четыре [2, 150-194]. В Интернете можно найти довольно грамотные любительские переводы отдельных сказок, скажем «Кошка-Золушка» и «Спящая красавица» Базиле, «Красавица в спящем лесу» Перро, но поручиться за

корректность таких переводов нельзя [3, 4, 5].

Базиле очень изобретателен, его язык бывает выразительным, образы выпуклыми, но смех – грубым, жестоким, глупым, во всяком случае, для восприятия современного человека. Простота нравов его персонажей иногда бывает хуже воровства, а мораль, мягко говоря, далека от христианской, но при этом Базиле назвал своё сочинение «Сказка сказок, или Забава для малых ребят».

«Коза и трое козлят»

Интересно, что молдавская сказка «Коза и трое козлят» в переложении Иона Крянгэ (1837-1889) значительно жёстче, чем вариант сказки братьев Гримм (сюжет №123 по системе классификации Аарне-Томпсона). Если в привычном варианте волк проглотил козлят целиком, благодаря чему козлята в конце сказки выпрыгивают из распоротого живота, то у Крянгэ не всё так благостно [13]:

«Видит волк, что нечем больше поживиться, другое задумал: выставил в окошках козлиные головы с оскаленными зубками, словно смеются; после вымазал стены кровью, чтобы еще больше козе насолить, и пошел восвояси».

Но и коза в долгу не осталась. Наполнила яму горящими углями и поставила над нею восковой стульчик для волка. Таким образом, добро побеждает зло с долей изуверства и коварства.

« – Ой, кума, ой, горят мои пятки! Скорее вытяни, душа горит!

– Нет, куманек! Во мне ведь тоже душа горела, когда козлятки мои погибли! Богу, говоришь, свежатина по вкусу, а мне по вкусу и те, что постарше, были бы только хорошо поджарены. Знаешь, чтобы насквозь

огонек их пронял».

«Схватили коза с козленком по охапке сена и в яму на волка бросили. Потом стали камни в него швырять и что под руку попадалось, пока не прикончили».

В Молдавии эту сказку предлагали детям дошкольного возраста и в советское время, и позже.

«Красная шапочка»

Сказка о девочке, обманутой волком (№ 333 по классификации Аарне-Томпсона), была известна в Тироле по меньшей мере с XIV века. В фольклорных записях сюжет выглядит следующим образом.

Мать посылает дочь к бабушке с молоком и хлебом. Та встречает волка, рассказывает ему, куда идёт. Волк обгоняет девочку, убивает бабушку, готовит из её тела кушанье, а из крови – напиток, одевается в одежду бабушки и ложится в её кровать. Когда девочка приходит, волк предлагает ей поесть. Бабушкина кошка пытается предупредить девочку о том, что та ест останки бабушки, но волк кидает в кошку деревянными башмаками и убивает её. Потом волк предлагает девочке раздеться и лечь рядом с ним, а одежду бросить в огонь. Та так и делает и, улегшись рядом с волком, спрашивает, почему у него много волос, широкие плечи, длинные ногти, большие зубы. На последний вопрос волк отвечает: «Это чтобы поскорее съесть тебя, дитя моё!» и съедает девочку.

Шарль Перро [17] убрал мотив каннибализма, персонаж-кошку и её убийство волком, ввёл вызывающую красную шапочку, а главное – нравоучительно осмыслил сказку, введя мотив нарушения девочкой приличий, за которое она поплатилась, и заключил сказку стихотворной моралью, наставляющей девиц опасаться соблазнителей. Однако, хотя грубые натуралистические проявления

народной сказки были существенно смягчены, эротизм подчёркивался. Братья Гримм [10] добавили в сказку счастливый конец: проходившие мимо дровосеки, услышав шум, убивают волка, разрезают ему живот и спасают бабушку и Красную Шапочку. Морализаторство Перро на тему взаимоотношений полов из сказки исчезло, как и все сексуально окрашенные мотивы. Красная Шапочка нарушает не приличия, а волю матери, которая просит дочь идти к бабушке, не отвлекаясь ни на что. Мораль в конце вводится как предупреждение непослушным детям.

«Золушка»

Сказка о девушке, чья обувь попадается на глаза правителю, была известна ещё в Древнем Египте и в Китае, но нас сейчас интересует не бродячий сюжет, а особенности его интерпретации.

В сказке Базиле Золушка по совету наперсницы убивает злую мачеху крышкой сундука [3]:

«- Так давай же – подхватила мастерица, – открой уши, да хорошенько слушай, и станет твой хлеб белей, чем яблонев цвет. Как только пойдет отец из дому, скажи мачехе, что хочешь себе одежду из тех ветхих, что лежат в чулане в большом сундуке, чтобы сберечь те, что теперь на себе носишь. А она-то и рада видеть тебя всю в заплатах да в рванье. Откроет сундук, чтоб выбрать, что поплоше, а тебе скажет: “Придержи крышку”. Пока будет рыться внутри, ты крышку-то и отпусти, чтоб упала со всей силы, да шею ей и переломила. Когда это сделаешь, – а ты ведь знаешь, что отец твой на все готов, хоть фальшивую деньгу бить, лишь бы только ты довольна была, – выпадет случай, когда он тебя приласкает, а ты у него и попроси, чтобы он взял меня в жены. Сделаешь меня счастливой, и будешь

госпожой всей жизни моей».

В варианте братьев Гримм счастливый конец выглядел таким образом:

«А птичка, что сидела на ореховом дереве, созвала всех птиц поднебесья, собрались они и налетели на злых сестёр и выклевали им глаза. Было это им наказание за то зло, что успели они за всю свою жизнь причинить Золушке. А та вышла замуж за принца, и жили они долго и счастливо».

И это только популярные сказки, хорошо знакомые массовому читателю, но сцены жестокости есть и в других сказках, а в некоторых, как в сказке «Девушка без рук» есть и мотивы инцеста.

Сцены жестокости есть и у более поздних авторов, к примеру, у Ганса-Христиана Андерсена в сказке «Красные башмачки» [1]:

«И палач отвечал:

- Ты, верно, не знаешь, кто я? Я рублю головы дурным людям, и топор мой, как вижу, дрожит!

- Не руби мне головы! – сказала Карен. – Тогда я не успею покаяться в своем грехе. Отруби мне лучше ноги с красными башмаками.

И она исповедала весь свой грех. Палач отрубил ей ноги с красными башмаками, - пляшущие ножки понеслись по полю и скрылись в чаще леса.

Потом палач приделал ей вместо ног деревяшки, дал костыли и выучил ее псалму, который всегда поют грешники. Карен поцеловала руку, державшую топор, и побрела по полю».

«Гамельнский крысолов»

Сказка, вероятно, восходит к реальным событиям, называемому «Крестовый поход детей», поэтому данному

эпизоду истории стоит уделить больше внимания.

Легенда о крысолове в самом известном варианте [10] выглядит так. Однажды город Гамельн подвергся крысиному нашествию. Никакие ухищрения не помогали избавиться от грызунов, наглевших с каждым днём вплоть до того, что стали сами нападать на кошек и собак, а также кусать младенцев в люльках. Отчаявшийся магистрат объявил о награде любому, кто поможет избавить город от крыс. «В день Иоанна и Павла, что было в 26-й день месяца июня», появился «одетый в пестрые покровы флейтист». Неизвестно, кем он был на самом деле и откуда появился. Получив от магистрата обещание выплатить ему в качестве вознаграждения «столько золота, сколько он сможет унести», он вынул из кармана волшебную флейту, под звуки которой все городские крысы сбежались к нему, он же вывел околдованных животных прочь из города и утопил их всех в реке Везер. Магистрат, однако же, успел пожалеть о данном им обещании, и когда флейтист вернулся за наградой, отказал ему наотрез. Музыкант через какое-то время вернулся в город уже в костюме охотника и красной шляпе и вновь заиграл на волшебной флейте, но на этот раз к нему сбежались все городские дети, в то время как околдованные взрослые не могли этому помешать. Так же, как ранее крыс, флейтист вывел их из города – и утопил в реке (или, как гласит легенда, «вывел из города сто и тридцать рожденных в Гамельне детей на Коппен близ Кальварии, где они и пропали»).

Крестовый поход детей – пожалуй, самая чудовищная страница одной из самых мрачных эпох западного христианства. История похода в полной мере была обобщена на основании примерно 50 существующих источников лишь в 1977 году голландским медиевистом Питером Редтсом из Ниймегенского университета

(русского перевода нет).

В начале XIII века по городам и деревням Франции, а затем и в других странах, стала распространяться мысль о том, что если взрослым людям за «их грехи» не дано было освободить Иерусалим от «неверных», то это смогут сделать «невинные» дети. Они-то уж сумеют добиться милости от бога, они «чудом» освободят Иерусалим, этим искупят «грехи» народов и добьются таким образом для всех лучшей жизни. К тому же по разным суеверным приметам предсказывалось, что засуха в ближайшие годы будет так велика, что высохнет море и в Константинополь можно будет дойти сухим путем.

И вот однажды французский пастушок, двенадцатилетний Стефан, живший около города Вандом, увидел сон. К нему явился под видом нищего сам Иисус Христос, и мальчик дал ему хлеба. Христос съел хлеб и в благодарность передал пастушку письмо на имя короля Франции. В этом письме был призыв освободить Иерусалим и послать туда невинных детей-крестоносцев под предводительством Стефана.

Он прошел по всей стране и везде вызывал бурное воодушевление своими речами, а также и чудесами, которые он совершал на глазах тысяч очевидцев. Вскоре во многих местностях появились мальчики в качестве крестовых проповедников, которые собирали вокруг себя целые толпы единомышленников и вели их, со знаменами и крестами и с торжественными песнями, к чудесному мальчику Стефану. Если кто спрашивал молодых безумцев, куда же они идут, тот получал в ответ, что они отправляются за море к Богу.

Поначалу церковь реагировала на события благосклонно, папа Иннокентий III надеялся организовать новый Крестовый поход и даже сказал: *«Эти дети*

служат укором нам, взрослым: пока мы спим, они с радостью выступают за святую землю». Но потом эта идея разонравилась, и детей бросили на произвол судьбы.

Другой мальчик – Николас из Колони – проповедовал в Германии. За несколько недель в Колони собрались 20000 последователей – детей, подростков и юношей, которые были готовы идти за Николасом на Святую Землю. Немецкий пастушок повел своих адептов через Альпы в Италию, где, по его убеждению, море должно расступиться перед детьми, чтобы они могли беспрепятственно добраться до Святой Земли. Сборный пункт французского детского воинства был в городе Вандоме. За один месяц здесь собралось до 30 тысяч мальчиков и девочек. Они прошли через Тур и Лион, направляясь в портовый город Марсель. Распевая гимны, вступили они в предместье Марселя и направились по улицам города прямо к морю. Дети были уверены, что море должно перед ними расступиться, они до хрипоты пели гимны, но море не расступалось и продолжало плескаться у их ног.

Несколько купцов предложили пилигримам перевезти их на кораблях, и отправили часть детей на Ближний Восток, где сразу же по прибытии продали в рабство. Часть девочек ещё в Марселе забрали в портовые притоны, мальчиков – на суда и портовые работы.

Немецкие дети несколько позже достигли Генуи, но до моря дошли немногие: дети умирали в пути от голода, холода и болезней, тысячами гибли во время перехода через Альпы, но и у тех, кто уцелел, худшее было впереди. Жители прибрежных городов были настроены враждебно, детей травили собаками, убивали, жить было негде, есть нечего, возвращаться в Альпы немыслимо, а море было неумолимо. Самая худшая судьба выпала, конечно, на

долю девушек, которые кроме всяких других бедствий подвергались еще всевозможным обманам и насилию.

И дело даже не в том, что в средние века происходили такие события, как Крестовый поход детей, когда тысячи неубранных детских трупиков в серых рубашках и коротких штанишках устилали поля, когда детей убивали и продавали в рабство. Поразительно другое: европейские хронисты того времени, подробно описывавшие феодальные распри, битвы и восстания, писали об этой трагедии скупо и без интереса.

Обыденными и с интересом ожидаемыми действами были публичные казни.

Охота на ведьм

В 1486 году, приблизительно в то же время, когда было записано «Сказание», два германских инквизитора – Яков Шпренгер и Генрих Крамер (Институрис) – издали известную книгу «Молот ведьм». Она была написана в исполнение знаменитой ведовской буллы папы Иннокентия VIII – Summis desiderantes, призвавшего к уничтожению ведьм по всей Германии. Это пособие для борьбы с демонами, *«чтобы как духовные, так и гражданские судьи располагали готовыми приемами пыток, ведения суда и вынесения приговора».* Несмотря на серость и убогость содержания, успех книги был чрезвычайным: она занимала второе место по продажам после Библии (а не «Божественная комедия» Данте и не «Декамерон» Боккаччо) и выдержала 29 изданий в Германии, Франции и Италии. Сотни инквизиторов зачитывались ею, тысячи священников использовали в проповедях, сотни тысяч мирян внимали, чтобы применять знания о ведьмах на деле.

Определить даже приблизительное количество жертв буллы Иннокентия VIII нет возможности, называются

различные цифры – до двухсот тысяч замученных. В некоторых немецких городках было трудно встретить женщину любого возраста; в Бамберге за год были сожжены 22 девочки в возрасте от 7 до 10 лет. Со временем увлечение охотой на ведьм поутихло, но Франция отменила процессы против ведьм только 1793 году, а папская булла 1484 года не отменена католической церковью до сих пор.

Чем же мог Дракула поразить воображение современников и потомков? Изощрённостью казней? Но современниками Влада были люди с развитым воображением, скажем, Великий инквизитор Торквемада или живописец Иероним Босх. И в последующие века в Европе жили люди «с богатой фантазией».

Приведем лишь один пример экзекуции в поздний период.

Робер-Франсуа Дамьен покушался на жизнь Людовика XV (а может быть, имитировал покушение: он лишь слегка поцарапал короля перочинным ножом). Говорят, что Людовик просил не убивать Дамьена, но 2 марта 1757 года суд приговорил Дамьена к покаянию у Нотр-Дамского собора и казни на Гревской площади. Дамьена предполагалось четвертовать, но сначала его вздернули на дыбу, потом жгли горящей серой, рвали куски мышц раскалёнными щипцами, вырывали соски, а в свежие раны заливали расплавленный свинец, кипящее масло и горящую смолу. Священники же в это время призывали его покаяться. Затем его привязали к четырем лошадям, чтобы расчленить. Лошади рвались, их стегали кнутом, Дамьен страшно кричал, но всё никак не удавалось оторвать хотя бы одну ногу или руку. Добавили еще лошадей, пробовали направлять лошадей по-другому, но безуспешно. После нескольких попыток одна из лошадей упала. Тогда тело Дамьена надрезали в бёдрах и у подмышек, лошади потянули и оторвали ногу. Толпа на

площади и аристократы в окнах захлопали в ладоши. Когда оторвали все конечности, тело ещё дышало, глаза жертвы скользили взглядом по толпе. То, что осталось от Дамьена, бросили на костёр, а после сожжения пепел развеяли по ветру.

Таким образом, мы видим, что даже в XVIII веке в передовых европейских государствах практика публичных истязаний была заурядной.

В чём же причина того, что Влада воспринимали как аномально жестокого человека и современники, и потомки?

Оттенки изуверства и безрассудности Дракулы современному человеку не разглядеть. Если сравнивать Влада с его сверстником и кузеном Штефаном, то внешне их методы были очень похожими: Штефан жестоко карал бояр, сажал на колья изменников, применял тактику выжженной земли, Влад занимался строительством монастырей, жертвовал на Афон. Можно предположить, что дело совершенно не в том, что Влад выдумал какие-то поразительные истязания, а в том, что современники воспринимали Влада как иррационального человека. И напротив, действия Штефана воспринимали как оправданные и осмысленные. Возможно, рациональность и рассудочность и была той чертой, которая выделила Штефана из череды балканских правителей того времени.

В течение трёх веков о Владе никто не вспоминал, и может быть, он так бы и остался персонажем истории, если бы не роман Брема Стокера «Дракула», вышедший в 1897 году. В принципе, сочинение Стокера не более чем бульварный роман начала века, который читать просто-напросто скучно. Но разве «Молот ведьм» был написан искусно?

Почему же в качестве изувера не выбрали Кромвеля или Екатерину Медичи? В своём отечестве нет пророка, но

изверга тоже нет. А кто бы поверил, что Екатерина Медичи пьёт кровь людей и летает по ночам? Легендарный злодей должен быть остраненным, чужим и жить, например, в уединённом замке в далёких от Парижа поросших лесами горах Трансильвании. Знаете, где это? Или, скажем, в холодных заснеженных пустынях, как злой колдун Распутин из диснеевского мультика. Кто станет задумываться о том, что суровому царю Ивану Грозному и не снились такие массовые расправы, как события Варфоломеевской ночи? И будет ли кому-то интересно узнать, что Влад Дракула был всего лишь человеком своего времени?

В заключение подчеркнем следующее.

Очевидно, что изуверская жестокость в нашем понимании для людей средневековья была совместима с моралью и набожностью, как и другие поступки и проявления, которые кажутся нам совершенно недопустимыми. Идейным содержанием «Сказания о Дракуле воеводе» и основным драматическим конфликтом была не жестокость, а апория между идеей божественного происхождения власти и ответственностью правителя перед Всевышним, с одной стороны, и возможностью неповиновения нечестивому царю, с другой.

У каждого времени свои истины и свои заблуждения. И чтобы научиться понимать прошлое, нужно смотреть в него без осуждения или раболепия, не навязывая времени собственные заблуждения и свои истины.

Литература

1. Андерсен Г.-Х. Полное собрание сказок и историй в одном томе. Перевод А.Ганзен и П.Ганзен. М.:Альфа-книга, 2008.

2. Базиле Джамбаттиста. Сказка Сказок. Перевод П.Епифанова. / журнал «Иностранная литература», 2012, №8.

3. Базиле Джамбаттиста. Кошка-Золушка. Анонимный

перевод.http://www.diary.ru/~niiskazy/p184690172.htm?oam#more1

4. Базиле Джамбаттиста. Спящая красавица. Анонимный перевод. http://ljtale.ru/2015/01/dzhambattista-bazile-solntse-luna-i-taliya/

5. «Красавица в спящем лесу», анонимный перевод https://ficbook.net/printfic/1106230/3307619

6. Бехайм Михаэль. Дракул-воевода. Перевод В.Микушевича/ Стокер Брэм. Дракула, М.: Энигма, 2007.

7. Буслаев Ф.И. Повесть о Дракуле. (1863) http://ihavebook.org/books/4453/povest-o-drakule.html

8. Волоцкий И. Просветитель. Послание седьмое. Казань, 1896, http://krotov.info/spravki/history_bio/16_bio/iosof_vo.html

9. Востоков А.Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума, СПб, 1842 http://www.twirpx.com/file/1410252/

10. Гримм Я., Гримм В.. Собрание сочинений (200 сказок). Перевод под ред. П.Н. Полевого. Печатается по изданию: «Сказки, собранные братьями Гриммами», 1895. Спб.: Алгоритм, 1998.

11. Дарнтон Роберт. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

12. Карамзин Н.М. История государства российского, Том 7, гл. IV.

13. Крянгэ И. Воспоминания детства, сказки. М.: Художественная литература, 1987.

14. Лихачев Д.С. Культура Руси эпохи образования русского национального государства (конец XIV — начало XVI в.). М., 1946. http://zelenlib.ru/index.php/i-/2012-10-08-07-52-29/2012-10-08-07-53-00/1727--14-16-
http://www.lihachev.ru/lihachev/bibliografiya/nauka/kulturologiya/2115/

15. Лурье Я.С. Повесть о Дракуле. Исследование и подготовка текстов. М.– Л., 1964.

16. Молдо-немецкая летопись. Перевод И.Э. Клейненберг

/ Славяно-молдавские летописи XV-XVI. / М., 1976.

17. Перро Ш. Сказки матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями. Перевод с фр. С.Боброва, А. Федорова и Л. Успенского; Под ред. А. Андрес. М.: Правда, 1986.

18. Пересветов И.С. Сказание о Магмет-салтане. / «Все народы едино суть»/. М.: Молодая гвардия, 1987.

19. Пересветов И.С. Сочинения. М. – Л., 1956.

20. Пыпин А.Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских, в типографии Императорской Академии Наук, 1857, стр.9 http://www.bookva.org/books/657

21. Седельников А.Д. Литературная история повести о Дракуле./ "Известия по русскому языку и словесности Академии наук", т. II, кн. 2, Л., 1929.

22. «Сказание о Дракуле воеводе», в основу публикации положен древнейший список – ГПБ, Кирилло-Белозерское собрание, №11/1086. /Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века / Подгот. Я. С. Лурье/ М., 1982.

23. Хейзинга И. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М., 1988.

24. Florescu, McNally 1979. Florescu R., McNally R. In Search of Dracula: A True History of Dracula and Vampire Legends.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

СЛОВЕСНЫЕ ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ ХЛЕБОБУЛОЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЕЛАРУСИ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Деревяго Анна Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент
(Витебск, Беларусь)

Аннотация. Статья посвящена проблеме реализации этнокультурного компонента семантики во внутренней форме словесных товарных знаков хлебобулочных изделий. Рассматривается специфика словесных товарных знаков как типа прагматонимов и сектора ономастического пространства Беларуси. Определяется инструментарий культурных идей и образов, которые представлены на уровне исследованного типа прагматонимов и являют конструкты белорусской национальной картины мира.

Ключевые слова: *словесные товарные знаки, ономастическое пространство, концептосфера национального языка, национальная картина мира.*

VERBAL TRADEMARK OF BAKERY PRODUCTS IN ONOMASTIC SPACE OF BELARUS: ETHNOCULTURAL ASPECT

Abstract. The article deals with the implementation of the ethno-cultural component of the semantics of the internal form of verbal trademark of bakery products. We consider the specifics of verbal trademark as pragmatonimov type and sector onomastic space of Belarus. Determined by the instruments of cultural ideas and images that are represented at the level of the studied type pragmatonimov and a construct of the Belarusian national picture of the world.

Key words: *verbal trademarks, onomastic space, the sphere of concepts of a national language, the national picture of the world.*

Ономастическое пространство как совокупность имен собственных многомерно. Инвентарь онимических

единиц формируется в условиях реальной модели номинации поступательно, в те или иные хорологические периоды выдвигая на первый план имена собственные разных смысловых и функциональных типов. Процесс номинации детерминирован механизмом познания человеком окружающего мира и своего места в нем, в связи с чем антропонимная составляющая ономастического пространства отличается разнообразием единиц, различающимися базовыми характеристиками внешней и внутренней формы. Конструкты антропонимикона ориентированы человеком на реальные условия коммуникативных актов, которые демонстрируют соответствие системе официального и неофициального взаимодействия, объективные условия половозрастной и социальной дифференциации; их форма и содержание отражают специфику межсубъектных взаимоотношений, которые сопровождаются включением в структуру антропонимов субъективно ориентированных коннотаций. Особенности самоидентификации человека как отдельной личности и члена социума находят отражение в антропонимных единицах.

Языковая картина мира в границах как пространственно локализованной лексики, так и обширного сектора топонимных единиц есть отражение процесса пространственно-временной ориентации индивидуума. Время в индивидуальной картине мира воплощает идею цикличности и непрерывности развития, в то время как пространство определяет соположение объектов, формирует базисную систему координат, которая задает основные объективные и субъективные ориентиры основной точки и векторов движения для любой формы материи.

Сам факт появления в границах ономастического пространства именований объектов прикладной деятельности человека обусловлен исходной

антропонимной сфокусированностью процесса номинации. В стремлении сегментировать укрупненные участки познания с выявлением наиболее значимых объектов личностной картины мира, которая так или иначе отражает национальную картину мира, номинатор наделяет собственными именованиями многочисленные объекты и результаты своей производственной деятельности. Так формируется сегмент прагматонимов в реальном национальном ономастиконе.

В системе прагматонимов словесные товарные знаки занимают особое место: их внутренняя форма становится условием не только формирования семантики единичности, что свойственно именам собственным как классу лексики, но и условием манифестации уникальных свойств объекта номинации, результатом чего можно считать совмещение стандартной идентифицирующей ономастической функции с функциями прогнозирующей и манифестирующей. Кроме того, функционирование словесных товарных знаков происходит в сфере маркетинговой коммуникации, которую отличает диалогичность и полиалогичность речевых актов, в связи с чем данные единицы в первую очередь призваны формировать, транслировать и многократно ретранслировать блоки информации, прямо презентующие физические качества объектов номинации.

Семантическая структура словесных товарных знаков представляется многоуровневой системой, включающей в себя такие элементы, как денотативный (соотнесенность с предметом), сигнификативный (понятийный), прагматический, включающий разного рода коннотации. Особый статус этого типа словесных товарных знаков обеспечивается высокой важностью денотата именования, в результате чего во внутренней структуре денотативно-сигнификативное ядро является

сильным, а возникновение периферийных компонентов либо имеет культурно обусловленную маркированность, либо связано с маркетинговой стратегией номинаторов.

Неслучайно среди всех пищевых продуктов человека как субъекта материальной культуры хлеб занимает первое место. Начало хлебного производства надо искать в том периоде истории, когда человек бросил кочевую жизнь и начал оседлую, вместе с которой началась культура человека. Следовательно, хлебопечение положило начало цивилизации, и в мифологии древних народов хлебопечение имеет божественное происхождение [7]. Образ хлеба в славянской культуре настолько многогранен, что представлен на тезаурусном уровне знания и может быть классифицирован как концепт. Кроме того, апеллятив *хлеб* в русском языке имеет несколько значений – от пищевого продукта, выпекаемого из муки; продукта из муки в виде выпеченного изделия какой-либо формы и хлебного злака до средства к существованию, пропитания [4, 794]. Широта и разноплановость синтагматических и парадигматических связей этой лексемы в системе языка позволяет констатировать лингвокультурологическую ценность понятия, которая выражается, в том числе, в формировании макроконцепта как реализации совокупности лингвокультурем, а *«комплексное лингвокультурное описание его структуры и этнокультурного и семантического планов позволяет сделать вывод о том, что концепт* ***хлеб****, будучи культурной и языковой константой, находится в самом центре концептосферы русского языка … макроконцепт хлеб несет в себе не только и не столько смысл естественного жизнеобеспечения, но и целый спектр значений духовного образа жизни русского народа»* [5].

Материалом исследования стали словесные товарные знаки хлебной продукции, произведенной на

хлебозаводах Беларуси – КПУП «Минскхлебпром», РУПП «Витебскхлебпром», ОАО «Гомельхлебпром», РУПП «Гроднохлебпром», РУПП «Могилевхлебпром», ОАО «Брестхлебпром», собранные методом сплошной выборки на сайтах названных предприятий www.minskhleb.by, www.vhp.by, www.gomelhlebprom.by, www.hlebprom.by, www.hlebdar.by, www.bhp.by.

В словесных товарных знаках Беларуси в качестве дифференциальных выступают родовидовые признаки каждого отдельного регистрационного класса и дополнительные признаки подкласса внутри этого класса. Например: класс 18 – продовольственные продукты (общая сема для всего класса) и подкласс 18.16 (дифференцирующий признак) – хлебопекарная продукция – *хлеб Юрьевский, витушка Аппетитная, батон Утренний.*

Внешняя форма именований хлебных изделий достаточна традиционна для славянской системы ономастической номинации и представлена классификационным термином и проприальной частью именования. Семантика классификационного термина указывает на сущностный характер производства именуемого продукта – хлеб, батон, булка, сдоба и т.д. Проприальная часть словесных товарных знаков представлена несколькими моделями: одночленной – *Альгерд, Традиционный, Праздничный, Императорский, Новогрудский и т.д.*; двучленной – *Витебские просторы, Спадар аппетитный, Замковый новый;* многочленной – *Западный обычный заварной, Бородинский особый заварной, Двинский ароматный новый и т.д.*

Анализ прагматического компонента семантики словесных товарных знаков хлебных изделий показал, что блоки информации о степени новизны / традиционности продукта, технологическом характере производства

сопровождаются элементами культурно-исторического характера, которые устанавливают связь с национальной культурой. Аутентичность образа Беларуси на уровне названных словесных товарных знаков реализована прежде всего посредством топонимов и оттопонимных дериватов, именующих национально значимые, ключевые образы Беларуси в целом (*Белая Русь, Нарочанский, Днепровский, Новогрудский, Минский, Немига, Вильня / Старая Вильня*) и каждой ее административных частей в отдельности (*Могилевский, Заславский, Траецкі, Старадаўні Віцебск, Берестейский, Витебские просторы, Лужеснянский, Кленковский, Гродненский* и т.д.).

Информационные блоки, связанные с историей формирования этноса, проецируются в семантике словесных товарных знаков не только посредством включения топонимных элементов, но и при помощи прецедентных антропонимов, которые именуют знаковые личности белорусской истории – *Альгерд, Радзівіл*. Так, Альгерд (русс. Ольгерд) – великий князь литовский, князь витебский и кревский – в период своего правления с 1345 по 1377 годы значительно расширил границы Великого княжества Литовского; в княжение Ольгерда Витебск был укреплён каменными Верхним и Нижним замками, построена Свято-Духовская церковь [1]; а род Радзивиллов является одним из старейших княжеских родов Беларуси, уникальность которого в том, что по количеству выдающихся политических, церковных, военных и культурных деятелей с ним несопоставим ни один из знатных родов Беларуси.

К основным образам культуры белорусов, актуализованным в исследованных словесных товарных знаках, можно отнести образы батлейки, жалейки, толоки, родины, белорусской нивы – *хлебец Батлейка с*

отрубями, хлеб Жалейка аппетитный, хлеб Толока заварной, хлеб Беларуская ніва, хлеб Родная спадчына.

Так, образ батлейки проецирует в личностный контекст реципиента именования фоновую культурную информацию о белорусском народном кукольном театре, который презентует реалии жизни белорусов XVI в., когда выступления актеров с батлейкой, с ее представлениями на религиозные и народно-бытовые сюжеты были весьма популярны. Жалейка же соотносится с образом музыкального инструмента наподобие пастушьего рожка, который был известен на территории, заселенной восточнославянскими народами. Специфические культурные созначения, характерные только для белорусского мироощущения, апеллятив приобрел благодаря презентации этого образа как заглавного для первого сборника стихотворений белорусского поэта, драматурга и публициста Янки Купалы. В контексте творчества названного автора внутренняя форма апеллятива дополняется семой «воплощение свободного и объективного голоса народа»: «*Грай, мая жалейка, / Пей, як салавейка! / Апявай нядолю, / Апявай няволю / И грымі свабодна, / Што жыве край родны!*» [3].

Ряд прецедентных для белорусской культуры образов, представленных на уровне словесных товарных знаков хлебной продукции, дополняется единицами, которые могут быть признаны базовыми конструктами концептосферы белорусского языка.

Во-первых, это апеллятив *нива / ніва*. В семантике лексемы обнаруживается несколько векторных компонентов, как то: поле, обработанное для посева, пашня [6, 378]. Олицетворение *земля – мать* издревле существует в славянской мифологии, так что в сознании людей архетипические смысловые векторы, заключенные

в лексеме *нива*, неизменно устанавливают связь с тезаурусными образами земли, дающей жизнь, поддерживающей жизнь и предоставляющей возможность перерождения. В системе белорусской культуры сочетание *наша нива* выступает как прецедентный текст: в качестве названия оно представляло общественную и литературную газету, которая в начале XX в. была средством формирования идеи собственной государственности и независимости Беларуси. В составе словесного товарного знака конструктивный элемент *Беларуская ніва* определенно через исходный информационный блок прагмакомопнента семантики репрезентует и окруженную этнокультурным историческим ореолом сему «историческая аутентичность белорусской государственности».

Во-вторых, это семантически сегментированное понятие *родная спадчына*. Оно представляет образ родины, Беларуси, при этом специфика данной лингвокультуремы концентрируется в элементе *спадчына*. Ядро понятийного компонента формируется семой наследия и наследования. Культурный смысл, проникающий в языковое значение, определяет сущность лингвокультуремы, где на первый план выходит семантический блок продолжения рода и национальных традиций. Как прецедентный текст, *спадчына / родная спадчына* многократно презентуется в расширенных контекстах белорусских авторов, прирастая новыми субъективными ассоциациями и созначениями: «*Ад прадзедаў спакон вякоў / Мне засталася спадчына; / Паміж сваіх і чужакоў / Яна мне ласкай матчынай … Завецца ж спадчына мая / Ўсяго Старонкай Роднаю*» [2].

Белорусский этнокультурный компонент представлен на уровне не только внутренней, но и внешней формы именований: около 25 % единиц реализованы в белорусской лексической и графической

системах – *Вечаровы, Сябар, Сонечны смак, Смачны гасцінец, Шчодры дар и др.*

Культурный стереотип толерантности белорусов как этнической общности на уровне словесных товарных знаков проявляется в том, что параллельно с образами, типичными и специфичными для белорусской действительности реальной или исторической хронологии, сосуществуют лексемы, представляющие реалии других славянских этносов, культурные связи с представителями которых характеризуются разной степенью интенсивности – *Краковский, Виленский, Петровский, Балтийский, Рижский* и т.д. Наибольшей частотностью среди именований такого типа отличаются словесные товарные знаки хлебных изделий, в составе которых реализован топоним *Бородино* или оттопонимный дериват *Бородинский*. Как известно, Бородинское сражение было решающей битвой между французской армией Наполеона I и русской под командованием М. И. Кутузова. Это прецедентное событие в российской военной и народной традиции является символом стойкости и героизма в защите Родины. Как ключевое событие истории, заслужившее объективную аксиологическую оценку общества, оно имеет воплощение и на уровне прагматонимов.

Таким образом, словесные товарные знаки хлебобулочных изделий в границах ономастического пространства представляют прагматонимный сегмент, специфика которого во многом декларируется и обусловливается маркетинговой стратегией номинаторов. Около 42 % общего инвентаря исследованного языкового материала имеет непосредственную или опосредованную маркированность этнокультурного характера, при этом больше половины единиц (около 58 %) в структуре имеют компоненты, которые манифестируют физические

качества продукта (*ароматный, пшеничный, сытный* и т.д.), специфику процесса производства (*бездрожжевой, формовой, подовый, заварной* и т.д.), рецептурную динамику (*новый, традиционный, классический*), указывают на целевую аудиторию потребителей (*Молодежный, Любительский, Семейный*). В связи со стремлением номинаторов к детализации объективных свойств хлебного продукта более 67 % именований имеют многочленную структуру, состоящую из двух и более компонентов. Этнокультурная специфичность словесных товарных знаков хлебных изделий в Беларуси создается на базе преимущественного использования топонимов и оттопонимных образований, которые представляют реальное географическое пространство как современной Беларуси, так и ее исторического инвариантного образа. Антропонимы, реализованные в структуре исследованных прагматонимных единиц, отличает семантика прецедентного характера; в совокупности с широко известными в этническом культурном контексте образами они являют лингвокультурные конструкты белорусской национальной картины мира.

Литература

1. Вялікае Княства Літоўскае. Т. 1: Абаленскі – Кадэнцыя. Мінск, 2005.

2. Колас Я. Збор твораў [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://www.nlb.by/portal/page/portal/index/content /spadchyna – Дата доступа: 10.03.2015.

3. Купала Я. Жалейка [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://content.nlb.by/content/dav/nlb/portal/content/File/Portal/InfoResoursy/Kupala_and_Kolas/documents/galejka.pdf – Дата доступа: 12.03.2015.

4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.

5. Синячкин В.П. Концепт «Хлеб» в русском языке: лингвокультурологические аспекты описания: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/ kontsept-khleb-v-russkom-yazyke-lingvokulturologicheskie-aspekty-opisaniya. – Дата доступа: 11.11.2013.

6. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2009.

7. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://www.jiport.com. – Дата доступа: 11.01.2015.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОПОЭТИКА: ПОЛИЛОГ НАУЧНЫХ КОНЦЕПЦИЙ

ОДА ГОРАЦИЯ В НОВЫХ ВРЕМЕННЫХ И ПРОСТРАНСТВЕННЫХ КООРДИНАТАХ

Ионова Ирина Александровна,
доктор хабилитат филологии,
профессор университар
(Кишинев, Республика Молдова)

Аннотация. В контексте известных исследований жанра, восходящего к оде Горация, автор статьи делает ряд замечаний о неканонических по форме и содержанию «памятниках» и рассматривает произведения русских поэтов XX-XXI вв., не попавшие в поле зрения литературоведов, – стихотворения Бориса Заходера и русских литераторов из Молдовы Александры Юнко и Виктора Пицмана.

Ключевые слова: *памятник, Ходасевич, Бродский, Заходер, Юнко, Пицман.*

THE ODE OF HORATIUS IN THE NEW TEMPORAL AND SPATIAL COORDINATES

Abstract. In the context of well-known studies of the genre, which goes back to the ode of Horace, the author makes a number of comments about the non-canonical form and contents of the "monuments". She considers the works of Russian poets of XX-XXI centuries which have not come to the attention of literary scholars – poems by Boris Zakhoder, Alexandra Iunco and Viktor Pitsman – Russian writer's from Moldova.

Key words: *monument, Khodasevich, Brodsky, Zakhoder, A. Iunco, V. Pitsman.*

ODA LUI HORAŢIU ÎN CONTEXTUL NOIL OR COORDONATE DE TIMP ŞI SPAŢIU

Adnotare. În contextul cunoscutelor cercetări a genului literar consacrate odei lui Horaţiu, autorul articolului aduce cîteva observaţii privind abaterea de la canoane formei şi conţinutului „monumentelor” şi

abordează creaţiile poieţilor ruşi ai secolului XIX-XX, care nu au nimerit în cîmpul de vedere al criticilor literari, şi anume, poiezia lui Boris Zahodera şi a literaţilor ruşi din Moldova, Alexandrei Iunko şi Victor Piţman.

Cuvinte cheie: *monument, Hodasevici, Brodskii, Zahoder, Iunko, Piţman.*

Судьба оды римского поэта Квинта Горация Флакка "*Ad Melpomenen*" уникальна. Поистине, *«многочисленные переложения горациевой оды к Мельпомене и подражания ей составили в мировой поэзии* ***нечто вроде особого жанра*** (выделено нами – И.И.)***,*** *причем каждый поэт, соответственно своей эпохе, направлению или течению в литературе и связанному с этим представлению о поэтическом бессмертии, пересказывал античный инвариант по-своему»* [16].

Этот «жанр», как известно, имеет свои канонические признаки: эпиграф из оды (на латыни), заданность первой строки с начальным авторским «Я», обязательное употребление слова «памятник», сравнение поэтического памятника с чем-либо величественным и знаменитым, определение своего «места в литературном процессе», указание причин, по которым собственное творчество должно сохраниться в памяти потомков.

В русской литературе существует целая галерея таких «памятников». Переводами можно считать тексты М.В.Ломоносова и В.В.Капниста. Первоисточник в них отчетливо просвечивает сквозь строки русского стиха наименованиями географических и культурных реалий, образами античной поэзии, которые требуют пояснения для большинства современных читателей.

У Ломоносова личностный, биографический мотив прочитывается, пожалуй, лишь в одной строке финальной

части: *«Отечество мое молчать не будет, //* ***Что мне беззнатный род препятством не был…»***

Переводы, в том числе сделанный известным лингвистом А.Х. Востоковым, дают современному читателю, не знакомому с латинским оригиналом, возможность убедиться, что русские авторы следовали ему.

Точкой отсчета, образцом для русских «памятников» XX и XXI вв. стало стихотворение А.С.Пушкина, а не написанные ранее произведения, и тем более не первоисточник Горация. *«Россия не знала прямой горацианской культуры (Державин не знал латинского языка), горацианской школы (как в Германии и романских странах)»,* – подчеркивал Л.Пумпянский [цит. по: 9, 136].

Изыскания и комментарии, посвященные «памятникам» в русском литературоведении, многочисленны, поэтому современным исследователям, желающим сказать нечто новое по теме, необходимо тщательно «анализировать анализы», в том числе монографическую классику [1] и труды последних лет [2; 3; 10; 15, 16 и др.].

В сферу сопоставительного исследования включаются новые творения данного «жанра», в нее вовлекаются стихи, авторы которых отклоняются от формальной «матрицы», заданной Горацием и утвержденной поэтами в XVIII-XIX вв., вообще произведения, затрагивающие тему «роли поэта и поэзии». Все более расширяется историко-культурный контекст анализа. По выражению В. Ходасевича в речи на Пушкинском вечере в Доме литераторов 14 февраля 1921 г., *«Пушкин уже <…> отделился от своего времени и вышел в открытое море истории, и ему, как Софоклу или*

Данту, предстоит обрасти толкованиями и комментариями» [17, 203].

Можно сказать, что к настоящему времени сложилась (и продолжает формироваться) своего рода тематическая научная энциклопедия, посвященная «памятникам». Нужна ли она современному человеку? Исследователям – разумеется. Но она необходима и педагогам.

Современно и остро воспринимаются сегодня высказанные в «Колеблемом треножнике» мысли Ходасевича. Предвидя и предрекая «охлаждение» к Пушкину, объясняя неизбежность этого, он писал о смене эпох в начале XX века:

«История наша сделала такой бросок, что между вчерашним и нынешним оказалась какая-то пустота, психологически болезненная, как раскрытая рана. И все вокруг нас изменилось: не только политический строй и все общественные отношения, но и внешний порядок, ритм жизни, уклад, быт, стиль. <…> Прежняя Россия, а тем самым Россия пушкинская, сразу и резко отодвинулась от нас на неизмеримо большее пространство, чем отодвинулась бы она за тот же период при эволюционном ходе событий. Петровский и Петербургский период русской истории кончился <…>. Возврат немыслим ни исторически, ни психологически» [17, 202-203].

Ходасевич, сам переживший разлом эпох – первую мировую войну, революции, гражданскую войну, с болью констатирует: *«уже многие не слышат Пушкина, как мы его слышим, потому что от грохота последних шести лет стали <…> туговаты на ухо. <…> Уже многие образы Пушкина меньше говорят им, нежели говорили нам, ибо неясно им виден мир, из которого почерпнуты эти образы <…>».* И это – *«не отщепенцы, не*

выродки: это просто новые люди. Многие из них безусыми юношами, чуть не мальчиками, посланы были в окопы, перевидали целые горы трупов, сами распороли немало человеческих животов, нажгли городов, разворотили дорог, вытоптали полей – и вот вчера возвратились, разнося свою психическую заразу». И далее: «до понимания Пушкина им надо еще долго расти. Между тем необходимость учиться и развиваться духовно ими сознается недостаточно, – хотя в иных областях жизни, особенно в практических, они проявляют большую активность» [17, 202-203].

В таком контексте становится понятным стихотворение В. Ходасевича «Памятник», написанное в 1928 году, в Париже.

«Во мне конец, во мне начало. // Мной совершенное так мало! // Но все ж я прочное звено: // Мне это счастие дано.

// В России новой, но великой // Поставят идол мой двуликий // На перекрестке двух дорог, // Где время, ветер и песок…»

Этот «Памятник» по форме совсем не похож на классические образцы «жанра». *«Традиция в стихотворении Ходасевича не довлеет над поэтом, она как бы припоминается, обыгрывается, реставрируется…»* [4]. Замечателен сам образ памятника, символизирующий связь времен: ведь лики древних идолов обращены одновременно в прошлое и в будущее. *«Он отказался от громкого тона и пафоса и оставил нам выверенную, сдержанную и трезвую формулу своей роли и места в поэтической истории»,* – пишет С. Бочаров [4]. Свое предназначение – быть связующим звеном между классической и новой культурами, хранителем традиций – Ходасевич, не помышляя о посмертной славе, называет

счастливой ролью. Грядущие поколения оценят его вклад в историю русской поэзии: ведь в «новой, но великой» России памятник – невзрачный, изъеденный непогодой, без имени на нем, но исполненный смысла – все-таки будет поставлен.

Статья А.М.Ранчина «Об одном поэтическом треугольнике: Пушкин – Ходасевич – Бродский» [14, 26] подсказала А.А.Фокину мысль о сопоставлении «Памятника» В. Ходасевича со стихотворением И. Бродского «Aere perennius», которое было написано в 1995 и опубликовано в 1996 году.

«Приключилась на твердую вещь напасть: // будто лишних дней циферблата пасть // отрыгнула назад, до бровей сыта // крупным будущим, чтобы считать до ста. // И вокруг твердой вещи чужие ей // встали кодлом, базаря “Ржавей живей” // и “Даешь песок, чтобы в гроб хромать, // если ты из кости или камня, мать”. // Отвечала вещь, на слова скупа: // “Не замай меня, лишних дней толпа! // Гнуть свинцовый дрын или кровли жесть – // не рукой под черную юбку лезть. // А тот камень-кость, гвоздь моей красы – // он скучает по вам с мезозоя, псы. // От него в веках борозда длинней, // чем у вас с вечной жизнью с кадилом в ней”».

Название (в переводе с латыни – «Долговечнее меди» или «Вековечнее бронзы») – не что иное, как продолжение строки из оды Горация, начало которой использовалось классиками в качестве эпиграфа: *Exegi monumentum* ***aere perennius***. Это сразу связывает рассматриваемое произведение с традицией русских «памятников», хотя по форме оно, как и у Ходасевича, полностью отходит от канонов «жанра». *«Последние дни жизни И. Бродского прошли,* – напоминает А.А.Фокин, – <…> *под знаком античной поэзии и прозы А.С. Пушкина. Именно поэтому*

его стихи и эссе 1995-96 годов <…> пронизаны духом вечности поэтического слова, вечности языка» [16].

На «ахматовский контекст» стихотворения Бродского обратил внимание в своих «Заметках для памятника» А.Г. Найман [12], напомнив ее четверостишие *«Ржавеет золото и истлевает сталь…»* А.А.Фокин убедительно показывает, что контекст этот *«гораздо шире и глубже»,* трактуя с этих позиций, в частности, ахматовский «Реквием» и называя его поэтическим мемориалом. *«Здесь тема "памятника" носит характер не столько возвеличивающий поэта и поэзию, сколько завещательный. Поэт не сравнивает себя с кем-либо или с чем-либо, она противопоставляет себя власти, становясь ртом, голосом "стомильонного народа". <…> В этом смысле Ахматова полемизирует с Пушкиным, который пробуждал лирой добрые чувства. Она не просто будит эти чувства, она чувствует то, что чувствует весь народ…»* [16]. Не случаен в наследии А. Ахматовой и перевод «Из древнеегипетской поэзии», где символом вечности является не металл и камень, не преемственность поколений, а написанное, сказанное слово.

Стихотворение *«Aere perennius»* Бродского, конечно, непрозрачно для понимания. Вероятно, поэтому исследователь подчеркивает, что оно, как и памятники Горация и Пушкина, *«открыто к толкованиям и интерпретациям».* А для этого *«сознание читателя должно быть открыто к разным ассоциативным ходам, к узнаванию "ответов" не только Горацию и Державину»*, ибо *«насыщенность поэтическими ассоциациями <…> делает стихотворение элитарным, предполагает аристократический уровень культуры»* [16]. Определение уровня культуры, требуемого от комментатора, несколько смущает, однако рискнем все-таки заметить: Бродский

здесь не воздвигает памятник, то есть речь не идет о славе, признании. Поэт борется с силами, которые могут и готовы уничтожить «камень-кость» – древнее слово. Далее приводим инерпретацию А.А. Фокина: автор стихотворения добивается возможности *«ответить за себя – самому и быть при этом услышанным, более того, не раздавленным, не побежденным, а цельным и несокрушимым как сама вечность»*.

Здесь представляется уместным напомнить, что тридцатью годами раньше, в 1962-ом, И. Бродский уже написал один «Памятник» – стихотворение, которое современные исследователя, кажется, стараются не вспоминать: слишком большая дистанция между Бродским 60-х и Бродским 90-х. За эти десятилетия поэт «вырастал» до понимания Пушкина. А двадцатидвухлетний гонимый поэт писал:

«Я памятник воздвиг себе иной! // К постыдному столетию спиной. // К любви своей потерянной – лицом. // И грудь велосипедным колесом. // А ягодицы – к морю полуправд.

// Какой ни окружай меня ландшафт, // чего бы ни пришлось мне извинять, – // я облик свой не стану изменять. // Мне высота и поза та мила. // Меня туда усталость вознесла.

// Ты, Муза, извини меня за то. // Рассудок мой теперь как решето, // а не богами налитый сосуд. // Пускай меня низвергнут и снесут, // пускай в самоуправстве обвинят, // пускай меня разрушат, расчленят, – // в стране большой, на радость детворе // из гипсового бюста во дворе // сквозь белые незрячие глаза // струей воды ударю в небеса».

На характерный для поэта способ цитирования обратили внимание многие исследователи: Бродский

обрывает цитату, лишь обозначив ее, когда она еще требует продолжения, и дальше пользуется уже только своей палитрой, подчеркивающей контраст с цитируемым произведением, настолько разительный, что сама цитата начинает выглядеть содержательной и стилистической инкрустацией. Эффект получается особенно впечатляющим потому, что Бродский таким образом вторгается в самые заветные, хрестоматийно-классические строки, одно прикосновение к которым может показаться кощунственным. Показательный пример – шестой сонет цикла «Двенадцать сонетов к Марии Стюарт» [6, 199-226], который начинается строками: *«Я вас любил. Любовь еще (возможно, // что просто боль) сверлит мои мозги».*

Бродский прямо-таки вызывающе отказывается от ожидаемого эпитета в первой строке. «Я памятник себе воздвиг…» Какой? Читатель предчувствует продолжение, памятуя, что у Державина он «чудесный, вечный», у Пушкина – «нерукотворный» (на источник этого эпитета обращает внимание Н.М.Шанский) [18, 292-293]. У И. Бродского «эпитетом» оказывается местоимение «иной», которое вторгается в строку и становится знаком демонстративного отказа от содержательных традиций «памятников». Используя классическую форму, поэт наполняет ее альтернативным содержанием.

Итак, памятник Бродского – иной. Каков же он?

Связь с классическими прототипами легко устанавливается благодаря наличию содержательных и композиционных констант. Однако это стихотворение И.Бродского отличается от пушкинского, как шарж художника-авангардиста от полотна живописца классической школы. Фразеологизм «грудь колесом», который обычно употребляется в разговорной речи для обозначения мужской груди с сильно развитой

мускулатурой, ехидно «подправленный» с помощью определения «велосипедный», живописует далеко не мужественную стать героя. Божественный сосуд разума, дырявый, как решето, позволяет представить его интеллектуальное и психологическое состояние.

Классические образы «памятников» при всей их метафоричности вызывают конкретные (античные) скульптурно-архитектурные ассоциации с одним из семи чудес света – пирамидами, александрийским маяком («двуликий идол» Ходасевича – первый прецедент ухода от традиции). Скульптурный образец есть и у Бродского: это, по нашему представлению, гипсовая статуя (пионера с горном, девушки с веслом, вождя) – примета определенного, вполне узнаваемого времени, которое поэт называет «постыдным столетием» (хотя стихотворение написано практически в середине его).

Выражая уверенность в долгой жизни своей поэзии, предшественники подчеркивали, что эти памятники прочнее, долговечнее материальных, которые делаются из металлов или камня. Материал памятника-ассоциации у Бродского не обеспечивает бессмертия. Пушкин вслед за Державиным представляет свой памятник устремленным ввысь. Их монументы «выше пирамид», «выше александрийского столпа». У Пушкина этот вертикальный ориентир подчеркивается словообразовательными средствами – словами с префиксом воз- (вос-): воздвиг, вознесся, восславил. Памятник И. Бродского едва приподнят над землей: *«Меня туда усталость вознесла»*. Оксюморонность, смысловая и стилистическая, сочетания слов «усталость» и «вознесла» создает образ реального поэта, далекий от патетики.

Памятники предшественников лишены антропоморфных подробностей. Правда, сам Пушкин

отказался от горацианских «пирамид», но это *«имеет не поэтически-образную, а мировоззренческую подоплеку – чудеснее всех чудес света человеческий образ поэта вознесся над ними “главою непокорной”»*, потому что в ренессансной символике человеческого тела как «микрокосма» голова – олицетворение неба, звезд, высшего мира [16].

У Бродского натуралистических деталей в достатке: лицо, глаза, грудь, спина, ягодицы. Впрочем, они служат прежде всего ориентации памятника, как в его стихотворении «Письмо в бутылке»: *«То, куда вытянут нос и рот, // прочий куда обращен фасад, // то, вероятно, и есть “вперед”, // все остальное, считай, “назад”»*.

Однако поэтический памятник ориентирован не в пространстве, а во времени, что сближает его с «двуликим идолом» В. Ходасевича.

Стихотворение, конечно, очень «бродское». В нем есть определенная эпатажность, свойственная талантливой молодости вообще и творческой личности Бродского, в частности. Может даже сложиться впечатление, что перед нами – именно автошарж. Однако автор далек от самоиронии.

Стихотворение написано, когда поэту было всего 22 года. Позднее, пройдя «ахматовскую школу», он признавался: *«В те времена я был абсолютный дикарь, дикарь во всех отношениях – в культурном, духовном…»* [5, 27]. К пристальному изучению творчества Пушкина и других русских поэтов Бродского подтолкнуло именно общение с Анной Андреевной.

Что-то «дикарское» есть и в стихотворении «Памятник». И дело не в нарушении канона – Ходасевич тоже нарушил его. В произведении Бродского, на наш взгляд, слишком много личностного, эпатажного – вызов

своему времени, юношеская обида на общество за непризнание собственной талантливости.

Заключая анализ стихотворения Бродского «Aere perennius», А.А.Фокин написал, что это *«достойное* ***завершение*** *пушкинской традиции в русской поэзии XX века»* [16].

Однако исследователям, видимо, не удастся подвести окончательный итог, потому что каждого поэта, вообще каждого творца не может не занимать мысль о судьбе своего наследия.

Здесь стоит еще раз прочитать приведенное выше высказывание В. Ходасевича о том, что в начале XX века история России сделала бросок, в результате которого *«все вокруг нас изменилось: не только политический строй и все общественные отношения, но и внешний порядок, ритм жизни, уклад, быт, стиль. <…> Прежняя Россия, а тем самым Россия пушкинская, сразу и резко отодвинулась от нас».*

В конце XX века закончился и, так сказать, «ленинградский», советский, период русской истории. «Новые люди» нашего времени тоже много чего *«нажгли, разворотили и вытоптали»* – увы, не только буквально, но и в сознании народа. Дух, стиль, ценности пушкинской России не просто еще далее отодвинулись от нас: значительной части «поколения *next»* они уже неведомы.

Знаком новой эпохи стало и то, что многое из реальной человеческой жизни, в том числе литература, оказалось вытесненным в виртуальную сферу. Горькое заключение В. Ходасевича – *«возврат немыслим ни исторически, ни психологически»* – можно отнести и к этому факту. Но именно достижения технологической революции придали сочетанию «памятник нерукотворный» новый, едва ли не буквальный

смысл: ведь публикации на сайтах Интернета действительно нематериальны – в отличие от бумажных книг.

Стихотворение русского поэта из Молдовы «Дактилограмма» Александры Юнко [19] – это «памятник» новой, компьютерной эпохи. Есть и эпиграф: ***«прости, Гораций».***

«как птеродактиль в пирамиду // навек впечатана в клавиатуру // моя дактилограмма

// и после генеральной чистки // поверхностей // напомню о себе // одним касаньем

// и если // как Геркуланум и Помпеи // похороню клавиатуру // под пеплом сигарет // мои глаголы // уже оставили следы // на жестком диске

// пусть // пьяница-сосед // утащит комп // я все равно // останусь в интернете // пока последний юзер // будет жив

// пардон, А.С.

// и даже если // смертоносный вирус // сожрет // всю информацию на свете // в астрале от меня // останется строка // трепещущая на ветру времен

// прости, Олег Панфил

// harrakter@mail.ru

// отправлено»

Это строки современного поэта, который почти разучился писать пером по бумаге, «публикуется» больше в Интернете и вряд ли представляет себе, где и как хранятся сочиненные поэтические строки. Владеет базовой, общеупотребительной компьютерной терминологией и сленгом. На фоне этого словаря высокое слово «глагол» оказывается особенно значимым.

При всей нарочитой модерновости формы (но расставить знаки препинания и прописные буквы в начале

строк очень легко) стихотворение содержит явные признаки классическиго «памятника». Помимо эпиграфа, отсылающего к Горацию, в нем есть пирамида, которая, впрочем, не является объектом сравнения. Ее камни – это носители информации о минувших цивилизациях. Есть ветер времен и «прах» – пепел сигарет. Есть и «муза»: это сам «А.С.» – Александр Сергеевич, у которого автор просит прощения – за что? За неподобающую дерзость формы? За то, что посмела иронически переиначить бессмертные строки своего кумира? Ведь А. Юнко не только поэт, предпочитающий, кстати, классические форма стиха. Она – филолог, пушкинист. И уверенность в вечности поэтического слова, пусть в неведомом астрале, у нее – истинно пушкинская.

Трижды в стихотворении автор просит прощения – у Горация, А.С. и Олега Панфила – русского писателя Молдовы, которому и отправляет свое послание по указанному электронному адресу. Вероятно, адресат скептически относится к идее востребованности художественного слова потомками, и А.Юнко полемизирует с ним.

Стихотворение Виктора Пицмана (живет в молдавском городе Бельцы, родился в селе Каменка Одесской области – также из «памятников» компьютерной эпохи, и называется оно «Exegi monumentum».

«Я памятник себе в Интер-сети поставил. // Он будет жить, пока компьютеры живут // Провайдера... пока, пусть тихо – не во славу – // Жив будет хоть один, что русским назовут.

// И долго буду тем любезен я Рунету, // Что о поэзии прекрасный сайт создал, // Что сам, крупнейшим будучи поэтом, // На дисках места мало занимал».

Здесь обращает на себя внимание та часть матрицы «памятников», где авторы обычно определяют временные пределы существования своего творчества и круг читателей. У В. Пицмана, в отличие от А. Юнко, это не вообще Интернет-пространство, некий «астрал», а Рунет, то есть русский, ориентированный на русскоязычных пользователей, сегмент сети. По существу, он обращается ко всему русскоговорящему населению планеты, а это очень солидная аудитория. Сегодня в Рунете свыше 20 миллионов сайтов – не менее 7% от их общего количества в мировой Сети. Автоматически попадают в область Рунета и русскоязычные ресурсы некоторых стран, ранее входивших в состав Советского Союза. Например, казахский «Казнет», украинский «УАнет», узбекский «Узнет» и другие. Разумеется, в них создаются сайты на национальных языках, но их сравнительно немного. На постсоветском пространстве русский язык очень распространен, поэтому его просто выгоднее использовать: больше аудитория пользователей. Кроме того, русский остается языком межгосударственного общения.

Кстати, на своем сайте В. Пицман поместил четверостишие, которое можно рассматривать в связи с непреходящей значимостью русского языка именно для общения между странами. Ехидный эпиграф позаимстован из газет: *«Украина, Грузия, Молдова договорились дружить против России. Переговоры велись на русском языке»*.

Таковы реалии, и Пицман пишет:

«Хают русских их бывшие други, // Нервно пальцы держа в кулаке, // Хорошо понимая друг друга // Лишь... на русском – увы! – языке».

Ежегодно 7 апреля отмечается день рождения Рунета. Именно в этот день 1994 года Россия была представлена

официально в интернете как государство, зарегистрировав домен RU с внесением его в базу данных как национальный домен верхнего уровня[1].

Национальный сервер современной поэзии Стихи.ру в 2006-2007 годах провел конкурс текстов гимна Рунета. В конкурсе приняли участие десятки авторов, преимущественно самодеятельных, что, вообще-то, априори вызывает сомнение в высоком качестве стихов (следует признать, что так оно и получилось). Чаще всего конкурсанты не затрудняли себя созданием оригинальной мелодии: многие тексты ложились на гимн России (Советского Союза).

Победитель конкурса был определен специальной комиссией 1 марта 2007 года, и с тех пор гимн исполняется на торжественных мероприятиях, посвященных Рунету.

Авторы принятого текста – Евгений Копарев, Александр Зацаринный, Михаил Захаров, Юрий Митяков под редакцией Дмитрия Кравчука. Цитируемый припев гимна хорошо показывает его содержательные акценты.

«Славься Рунет как венец технологий, // Свобода прогресса – в Сети без границ. // Культуру России, всех наших народов // Пусть миру несут миллиарды страниц. // И словом, и духом едины народы, // В Рунете собрал и навеки сплотил // Великий, могучий, красивый, свободный – // Наш русский язык на просторах Сети».

Гимн Рунету, как и любой гимн, – произведение патриотическое. Авторы выразили любовь к России,

---

[1] Первый домен на кириллице появился в конце 2009 года, и был обозначен зоной .рф. Этот домен является национальным верхнего уровня для Российской Федерации и был доступен первое время практически только для государственных структур. С конца 2010 года началась регистрация в домене .рф всех желающих.

гордость ее историей и культурой. Специфика такого гимна – в определении просветительской и цивилизационной роли русского языка в мировой культуре. Легко узнаваемые реминисценции создают интеллектуальный фон хвалебного текста и усиливают его торжественность («*навеки сплотил*» – из гимна России, «*великий, могучий, красивый, свободный*» язык – из хрестоматийного, то есть известного каждому россиянину стихотворения в прозе И.С. Тургенева «Русский язык»). Особо подчеркивается, что Интернет (Рунет в частности) является незаменимым хранителем и способом распространения информации.

Эти мысли, по-разному и зачастую ярко и проникновенно выраженные, содержались во всех представленных на конкурс вариантах. Например:

«Тебе (Рунету) *благодарны ученый, писатель: // Талант не зарыт их… Ты богом нам дан. // И есть за тебя в мире горнем предстатель – // Святитель, наставник Руси Феофан.*

// Завиден твой жребий, сотрудник Рунета, – // Сближать континенты, сердца и умы, // Содействовать славному делу поэтов, // Свет знаний нести людям нашей страны»[1] [11].

[1] Феофан Затворник жил в середине XIX века и был видным богословом, осуществившим, в частности, полный перевод на русский язык трудов древних отцов церкви. Основанием для его «назначения» покровителем Рунета Русская православная церковь считает тот факт, что святитель Феофан провел в полном уединении около 30 лет, но на протяжении всего этого времени активно общался с верующими с помощью писем.

Но вот что показательно: в одном из них была отсылка к пушкинскому стихотворению:

«Славься Рунет, наша гордость народная, // Знанья и память всех прожитых лет, // Пусть всё наследие ***нерукотворное****, // Стартом послужит грядущих побед!»* [8] http://www.playcast.ru/view/1621773/99f9fca8ea55d89bdfd86ec4bc39172008418010pl

Поэтических сайтов в Рунете великое множество. Свою прописку имеет и виртуальный памятник Виктора Пицмана [13].

Что касается самооценки этого автора, то она, на наш взгляд, явно завышена. В «Exegi monumentum» он – «крупнейший поэт», а в четверостишии «Нескромное» пишет:

«Поэзии русской, похоже, – привет! // Поэты – и есть, и как будто бы нет, – // Какие-то тусклые лица! // А если и есть у России поэт, // Так это живущий уже много лет // В Молдове – украинец Пицман».

Конечно, нельзя не учитывать возможность самоиронии, утрирования. Без этого самооценка воспринимается как простое бахвальство.

Впрочем, «доколь будут жить» произведения данного конкретного автора – покажет время, рассудят посетители сайта.

Полемика на тему «весь я не умру» началась, как известно, давно. Прежде всего, вспоминаются знаменитые державинские строки из неоконченного стихотворения «На тленность», написанные 6 июля 1816 года на грифельной доске:

«Река времен в своем стремленьи // Уносит все дела людей // И топит в пропасти забвенья // Народы, царства и царей. // А если что и остается // Чрез звуки лиры и

трубы, // То вечности жерлом пожрется // И общей не уйдет судьбы».

Полемика продолжается и в современной литературе.

Борис Владимирович Заходер – автор замечательных детских стихов, переводов-переложений «Алисы в стране чудес» Л. Кэрролла и «Винни-пуха» А.Милна – мало известен, точнее, почти неизвестен как лирик. Его стихотворение «Памятник» имеет пушкинский эпиграф из Горация – *«Exegi monumentum...»* Только многоточие в данном случае воспринимается как знак скептический.

«Сказать ли правду? // Памятников – нет. // Ни рукотворных, ни нерукотворных. // Настанет срок – увы, сотрется след // Всех наших дел – и славных, и позорных.

// Сотрется след побед и прочих бед, // След вдохновений и трудов упорных, // Черты царей на серебре монет // И надписи в общественных уборных, // След океанов и массивов горных, // Самой Земли, её сестёр – планет…

// Ведь всякий срок – увы, всего лишь срок. // И он пройдет. // Сотрется след вселенной, // Где мы с тобой сумели – между строк – // Прочесть усмешку вечности. // Мгновенной.

// Сотрется след… // Но не горюй, поэт! // Ты тоже усмехнулся – ей в ответ».

Опровергнуть рассуждения о всепожирающем жерле вечности невозможно. Но если говорить об отпущенном человечеству времени, то памятники нем – есть, и рукотворные, и нерукотворные. Борис Заходер ушел из жизни в 2001 году. На могиле установили памятник: на небольшом возвышении размещена полусфера из чёрного гранита диаметром полтора метра. По замыслу скульптора Андрея Нулича, она символизирует и земное полушарие, и разрезанное яблоко, и расколотый орех. Но при взгляде на

композицию сверху она предстаёт в виде раскрытой книги. На одной её стороне выгравирован автограф Бориса Заходера, на другой – Винни Пух и Пятачок, взявшись за руки, уходят в бесконечность... Два этих персонажа, которые благодаря Б. Заходеру заговорили по-русски, сделали своего автора бессмертным. А теперь о них можно прочитать и в Интернете.

Судить – потомкам, они решают, «доколь в подлунном мире» продолжится жизнь поэта.

Литература

1. Алексеев М.П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг…» Л., 1967.
2. Белый А.А. Разговор о «Памятнике» http://white.narod.ru/memorium2.html
3. Боткин Д.М. Парапародия как способ выжить: наблюдения над поэмой Иосифа Бродского «Двенадцать сонетов к Марии Стюарт» // Новое литературное обозрение. – 1986. № 19.
4. Бочаров С. «Памятник» Ходасевича. http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_0490.shtml
5. Бродский Иосиф. Большая книга интервью. litrus.net
6. Жолковский А.К. «Я вас любил…» Бродского //Блуждающие сны и другие работы. Новое литературное обозрение. 1986, № 19.
7. Заходер Борис.
8. Западаев Юрий http://www.playcast.ru/view/1621773/99f9fca8ea55d89bdfd86ec4bc39172008418010pl
9. Квятковский А. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966.
10. Колкер Ю. Несколько наблюдений: о стихах Иосифа Бродского. М.: Грани, 1991, № 6.
11. Копарев Евгений. Шортлист текстов гимна Рунета http://stihi.ru/konkurs/hymn/shortlist.html
12. Найман А.Г. Заметки для памятника. Новый мир, 1997, № 9.

13.Пицман Виктор. Exegi monumentum http://er3ed.qrz.ru/poems-2005.htm#kartawaya

14.Ранчин А.М. Об одном поэтическом треугольнике: Пушкин – Ходасевич – Бродский. Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1998, № 3.

15.Ранчин А.М. Иосиф Бродский: поэтика цитаты. Русская словесность. 1998, № 1.

16.Фокин А.А. Новые «Заметки для памятника» (о стихотворении И. Бродского «Aere perennius») // [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: http://krishnahouse.narod.ru/zam.html

17.Ходасевич В. Колеблемый треножник // Владислав Ходасевич. Колеблемый треножник. Избранное. М.: Советский писатель. 1991.

18.Шанский И.М. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный…» // Н.М.Шанский. Лингвистический анализ художественного текста. Л., 1990.

19.Юнко Александра. Дактилограмма. // Журнал «Русское поле», 2011, № 1 (3).

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ПОДТЕКСТА В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА

Лелис Елена Ивановна,
доктор филологических наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация. Статья посвящена анализу лексических средств формирования подтекстовых смыслов в прозе А.П. Чехова. Показано многообразие способов реализации эстетических возможностей слова, которые ведут к смысловым приращениям идейно-художественного масштаба.

Ключевые слова: *художественный текст, подтекст, ключевые слова, А.П. Чехов.*

LEXICAL MEANS OF CREATING THE IMPLIED SENCE IN THE PROSE OF A.P. CHECKOV

Abstract. The article deals with the analysis of lexical means of the implied sence creation in the prose of A.P. Checkov. The article shows the variety of methods used to actualize the aesthetic potential of the word, which leads to the sence extension valuable to convey the idea and necessary for the artistic purposes.

Key words: *literary text, implied sence, key words, A.P. Checkov.*

Подтекстом мы называем часть смысловой структуры текста, реализующую скрытые авторские смыслы, которые формируются всей совокупностью языковых и надъязыковых средств текста и актуализируются благодаря фоновым знаниям и личностному потенциалу воспринимающего текст.

В лексической структуре чеховских прозаических произведений слово обладает колоссальной эстетической энергией, проявляя себя как основное языковое средство формирования подтекста. Многообразны способы реализации эстетических возможностей лексики: обнажение смысловой многоплановости через композиционную расстановку или проецирование в полифоническую плоскость текста, выдвижение в качестве ключевого одного из значений, совмещение прямого и переносного значений, этимологизация, создание индивидуально-авторского значения, лексический повтор, использование общеязыковых и контекстуальных синонимов и антонимов, эмоционально-оценочной лексики, лексики одной или нескольких тематических групп, композиционная расстановка эстетически значимых слов в сильных позициях текста (заглавие, начало и конец текста, фрагменты, репрезентирующие основные сюжетные составляющие) и т. д. Покажем, как реализуются некоторые из этих способов.

Первыми к изучению эстетики чеховского слова обратились литературоведы. Одним из непревзойденных образцов стилистического анализа прозы писателя до сих

пор остается книга П.М. Бицилли, вышедшая в 1942 г. С точки зрения автора, в наиболее совершенных чеховских произведениях каждое слово функционально значимо и незаменимо без ущерба для общего впечатления и смысла, поскольку строго мотивировано целостным художественным замыслом. Эта черта чеховского стиля, как справедливо замечает исследователь, роднит его с А.С. Пушкиным. По П.М. Бицилли, А.П. Чехов замыкал круг русской классики и одновременно стоял у истоков новой литературной эпохи.

Лаконизм и содержательная глубина чеховских текстов обусловлены тем, что писатель тщательно отбирал языковой материал и кропотливо работал над ним, не допуская какой-либо неточности. Для него было важно «употребление каждой лексемы, каждого словосочетания в каком-либо *одном специфическом* значении, которое лишь приблизительно может быть выражено другой лексемой или другим словосочетанием. Художник слова *возвращает* слову его *смысл*, вводя его в контекст, – или *одаряет* его новым смыслом, которым до того оно обладало лишь потенциально» (курсив – авт.) [2, 231].

Исследователь отмечает и еще одну существенную особенность чеховской работы над словом, проявляющую строгую мотивированность как основную тенденцию чеховского творчества – «недопущение никаких “украшений” речи, которые могли бы нравиться “сами по себе”» [Там же, 235]. Это давало возможность, во-первых, все лексические средства включать в единую систему, лишающую их статуса случайных элементов текста, и, во-вторых, пользоваться правилом экономии языковых средств ради достижения эмоционально-смысловой выразительности и точности.

Интересные наблюдения над смысловым потенциалом слова в прозе А.П. Чехова сделали многие литературоведы – Н.Я. Берковский, М.П. Громов, И.А. Гурвич, Е.А. Добин, А.Б. Есин, В.В. Капустин, В.Б. Катаев, Н.А. Кожевникова, Л.Е. Кройчик, Р.Е. Лапушин, В.М. Маркович, З.С. Паперный, Э.А. Полоцкая, М.Л. Семанова, А.Д. Степанов, И.Н. Сухих, Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпа, Н.М. Фортунатов, А.П. Чудаков, В. Шмид и др.

Но даже вышедшая 2009 г. «Чеховская энциклопедия» не представила развернутой исследовательской картины поэтики писателя. На этот существенный недостаток в целом интересного и содержательного издания указывает В.И. Тюпа: *«Помимо “Рамочного текста”, включающего в себя заглавие, имеется особая статья о чеховских заглавиях, но нет статей о ритме чеховской прозы, о стиле и о мастерстве стилизации, о символике, о характерологии Чехова, об организации эпизодов и проблеме событийности в его произведениях, о поэтике вставных текстов и вставных жанров. И, конечно же, необходима была статья "Читатель”, поскольку чеховская поэтика привнесла в литературу принципиально новое позиционирование адресата художественного письма. Все эти упущения порождают непредусмотренный “эффект случайности” в организации раздела поэтики»* [10].

Лингвистическое осмысление прозы А.П. Чехова имеет не столь давнюю историю. В 1980–1990-е гг. был опубликован ряд сборников научных трудов чеховедов – «Язык прозы А.П. Чехова» (1981), «Язык и стиль А.П. Чехова» (1986), «Языковое мастерство А.П. Чехова» (1986, 1988, 1995). В них вошли интересные и во многом новаторские статьи о языке писателя, посвященные в том

числе и лексической экспликации его стиля, – И.А. Быковой, Ф.М. Горленко, Е.Б. Гришаниной, В.В. Громова, Н.А. Кожевниковой, Т.П. Нефедовой, Г.Д. Фигуровской, Т.Г. Хазагерова и др.

До сих пор единственным монографическим исследованием языка прозы А.П. Чехова остается работа Л.Г. Барлас «Язык повествовательной прозы Чехова: Проблемы анализа» [1]. В современных диссертационных работах ставятся актуальные проблемы словоупотребления и стиля писателя: языковая картина мира, языковая личность персонажа, эволюция идиолекта писателя, репрезентация индивидуальной концептосферы, проблемы метапоэтик, концептуализации времени и эмоций, лингвокогнитивные механизмы создания комического, сложности перевода произведений А.П. Чехова, структурно-семантические и функционально-стилистические особенности отдельных групп лексики, ирония как компонент идиостиля и т. д. Результаты научного осмысления этих проблем могут служить базой для глубокого проникновения в смысловую и эмотивно-психологическую структуру чеховских текстов.

В свое время на особую музыкальность чеховской прозы как результат слитности смыслового и эмоционального пластов текста, языковое воплощение прорастающих друг в друге лирико-драматических мотивов указывал Н.М. Фортунатов. Сравнивая языковое и композиционно-архитектоническое решение «Черного монаха» с сонатой (впервые такое сравнение было сделано композитором Д.Д. Шостаковичем), исследователь увидел в этом типологическую черту поэтики А.П. Чехова, проявившуюся и в других его рассказах: «Припадок», «Гусев», «Скрипка Ротшильда», «Дом с мезонином», «Счастье», «Студент», «Архиерей».

Игра с контрастностью, со сгущением и разряжением в композиции текста эмоционально-оценочной лексики, с повторяющимися словами-символами (в нашей терминологии – словообразами и ключевыми словами), их экспликацией в трехчастном (как в сонате или симфонии) построении текста – все, по мнению исследователя, сближает чеховские рассказы с музыкальными произведениями. *«Речь идет о специфике формы, которой Чехов владел в совершенстве*, – пишет Н.М. Фортунатов, – *о внутренних законах и процессах развития поэтической мысли, о самой природе чеховского “музыкального” гения. Здесь ключ к разгадке секрета этого мастерства, художника “прозы настроений”*» [11, 108].

На органичность репрезентации в лексическом строе текста типологических черт чеховской поэтики обращает внимание И.Н. Сухих. В сюжетах поздних рассказов писателя он видит многократную, подчеркнуто реализуемую метафору «говорить на разных языках» и обосновывает сказанное примером из рассказа «Новая дача»:

«Вы за добро платите нам злом. Вы несправедливы, братцы. Подумайте об этом. Убедительно прошу вас, подумайте. Мы относимся к вам по-человечески, платите и вы нам тою же монетою», – скажет высокомерный инженер-дачник соседям-мужикам. Один из них, вернувшись домой, начнет жаловаться: «Платить надо. Платите, говорит, братцы, монетой…» (10, 119). А через некоторое время ситуация повторится с обратным знаком. *«Кончится, вероятно, тем, что мы будем вас презирать»,* – раздраженно брюзжит инженер. И тот же крестьянин Родион радостно передает дома: *«Я, говорит, с женой призирать тебя буду. Хотел ему в ноги поклониться, да сробел»* (10, 125). В обоих случаях герои придают словам

прямо противоположный смысл, их чувства не совпадают диаметрально» [9, 138].

Субъективное побеждает объективное: лексическое значение слова обессмыслено, подтекст, окрашенный в ироническо-драматические тона, векторно направлен в идеосферу – сложности человеческого общения.

Слово, не выполняющее своей диалогической роли, стало предметом специального исследования А.Д. Степанова. По его наблюдениям, «провал» коммуникации между персонажами в чеховском художественном мире обусловлен длинным списком причин, касающихся и качества самого сообщения, и его условий, и особенностей адресата и адресанта и т. д. Среди них справедливо названы те, которые репрезентируют использование А.П. Чеховым выразительных возможностей лексики. Это бессмысленные реплики, полностью лишенные языковой семантики («тарарабумбия» – «Володя большой и Володя маленький»); опустошенные звуковые комплексы, которые становятся главной речевой характеристикой героя, его лейтмотивом («ру-ру-ру» доктора Белавина – «Три года», «у-лю-лю» Степана – «Моя жизнь»); десемантизированные многократно повторяющейся реплики (Туркин – «Ионыч», Шелестов – «Учитель словесности») и т. д. [8, 8].

Эти и другие приемы использования лексических средств наделяют их смыслопорождающим эффектом, подтекстово реализующим оксюморонность чеховской поэтики, которую в разное время исследователи обозначали как «ненормальность нормального» [3, 21], «нереально реальное» [Там же, 22], «случайностная целостность» [13, 187], «уродливость красоты» [6, 15] и др.

Любопытны наблюдения чеховедов относительно того, как вербализованы писателем темы философских

рассуждений героев, каким образом эти рассуждения вплетены в повествовательную ткань. Для осмысления Чехова-философа через Чехова-художника это имеет принципиальное значение.

Герои А.П. Чехова много рассуждают. Большинство его поздних произведений строится в форме идеологического диалога или спора («Огни», «Гусев», «Дуэль», «Палата № 6», «Три года», «Дом с мезонином», «Моя жизнь» и др.), монолога («Скучная история», «В усадьбе», «Рассказ неизвестного человека», «Черный монах», «Скрипка Ротшильда», «Супруга», «Ариадна» и др.). *«Говорят обо всем,* – пишет И.Н. Сухих. – <…> *Настойчивость обращения разных чеховских персонажей к сходным идеям и мотивам свидетельствует об их причастности к авторскому кругозору»* [9, 156]. Эти рассуждения чередуются с движением сюжетной линии, деталями обстановки, «случайными» вкраплениями продолжающейся бытовой жизни. Они всегда вербализованы эстетически значимыми лексическими компонентами текста, как, например, в рассказе «Черный монах» – самом «таинственном» рассказе писателя.

Беседы Коврина и монаха касаются *вечной правды, вечной жизни, высшего начала, великой, блестящей будущности, конца земной истории, истинного наслаждения в познании, его бесчисленных и неисчерпаемых источников*, *пророков, поэтов, мучеников за идею.* Эти номинативы-идеологемы эксплицируют скрываемое Ковриным тщеславие, его убежденность в собственной избранности. Они встраиваются в структуру текста, которая подтекстово подводит читателя к тому, что только высокопарные рассуждения не открывают дороги к реализации истинного человеческого предназначения.

Беседа с монахом увлекает Коврина. Но сюжет делает резкий поворот. В кульминации рассказа звучит идеозначимая фраза героя: *«А вдруг прогневаются боги?»* За шутливым вопросом Коврина чувствуется совсем нешуточная тревога. *«Если они отнимут у меня* ***комфорт*** *и заставят меня зябнуть и голодать, то это едва ли придется мне по вкусу»* [12: 8, 248].

Вот оно, уязвимое место Коврина. При всем своем тщеславии он боится утратить комфорт. Кафедра, профессура, теплый, уютный кабинет, вовремя поданный бокал вина – всего этого он может лишиться, и это пугает его.

В уста Коврина вложено главное в системе ключевых слов текста – слово ***комфорт***. Это слово – контрапункт двух фабульных линий: бытовой и метафизической. На основе своего общеязыкового значения – «совокупность бытовых удобств, уют» [7: 2, 86] и более точного – «**состояние** внутреннего удовлетворения, возникающее под влиянием каких-л. благоприятных условий, обстоятельств и т. п.» [4] в контексте рассказа оно развивает индивидуально-авторские значения ‘бытовые удобства, способствующие внутренней удовлетворенности и расслабленности’, само ‘состояние внутренней удовлетворенности и расслабленности’, ‘ощущение привычного, размеренного хода жизни’.

Данные значения определяют смысловой фокус произведения, вокруг которого разворачивается драма малодушия и маловерия человека, отрекшегося от своего высокого призвания. Именно это композиционно значимое слово заставляет вращаться вокруг себя соключи: *радость – любовь – истинное наслаждение в познании – счастье – душевная пустота – скука – одиночество – недовольство жизнью* – эмоционально-оценочные единицы,

выстраивающие на лексическом и композиционном уровнях текста логику характеров героев, их поступков и напряженной внутренней жизни. Человек, роль которого была предначертана Небесами – найти ***наслаждение в познании и в служении людям***, испугавшись лишений, превратился в посредственного, озлобленного брюзгу, винящего в своем добровольном отречении близких, преданных ему людей.

Вся композиция рассказа, его смысловая структура и в частности подтекст говорят о том, что гений Коврин не способен на подвижничество, а «*подвижники*, – по мысли Чехова, высказанной им в статье о Н.М. Пржевальском, – *нужны, как солнце*» [12: 16, 237]. Герой добровольно отказывается от своего предназначения, и тут же навсегда исчезает черный монах и пропадает ощущение ***счастья***, сменяясь горьким ***унынием***, которое будет сопутствовать герою до самой его трагической смерти.

Мягкое ироническое отношение к пристрастию своих героев без конца говорить о смысле жизни А.П. Чехов проявлял в особой стилистике вводящих их фрагментов текста. И хотя А.П. Чехов в этих случаях все-таки соблюдает меру и со временем почти избавляется от элементов публицистики и нравоучительства в рассуждениях героев, все же иногда они продолжают диссонировать с общей речевой структурой текста.

Известно, что А.П. Чехов чувствовал этот диссонанс и не раз высказывался по этому поводу. Но развернутые и бесплодные рассуждения русской интеллигенции о вечных российских вопросах «кто виноват» и «что делать» как привычная форма ее самовыражения А.П. Чеховым в его художественной системе были сохранены.

Например, в рассказах «Соседи» и «В усадьбе» в роли сюжетно-композиционного ключа выступают

глаголы ***говорить*** и ***действовать***. В структуре художественного целого ***говорить*** – это не только «выражать в устной речи какие-либо мысли, мнение, сообщать факты» [7: 1, 322] или «*выражать* в устной речи какие-л. *мысли, сообщать* что-л.» [1], но и ‘умничать’, ‘заниматься пустословием’. В композиционно-смысловом противопоставлении ключу *действовать* возникает еще одно эстетическое значение – ‘уходить от решения проблем, пасовать перед трудностями, бездействовать’.

О *правде* и *красоте*, которых не хватает в жизни, в рассказах А.П. Чехова чаще рассуждают герои глубоко симпатичные, хотя слабые. Они обрисованы писателем в лоне давней национальной традиции. *«Отношение к интеллигенции и ее представителям в России,* – пишет В.И. Карасик, – *всегда было эмоционально маркированным – от признания этой большой и весьма разнородной социальной группы хранителями культуры до обвинения интеллигентов во всех бедах, происходящих со страной*» [5, 191–192]. Им знакомы и тоска по высшему идеалу, и мятущееся беспокойство русской души, и больная совесть. В героях А.П. Чехова проявляются такие свойственные русской интеллигенции черты, как принципиальная оппозиционность к политическому режиму, религиозным или идеологическим установкам. Русский интеллигент обычно служит идее, а не обществу или государственной власти. Поэтому русская интеллигенция, являясь культурной элитой, тем не менее, не может принадлежать к социальной элите, интеллигент не может быть богатым или обладать властью.

Интеллигенты сосредоточиваются на духовном.

«Учитель словесности» думает о своем маленьком обывательском *мирке* и о *другом мире*, в котором

возможно *счастье* и *радость жизни* («Учитель словесности»).

О *вере в человека* как о самой большой духовной ценности говорит простой садовник («Рассказ старшего садовника»).

О *зле* и противостоящей ему тихой и прекрасной *правде*, которая есть и будет, думают крестьянка Липа и ее нищая мать, волею судеб оказавшиеся в бездонной пропасти насилия («В овраге»).

Достигший больших высот в церковной иерархии, Петр – человек, являющий собой посредника между Богом и людьми, всеми силами души хочет быть простым, обыкновенным человеком, страдает от *одиночества* и мечтает о *воле* («Архиерей»).

Неудовлетворенность чеховских героев их жизнью, торжество пошлости, интеллектуальное захолустье, душевное запустение, угнетающее однообразие жизни, а вовсе не безделье или отсутствие веселья рождают *скуку* («Дуэль», «Попрыгунья», «Палата № 6», «Рассказ неизвестного человека», «Бабье царство», «Три года», «Дама с собачкой», «В овраге» и др.). Ср. с общеязыковым значением слова *скука* – «состояние душевного томления, уныния, тоски от безделья или отсутствия интереса к окружающему» [7: 4, 125] или «уныние, тоска, царящие где-л., вызываемые однообразием обстановки, отсутствием дела, интереса к окружающему» [4].

Так рождается основной мотив прозы писателя – мотив власти *скуки* и *пошлости* над человеком. Чеховский художественный мир – это, по словам В.Э. Мейерхольда, «власть настроения», сменяющих друг друга негативных эмоциональных состояний, которые часто носят не мимолетный, а экзистенциальный характер. Соключи, пунктиром прошивающие текст, создают его

психологическую напряженность, передающуюся читателю: *жутко – хорошо – скучно* («Попрыгунья»), *жутко – жалко* («Скрипка Ротшильда»), *нелегко на душе – нехорошо* («Учитель словесности»), *стыдно и досадно на себя* («В усадьбе»), *страшно – скучно – жутко – странно* («Страх»), *скучно – душно – страшно* («Дама с собачкой») и т. д. Вместо подробного описания внешних проявлений душевного состояния героя А.П. Чехов лексически лишь обозначает его контуры. В этом проявляется одна из важнейших черт поэтики писателя – лаконичность и глубина смысла, когда описания сжаты, дискретны и развернуты одновременно, а текст приобретает эмоционально-смысловую емкость и глубину.

Литература

1. Барлас Л.Г. Язык повествовательной прозы Чехова: проблемы анализа / отв. ред. Л.А. Введенская. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1991. – 205 с.
2. Бицилли П.М. Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа / П.М. Бицилли // Трагедия русской культуры: исследования, статьи, рецензии / сост., вст. ст. и коммент. М. Васильевой. – Москва, 2000. – С. 204–417.
3. Бялый Г.А. «Пути, мною проложенные...» [Электронный ресурс] // Бялый Г.А. Русский реализм. От Тургенева к Чехову / [вступ. ст. В.М. Марковича]. – Ленинград, 1990. – С. 250–342. – Режим доступа: http://philology.ruslibrary.ru (дата обращения 14.08.12).
4. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. [Электронный ресурс] / Т.Ф. Ефремова. – М.: Астрель, 2006. – Режим доступа: http://www.edudic.ru/efr/ (дата обращения 20.04.13).
5. Карасик В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.

6. Мильдон В.И. Чехов сегодня и вчера: («Другой человек») / В.И. Мильдон; Всерос. гос. ин-т кинематографии им. С.А. Герасимова. – Москва: ВГИК, 1996. – 174 с.

7. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – Изд. 3-е, стереотип. – М.: Русский язык, 1985–1988.

8. Степанов[1] А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова / А.Д. Степанов. – Москва: Языки славянской культуры, 2005. – 396 с.

9. Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова / И.Н. Сухих; Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1987. – 180 с.

10. Тюпа В.И. Чеховская энциклопедия [Электронный ресурс] / В.И. Тюпа // Вопросы литературы. – 2013. – № 1. – С. 252–262. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/readroom/voprosy-literatury/vl-1-2013/17665-chehovskaya-enciklopediya.html (дата обращения 15.04.13).

11. Фортунатов Н.М. Музыкальность чеховской прозы // Фортунатов Н.М. Пути исканий. – Москва, 1974[1]. – С. 105–134.

12. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. – М.: Наука, 1974–1983.

13. Чудаков А.П. Поэтика Чехова / А.П. Чудаков. – Москва: Наука, 1971. – 291 с.

«МЫСЛЬ СЕМЕЙНАЯ» В ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ КОНЦА XX - НАЧАЛА XXI ВЕКОВ

Семикина Юлия Геннадьевна,
кандидат филологических наук, доцент
(Волгоград, Россия)

Аннотация. В статье рассматривается тема семьи в женской прозе и ее значение в формировании ценностной системы человека. Особое

внимание автор уделяет проблеме формирования и реализации в семье гендерных стереотипов.

Ключевые слова: *семья, материнство, гендер, стереотип, трансляция опыта, женская проза.*

«THE IDEA OF FAMILY» IN WOMEN'S PROSE IN THE END OF XX – BEGINNING OF XXI CENTURIES

Abstract. The article deals with the notion of «family» in women's prose and its significance in the formation of the person's value system. Special attention is paid to the problem of gender stereotypes formation and its realization in the family.

Key words: *family, motherhood, gender, stereotype, social transmission, women's prose.*

Семейные ценности относятся к категории вечных. Испокон веков семья являлась основой общества, а женщина считалась хранительницей семейного очага.

Писатели-мужчины во все времена пытались осмыслить роль женщины в семье и в обществе, выразить свое понимание назначения материнства в культуре. Традиционно мужчины-писатели чаще создают в своих художественных произведениях образы положительных женщин, которые, пройдя тяжелые испытания судьбы, сохраняют богатый духовный мир, нравственную чистоту и являют собой своеобразный идеал женщины (жены и матери) в мужском понимании.

Женщины-авторы стремятся показать в своих произведениях, какую роль играют женщины не только и не столько в семье, но и в обществе, и в культуре. В настоящее время женщины-авторы в художественных произведениях выражают собственные концепции «современной женщины», «современной семьи», «современного общества». Для многих женщин-авторов тема семьи очень важна, поэтому она имплицитно или эксплицитно проявляется во всех произведениях. Такие

писатели, как И. Полянская, М. Арбатова не скрывают того факта, что их произведениям свойственен автобиографизм (т.е. авторское переживание, трансформация жизненного опыта, полученного в семье).

Осмысление собственной жизни, истории своей семьи, своей страны очень важно для И. Полянской, поскольку она, будучи ребенком, не в полной мере осознавала весь трагизм событий, происходивших в государстве в то время. Для каждого человека жизненно важными являются те события, которые поразили его, оставили какие-либо эмоциональные впечатления. Именно такие моменты своего бытия И. Полянская изобразила в романе «Прохождение тени». Семейная трагедия передана в произведении в двух проекциях: в восприятии шестилетнего ребенка и автора, как взрослого человека, уже отрефлектировавшего и оценившего эти события как в личном, так и в общеисторическом планах. Трагические исторические события проецируются на жизнь отдельной семьи, у которой, в свою очередь, есть «семейный миф». История семьи – миг в истории государства, в тексте произведения они словно отражаются друг в друге как в системе зеркал, дополняют друг друга.

Другие авторы (Л. Петрушевская, Л. Улицкая О. Славникова и т.д.) не делают автобиографический элемент доминантным, а представляют читателю гипотетический семейный опыт, существующий в рамках художественной реальности. Обращение к теме семьи позволяет переосмыслить опыт детства через призму материнского опыта. Хотелось бы отметить, что для современных авторов-женщин характерно вписывание семейной проблематики в культурно-исторический контекст.

Поскольку в художественном произведении создается реальность, преломленная через жизненный опыт автора, то в тексте реализуются различные гендерные стереотипы, касающиеся семейных отношений. Так, М. Арбатова в романах «Визит нестарой дамы» и «Семилетка поиска» и О. Славникова в романе «2017» создали образы активных, рассудительных, самостоятельных и самодостаточных женщин, способных переосмыслить, а в некоторых случаях и преодолеть существующие в обществе гендерные стереотипы, касающиеся таких понятий, как «семейные традиции», «семья», «материнство», «судьба», «жертвенность», «счастье» и т.д.

Произведения Л. Улицкой («Медея и ее дети», «Искренне Ваш Шурик», «Казус Кукоцкого» и т.д.), И. Полянской («Прохождение тени» и т.д.), М. Арбатовой («Визит нестарой дамы», «Семилетка поиска» и др.), О. Славниковой («2017» и др.) посвящены не узко «женским» или «мужским» проблемам, в них на примере трех поколений представлена попытка персонажей решить вечные проблемы: отношения между женщиной и мужчиной, матерью и детьми, «взаимодействие» двух поколений «родителей» и «детей» с современностью и т. д.

Говоря о психологических проблемах «отцов и детей», необходимо отметить, что отношения в семье во многом определяют дальнейшую судьбу ребенка. Это значит, что у детей, недолюбленных в детстве родителями, понижается самооценка и появляются проблемы в проявлении, выражении эмоций, что, в свою очередь, часто приводит к духовному одиночеству и, следовательно, запрограммированности на неуспех в жизни. По мнению писателей-женщин психологический климат (комфорт) в семье очень важен (модели отношений

«муж – жена» и «родители – дети» должны основываться на доброжелательном партнерстве, а не на соперничестве и насилии в любых его видах). Авторы считают, что важно найти «золотую середину»: уход в иррациональное так же страшен, как и безотчетное следование «рациональному».

Женщина выполняет в культуре и в социуме важные функции. Женское начало имеет в философском и культурологическом понимании две основные ипостаси: мать, жена. Исходя из возвышенного понимания материнства мать – это воплощение добра, любви, гармонии, в реальной же жизни матери зачастую являются трансляторами подсознательной жестокости, непонимания, морального и физического насилия. Это происходит не из-за того, что женщина не любит своего ребенка, просто она считает, что ее жизненный опыт позволяет ей принимать важные решения за ребенка (а не вместе с ребенком), т.е. ограничивает внутреннюю свободу ребенка, даже тогда, когда он стал взрослым и у него появилась собственная семья. Матери (в социальной или семейной сферах) способны совершать моральное насилие над детьми. «*Димкина мать <…> истязала единственного ребенка музыкальной школой <…>. Уж эти невостребованные судьбой мамашки, месящие потными ладонями вместо собственного жизненное пространство детей!*» [1, 12].

Главная героиня романа «Визит нестарой дамы» Ирина Ермакова рассуждает о матерях послевоенного поколения: *«Если б я была писательницей, я бы создала “Декамерон” о мамашах нашего поколения. – Я часто думала о том, что для них насилие было нормой жизни, и те из нас, кто перешел к новому гуманитарному*

стандарту, все время конфликтовали с матерями» [1, 28]. *«Мать снилась мне идеальной, тактичной и ласковой, но поутру я налетала лицом на реальность. <…> Умом я понимала, что люди, изуродованные сталинским детством, не могут быть нормальными родителями, что насилие и безответственность впечатаны в них как нормы. Откуда они могли знать, что материнская любовь безусловна и ее отсутствие вызывает у человека чувство отчаяния и потерянности <…>. Откуда им было ведать, что мать любит своих детей не потому, что они хорошие, а потому, что они ее дети»* [1, 74-75]. Зачастую в отношениях «мать – дети» наблюдается отсутствие эмоциональной связи и, как следствие, – «женское насилие» в семье (женщина эмоционально подавляет членов своей семьи). Ситуации морального насилия в семье особенно часто изображаются в произведениях авторов-женщин.

В романах М. Арбатовой «Визит нестарой дамы» и «Семилетка поиска» мы наблюдаем примеры «протестного поведения» как одной из форм осознанного противодействия детей такой насильственной трансляции личного и культурного опыта матери. *«Психологическая зависимость от матери – основная проблема европейской культуры. Матери хотят эмоционально жить за счет ребенка, хотят быть всем для него, поэтому они не готовят его к нормальному восприятию основных фаз отрыва от себя: переходного возраста, брака и собственной смерти»* [2, 301].

Разговор журналистки Елены с дочерью Лидой – наглядный пример детского протестного поведения: *«Если ты хочешь правду, то… ты ведь на самом деле обращаешься со мной, как бабка с тобой. Просто ты умней, и мне трудней тебе сопротивляться… тебе ведь*

тоже хочется дочку, которой можно хвастаться, а что с дочкой происходит, тебе по фигу…<…> Я вот в книжке прочитала, что задача взрослеющего человека – освободиться от родителей, социализироваться и ощутить собственную синтонность в мире. Слышишь? Синтонность! А ты не даешь! <…> Я ведь каждую секунду чувствую себя перед тобой виноватой, ты мимо моей комнаты проходишь, у меня все внутри сжимается. На мне большими буквами написано: я, раздолбайка-дочь, недостойная своей мамочки, которая 24 часа скребет лапками по жизненному асфальту… Ты вот говоришь, что, по бабкиным представлениям, мы семья, а мы – не семья. Но по моим, семья тоже не может быть местом, где ты ежесекундно чувствуешь себя дерьмом. <…>

– Ужас какой! А почему ты мне этого раньше не говорила?

– Да потому что ты, как бабка, ты не слышишь ничего, кроме самой себя, своей работы, своих успехов, своих мужиков…» [2, 349].

В романе «Семилетка поиска» тема материнства раскрывается через сопоставление главного персонажа со второстепенным, в частности, журналистка Елена противопоставлена коллеге по работе и подруге Кате: *«Елена была синтетической оторвой: успевала дома, на работе, в любви и на войне. Катя была многодетной матерью <…>. Елена для Кати была пристально изучаемым воплощенным хаосом. Катя для Елены – грустной загадкой. Вроде все понимала про жизнь правильно, но жила с точностью до наоборот»* [2, 8]. В образе Кати реализована идея о самопожертвовании и покорности судьбе. Катя играет в романе роль второго плана, она является олицетворением классического идеала семейной жертвенной женщины-матери и жены. Елена –

персонаж первого плана – осмеливается противопоставиться сложившемуся в обществе стереотипу гендерного поведения и стремится изменить свои отношения с мужем и дочерью (прервать процесс трансляции отрицательного жизненного опыта). Знаменателен тот факт, что в конце романа Катя переосмысливает свои ценностные установки и начинает новую жизнь, основанную на уважении к себе (то есть начинает свой путь к переосмыслению семейных ценностей и идеологии потребительства в семье).

Похожий прием (сопоставление двух типов женских персонажей) использует О. Славникова в романе «2017»: успешная предпринимательница, красавица Тамара Крылова и Татьяна, возлюбленная ее бывшего мужа, не отличающаяся внешней красотой и не имеющая престижной работы. Обе женщины в итоге оказываются неспособны сохранить семью, родить и воспитать детей.

В произведении «Семилетка поиска» автор уделяет внимание в большей мере поколению «сорокалетних детей» и психологическим проблемам их возрастного кризиса. Главная героиня (успешная журналистка Елена) пытается изменить свою жизненную концепцию «Я – гиперопекающая мать». Эта позиция Елены реализуется в произведении в трех системах отношений: родители Елены, которые были своего рода большими детьми, ее мужья, дочь Лида. В каждой из этих межличностных систем есть внутренний конфликт, двусторонняя зависимость и властные отношения.

В семье у ребенка формируется способность к установлению отношений и определяется форма идентификации по гендерному типу (т.е. гендерная индивидуальность). Закрепленные в семье процессы гендерного ролевого научения, различия в способности к

установлению отношений и формы идентификации готовят мальчика и девочку к принятию взрослых гендерных ролей. Гендерное ролевое поведение с некоторыми модификациями передается от поколения к поколению, как, впрочем, и осознание успешности в выполнении гендерной роли.

«Поскольку идентичность женщины остается преимущественно в рамках роли жены / матери, женщина передает свои ролевые навыки и ожидания, свой образ жизни следующему поколению с большей вероятностью, чем отец» [5, 208]. Модель взаимоотношений родителей в семье усваивается детьми. Женщины-авторы показывают различные стратегии семейных отношений.

Психологи предполагают, что *«организация и идеология семьи все же воспроизводят гендерные различия и создают ожидание, что женщина, в отличие от мужчины, обретет первичную идентификацию именно в семье»* [5, 208]. Девочка узнает, что значит быть (или не быть) женственной посредством личной идентификации с матерью или с другими важными в ее жизни женщинами (с родственницами, подругами матери, матерями друзей и т.д.). Эта модель гендерной идентификации имеет как положительные, так и отрицательные стороны, поскольку если в одном из поколений произошел «сбой» в гендерной идентификации, то могут поменяться гетеросексуальные компоненты роли. Если такая измененная модель начинает восприниматься последующими поколениями, то этот процесс приводит к неверному пониманию гендерной роли в эмоциональном плане: неспособности к эмпатии, изменению эмоциональной потребности к установлению позитивных отношений. В результате таких трансформаций человек не способен создать или сохранить семью, поскольку его поведение не

соответствует существующему в обществе стереотипу гендерного поведения.

«Девочка идентифицируется с матерью, чтобы обрести взрослую женскую идентификацию и научиться взрослой гендерной роли» [5, 210]. Особенно остро проблема гендерной самоидентификации проявилась в постсоветское время, когда выросло целое поколение детей, воспитанных в неполных семьях, в которых главную роль играли женщины. В советское время все воспитательные функции выполнялись в большей степени женщинами (воспитатели, учителя, библиотекари, врачи и т.д.).

Что же происходит, если сама мать в психологическом плане не является взрослым человеком (в сфере эмоционального и / или рационального)? По-видимому, в таком случае происходит инфантилизация или позднее проблемное взросление следующего поколения, что и показано в романах М. Арбатовой «Визит нестарой дамы» и «Семилетка поиска», Л. Улицкой «Искренне Ваш Шурик».

Например, Вера Корн не осознает, что она в некоторой степени виновата в том, что происходит с ее сыном. *«Шурик проживает не свою жизнь, а ту, которую ему предложила (из самых лучших побуждений, конечно же) семья, состоящая из мамы и бабушки. Это именно они внушили мальчику довольно правильную саму по себе мысль – он должен быть хорошим. Быть хорошим – любить маму и бабушку высокой платонической любовью, не совершать плохих поступков, которые их могут огорчить. <…> Шурик и старается быть человеком без недостатков. Автор постоянно акцентирует внимание читателя на старательных попытках героя быть хорошим»* [3, 209]. Он являлся

«хорошим мальчиком» в рамках тех гендерных стереотипов, которые были сформированы мамой и бабушкой. *«А Шурик действительно чувствовал себя настоящим другом и хорошим мальчиком. Ему всегда нравилось быть хорошим мальчиком».* Вот в этом и заключается ирония Л. Улицкой. *«Шурику нравилось выглядеть хорошим, создавать впечатление своей положительности. Нравилось до такой степени, что и сам он начинает верить, что он непогрешим. Но быть хорошим для всех не удается. И приходится выбирать между матерью и женщиной. А выбрать – значит, кого-то обидеть, привычка «быть хорошим» не позволяет сделать самостоятельный шаг в сторону, принять решение, которое может не понравиться домашним. Поэтому Шурик тщательно скрывает от них свою связь с взрослыми опытными женщинами, к которым, впрочем, у него нет никаких чувств, кроме собственно сексуального влечения. Шурик врет, не краснея, чтобы и дальше оставаться хорошим мальчиком, при этом автор с иронией сообщает, что "редко встречаются люди, которые бы так ненавидели вранье, как Шурик". Именно поэтому героя постоянно преследует чувство вины»* [3, 209].

Шурик подсознательно усвоил тип отношений, основанный на добровольном, но все же подчинении (он с детства помнил рассказы бабушки о том, что мама пожертвовала своей театральной карьерой ради него). *«В его отношении к матери, кроме любви, беспокойства о ней и привязанности, была еще и библейская покорность родителям, легкая и ненатужная. Вера не требовала никакой жертвы – она подразумевалась сама собой <…>»* [4, 147]. И в итоге половину жизни Шурик жертвовал

собой ради интересов других людей (даже неродных), доходя в своей жертвенности до абсурда.

В романе М. Арбатовой «Семилетка поиска» взрослая дочь Елены Лида ведет себя как подросток: не осознает ответственность за совершенные поступки, не задумывается об их последствиях. Результат подобной жизненной позиции – отсутствие собственной семьи и неспособность самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, то есть неуспешность в реализации себя как личности.

Некоторые авторы-женщины (Мария Арбатова, Ольга Славникова и др.) в своих произведениях остро полемизируют с гендерными стереотипами общества. В частности, в вопросе о социальном статусе женщины. *«Жизнь женщины и мнение о женщине помещают ее в сфере социального взаимодействия и личных отношений»* [5, 212], т.е. семейных отношений. *«В нашем обществе женщину в первую очередь определяют как жену и мать, то есть определяют ее через углубленные отношения к кому-то еще, а мужчину определяют в первую очередь в универсальных терминах профессии»* [5, 212].

Главные персонажи-женщины в романах М. Арбатовой и в романе О. Славниковой состоялись в профессиональном плане: Ирина Ермакова – известная художница, Елена – успешная журналистка, Тамара Крылова – успешная предпринимательница и общественный деятель. В личных (семейных) отношениях они сталкиваются с многочисленными трудностями. Выполняя в семье роль жены и матери, женщины несут ответственность за аффективно-зависимые функции [5, 212]. А Тамара Крылова вообще не имеет опыта материнства.

Авторы-женщины пытаются опровергнуть устоявшийся стереотип, что женщина в обществе получает статус успешности и положение в основном от мужа. Например, М. Арбатова подчеркивает тот факт, что женщина в современном мире все чаще выполняет «мужские» функции: берет на себя активную роль не только в семье, но и в обществе в целом. Традиционно сложившиеся требования к гендерной роли женщины часто противоречивы, например, быть пассивной и зависимой в отношениях с мужчиной и быть независимым инициатором по отношению к детям [5, 210]. Женщины-авторы такими произведениями, как «Визит нестарой дамы», «Семилетка поиска», «2017» и т.д. побуждают читателей поразмышлять над проблемой жизненной стратегии, ведь если ты хочешь быть «сильной» женщиной (успешной в работе, независимой и реализовавшейся в материнстве, берущей на себя ответственность за события, происходящие в жизни), то необходимо оценить свое влияние на членов семьи и задуматься над проблемой: какую цену приходится платить за трансформацию своей гендерной роли.

Литература

1. Арбатова М. Визит нестарой дамы: Вполне роман. М., 2008.
2. Арбатова М. Семилетка поиска: Роман. М., 2008.
3. Ермошина Г. Биологический эксперимент // Дружба народов. 2004. № 4. С. 209-212.
4. Улицкая Л. Искренне Ваш Шурик: Роман. М., 2005.
5. Чодороу Н. Воспроизводство материнства: Психоанализ и социология гендера / Пер. с англ. М., 2006.

КОНФЛИКТ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г.УСПЕНСКОГО

Захарова Лариса Михайловна,
университетский преподаватель,
(Кишинев, Республика Молдова)

Аннотация: В статье рассматривается взаимосвязь и противостояние человека и природы, отображенные в произведениях Герасима Успенского. Предпринята попытка сквозь призму художественного конфликта проанализировать русскоязычную прозу Молдовы (на примере творчества Г.А. Успенского). В статье также затронут вопрос о типологии художественного конфликта.

Ключевые слова: *художественный конфликт, противостояние человека и природы, русскоязычная проза Молдовы, творчество Г. Успенского.*

CONFLICT OF MAN AND NATURE IN WORKS OF G.USPENSCHI

Abstract: The article discusses the interrelation and confrontation between man and nature depicted in the works of Gerasim Uspenschi. An attempt was made to analyze Russian-language prose of Moldova through the prism of art conflict. (the case of G.Uspensci's works). The article also raises the issue of the typology of the artistic conflict.

Key words*: artistic conflict, confrontation between man and nature, the Russian-language prose of Moldova, works of Gerasim Uspenschi.*

OPOZIŢIA DINTRE OM ŞI NATURĂ ÎN OPERELE LUI GHERASIM USPENSKI

Adnotare. În acest articol sunt menţionate legătura reciprocă şi opoziţia dintre om şi natură, ce sunt reflectate în operele lui Gherasim Uspenski. Se face încercarea de a analiza proza de expresie rusă (pe exemplul creaţiei lui Gherasim Uspenski) privită prin prisma conflictului artistic. Totodată, în acest articol a fost abordată şi chestiunea cu privire la tipologia conflictului artistic.

Cuvinte cheie: *conflictul artistic, opoziţia dintre om şi natură, proza de expresie rusă din Moldova, creaţia lui Gherasim Uspenski.*

Не подлежит сомнению, что природа – это не только растительный и животный мир, в котором живет и развивается человек, но и сложная гармоничная экосистема. Отношение человека к природе предопределяет его действия по отношению к окружающему миру и, в свою очередь, предопределяет последствие этих действий на природу.

На протяжении веков человек по-разному выстраивал свои отношения с природой, то обожествляя ее, то считая только своей мастерской, а порой и хозяином всех ее богатств. Эти отношения находили свое отражение в общественном сознании, а затем и литературном творчестве писателей, чутко реагирующих на малейшие изменения в обществе.

Тема природы всегда привлекала поэтов и писателей. Для многих из них пейзаж был фоном повествования, придающим ему определенный настрой, а описание природы зачастую служило средством для психологической характеристики героя. Не обошли вниманием тему природы и молдавские писатели, живописуя красоты родного края. Много ярких картин описания природы мы можем найти на страницах произведений И. Друцэ, А. Шаларь, И. Чобану, В. Бешлягэ, Дж. Менюка, А. Лупан, Д. Матковского и многих других.

Одним из ярких представителей русскоязычной ветви писателей, посвятивших свое творчество взаимоотношениям человека и природы, является Герасим Успенский (1905–1990), 110-летие со дня рождения которого литературная общественность республики будет отмечать в декабре …. Исследователь И. М. Сухарева подчеркивает в своем исследовании, что такие писатели, как Г. Успенский, *«предстают и как натуралисты, и как тонкие художники слова»*, что их обращение к миру

природы *«таит в себе стремление раскрыть какие-то стороны душевного мира человека, воплотить созвучные времени гуманистические идеи»* [5, 174]. Необходимо отметить также, что природа у этого писателя показана сквозь призму его профессиональных знаний. Писатель К. Шишкан признается, что знакомство с миром произведений Г. Успенского для него было открытием: *«В его книги, полные поэзии природы, входишь как в благоухающий сад. Они все имеют познавательную ценность, являются яркими иллюстрациями к научным сведениям о живой природе»* [14, 48]. Не все сегодня знают, что Герасим Успенский был известным ученым-натуралистом, который участвовал во многих экспедициях, руководил заповедником в Аскания-Нова, занимался научными исследованиями в Институте зоологии Академии наук МССР. *«Главный мотив творчества Г. Успенского – чувство ответственности перед природой, человек в его произведениях – защитник флоры и фауны земли»* – отмечает И. Шпак [15, 271].

В произведениях, посвященных природе, нас интересует более взаимосвязь человека с природой, со средой и временем, отображенная в литературе, о которой М. М. Бахтин писал: *«Эстетическая деятельность не создает сплошь новой действительности. В отличие от познания и поступка, которые создают природу и социальное человечество, искусство воспевает, украшает, воспоминает эту преднаходящую действительность познания и поступка – природу и социальное человечество, – обогащает и восполняет их, и прежде всего оно создает конкретное интуитивное единство этих двух миров – помещает человека в природу, понятую как эстетическое окружение, – очеловечивает природу и натурализует человека»* [1, 30]. Нетрудно заметить, что в «интуитивном

единстве» природы и человечества, которое создает литература, как например, в нашем случае, М. М. Бахтин видит или подразумевает противостояние, а значит, в какой-то степени – конфликт.

Именно сквозь призму художественного конфликта нами предпринята попытка проанализировать русскоязычную прозу Молдовы (на примере творчества Г.А. Успенского), раскрывающую тему природы.

Художественный конфликт – один из самых употребляемых терминов в литературоведении. Согласно бытующим в современном литературоведении представлениям, конфликт – это острое столкновение характеров и обстоятельств, взглядов и жизненных принципов, положенное в основу действия художественного произведения. Конфликт может быть разрешимым или неразрешимым, явным или скрытым, внешним или внутренним. Конфликт в литературе является основой художественной формы, сюжетообразующим стержнем произведения. Многие литераторы отмечают, что характер героя и характер конфликта взаимообусловлены. Зачастую через конфликт проявляются духовные, нравственные качества героя. Конфликт предполагает выбор героя, а герой, в свою очередь, играет ведущую роль в развитии и разрешении конфликта. Концепция, развитие и разрешение конфликта зависят от мировоззрения и от жизненного опыта писателя, от того, в каком обществе и в каком времени он живет. Таким образом, с одной стороны, конфликт художественного произведения – это противоречие, соприкасающееся с действительностью, определяющее художественные характеры героев, их расстановку и взаимодействие. С другой стороны, он имеет «техническую» связующую, соединяющую функцию.

«Развитие конфликта обусловливает не только связи, противоречия художественных образов, но и соотношение отдельных сторон, компонентов литературного произведения, его внутреннее строение» – отмечает М.Б. Храпченко [12, 257]. В этом и выражается функция конфликта как структурной основы произведения.

По мнению некоторых исследователей, существует два вида конфликта: внешний (прямое столкновение противоборствующих сторон) и внутренний (противоборство в душе героя). Так, в статье «Круги художественного конфликта (раздумья над текущей прозой)» А.Г. Бочаров выделяет конфликты центробежные, направленные «вовне», против врагов литературного героя, и центростремительные, обращенные «вовнутрь», в душу героя [2, 58]. В другой статье – «Сквозь призму поликонфликтности» – А.Г. Бочаров уточняет свои положения, вновь обнаруживая в современной литературе конфликты внешне-социальные и внутренне-психологические, нравственные, а также отмечает возможность их взаимодействия [3, 71]. Можно привести ещё одно интересное рассуждение, которое принадлежит В.Е. Хализеву. Этот учёный, связывая сюжет художественного произведения и его конфликт, выделяет два типа конфликта: 1) традиционный, архетипический, в основе которого лежат противоречия «локальные и преходящие», 2) «субстанциональный», который являет собой «устойчивые конфликтные состояния (положения)» [11, 217]. Другие исследователи, например Ю.В. Манн, подразделяют конфликты на «закрытые» и «открытые». Существуют и другие точки зрения на типологию художественного конфликта. Так, профессор К.Г. Шаззо выделяет три их типа: конфликт в драме; конфликт в

эпосе; конфликт в лирике, отмечая у каждого типа свои отличительные черты [13, 22].

Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что вопрос о типологии художественного конфликта до сих пор не закрыт. В данной статье мы намерены проследить развитие и разрешение художественного конфликта одного типа, в частности, конфликта человека с окружающей средой, с природой, в художественных произведениях Герасима Успенского.

В рассказах Г. Успенского природа – это не столько фон повествования, сколько объект деятельности человека. В рассказе «Мыс покойники» описывается экспедиция молодых ученых на Байкал, в заповедник. *«Натерпевшись всякого, прибыли мы на главный кордон заповедника в поселке Сосновка поздней осенью, когда в горах уже лежал снег, а Байкал грохотал свинцовыми волнами под напором суровых северных ветров, каждый из которых здесь имеет собственное имя. Самый сердитый ветер – сарма. Сарма обжигает холодом, запросто опрокидывает кверху килем рыбацкие парусники и валит в тайге вековые деревья»* – говорит один из героев рассказа [7, 4]. Внедрившись в лоно природы, как это видно в произведении, человек вступает в зону, где жизнь протекает по другим законам, суровая природа диктует свои правила. Вырисовывается основной конфликт произведения – внешний конфликт, противником человека в этой ситуации становится сама природа. Герои произведения не имеют возможности изменить среду, они могут только приспособиться к ней, понять и принять её правила. И писатель акцентирует внимание читателя на том, что существует закон, не позволяющий нарушать целостность природы, ее гармонию, можно стать лишь ее органичной частью. Так, например, он пишет: *«Только*

узкие звериные тропы проложены через чащобу, бурелом и каменные россыпи. Люди здесь ***пользуются*** *этими тропами и* ***приспосабливают*** *их, убирая с пути валежины, камни и делая знаки – "засечки"»* [7, 8].

Экспедиции пришлось столкнуться со многими трудностями. Участники ощутили грозное дыхание природы, с трудом впускающее их в свои пределы: *«Пришлось многому учиться, например, овладевать искусством ходьбы на камусных лыжах по склонам среди дремучего леса, учиться оберегать от обморожения лицо, руки, ноги, замечать признаки приближающейся сармы, чтобы вовремя добраться до ближайшего зимовья или соорудить себе убежище из пихтовых лапок, суметь, если надо, переночевать в снежной яме у медленно горящего костра – нодьи. Главное же, чему пришлось научиться,– это разбираться в хитросплетениях звериных следов, читать по ним о всех больших и малых событиях в звериной жизни»* [7, 9].

Кульминацией конфликта человека и природы в данном рассказе является эпизод похода героев произведения на озеро Рангатуй, которое находится на перешейке Святого Носа. Поход осложняется весенним таянием льда. И в этом контексте природа снова устраивает человеку экзамен на выживание: *«Однако уже вторая половина мая – такое время, когда лед на Байкале усиленно тает, распадается на длинные тонкие иглы, и вот-вот его окончательно разрушит первый же весенний шторм, который придет от южной части озера»* [7, 12].

Перед исследователями встает выбор: рискнуть, но выполнить задание профессора или *«ждать, когда совсем растает лед и откроется навигация»*, но тогда задание будет не выполнено – *«весенний перелет тем временем*

закончится, и птичьих сборищ на Рангатуе» уже не застать [7, 13].

Начальник заповедника, старожил этих мест не советует им пускаться в опасный поход: *«Вы знаете, что такое иглистый лед? Это смертельная ловушка! Идешь по нему, все как будто ладно. Потом вдруг чувствуешь, что под ногами лед ходуном ходит, как трясина, и если не успеешь выскочить на твердое местечко – эти ледяные вертикально стоящие веретена неожиданно разойдутся, пропустят ваше тело вниз, а потом снова сомкнутся у вас над головой,– тут вам и могила!»* [7, 13].

В этом небольшом эпизоде рассказа к внешнему конфликту добавляется внутренний конфликт, а именно, страх за свои жизни борется с долгом ученых. Фактор долга победил: ученые решили *«немедленно отправляться по льду пешком»* [7, 13]. Мы видим, как через конфликт автор показывает духовные и нравственные качества героев. В данном случае ответственность, целеустремленность и бесстрашие героев предопределили их решение выполнить поручение.

Сюжетное напряжение возрастает, гибель героев неизбежна, лед вокруг них тает, а вскрывшиеся реки превратили в крошево воду вокруг суши, делая её недоступной пешим людям: *«Мало оставалось надежды на благополучный конец нашего похода. <...> Я думал: “Вот мы, наверное, утонем, и на мыс Покойники байкальские волны выбросят еще двух мертвецов!”»* [7, 19].

Участники экспедиции понимают: остается один выход – *«сигнал подать нужно, – тогда помогут»* [7, 19]. Однако крики и выстрелы ветром относило назад, на простор залива, а сделанный факел, облитый спиртом, горел почти невидимым, голубоватым огнем. Знание

химии помогает им выбраться из беды. *«Петя насыпал прямо на горящую вату немного соли. Пламя окрасилось – в яркий желтый цвет»* [7, 20]. Наступает развязка конфликта, сигнал услышан, рыбачья бригада с острова пришла героям на помощь. Только благодаря опыту и бесстрашию рыбаков стало возможно спасение ученых. *«Видно, не в первый раз приходится этим рыбакам снимать людей с тающего байкальского льда»* [7, 23].

Из характеристик, которые дает автор жителям этих мест, читатель может сделать верный вывод: среда определяет характер здешних жителей, этот суровый край не терпит слабых, безвольных. Показателен, как типичный характер, образ сторожа рыболовецкой артели на мысе Покойников – деда Ильи: *«Про Илью рассказывали, что он за свою жизнь убил не менее сотни медведей, расправляясь с ними не только ружьем, но и рогатиной, топором, а то и просто охотничьим ножом. Любил Илья также богатырские поединки, когда и зверь и человек поровну рискуют в честной страшной борьбе насмерть. Не раз бывал Илья под разъяренным зверем, видел смерть в лицо, но пересиливал в поединке. Дед и сейчас еще, на склоне лет, удивляет всех своей силищей и бесстрашием»* [7, 17]. Именно этот таежный богатырь организовал спасение молодых ученых, а затем и приютил их у себя в избе, чтобы герои смогли восстановить силы и залечить изрезанные об лед пальцы. Но долго отдыхать они не могли, весенний пролет водяной дичи был в самом разгаре, и теперь им был дорог буквально каждый час.

Проанализировав рассказ Г. Успенского «Мыс Покойники», можно отметить в нем синтез нескольких конфликтов: внешнего – человека и окружающей среды, и внутреннего, нравственного – проблемы долга. Такое

наложение конфликтов характерно для многих произведений реалистической литературы.

В другом рассказе Г. Успенского «Оборотень» природа снова выступает противником человека. Таинственный страшный зверь держит в страхе всю округу. Один за другим находят растерзанные трупы. Зверем-людоедом загрызена молодая женщина: *«Челюсти зверя сжимались все туже, в его зубах захрустели позвонки. Истошный крик погибающей сменился слабым стоном, но скоро умолк и стон»* [8, 5].

Чуть не закончилась трагедией встреча зверя с пасечником Степаном Антипычем: *«Перед пасечником стоял зверь – огромный, как показалось старику. Зверь не собирался отступать. Отблески звездного неба зажгли в его глазах зеленоватые свечи, в оскаленной пасти смутно белели зубы, готовые снова вцепиться мертвой хваткой* [8, 12]. Защищая хозяина, погибла собака пасечника: *«Собака мучительно умирала, а вокруг избушки рыскал грозный волк, который ничего не боится, лезет на рожон. Пасечник слышал, как зверь несколько раз шаркал лапой по наличнику окна, скребся в дверь, пытался подкопаться под стену. Воспаленная мысль старика твердила одно и то же: – Неужто, неужто!?»* [8, 15]. Следующей жертвой стал деревенский письмоносец: *«Следственные власти прибыли на место во второй половине дня и установили, что Андрей Сухотин был сбит с велосипеда и растерзан каким-то очень сильным хищником»* [8, 20]. Оставленные на жертвах следы не похожи ни на следы медвежьих когтей, ни на следы волчьих клыков: *«Это были следы волка, но совершенно небывалой величины. Казалось, что и сам зверь-людоед должен быть, по крайней мере, в полтора раза больше любого, самого крупного из волков»* [8, 15].

Все непонятное, таинственное рождает страх, суеверия. Автор показал механизм рождения такого страха перед природным явлением. Старожилы этих мест, не имея возможности объяснить необычные размеры и поведение зверя, заговорили об оборотне: *«Самые древние старики не могли припомнить чего-либо подобного. Но эти же старики не прочь были удариться и в мистику: – Наталью-де загубил не простой зверь!.. А может, он и не зверь вовсе?.. Он только с виду вроде бы – волк, а на самом-то деле?!.»* [8, 8]. Началось самое настоящее противостояние людей и хищника: *«Начальник охотничьей инспекции на специальном совещании в облисполкоме поклялся, что "его ребята – егеря" непременно выследят и прикончат людоеда. <…> Волк же вел себя, словно опытный рецидивист-уголовник. Совершив очередное преступление, он опять надолго исчез из вида, как будто затаился в одном ему известном притоне.<…> Волк-людоед оставался неуловимым»* [8, 23].

Более года продолжалось соревнование между человеком и животным. Кульминацией конфликта стала встреча чудовища с главным героем, приехавшим в зверосовхоз зоотехником. Однажды, возвращаясь из города в совхоз, он остановился в «заезжем доме». Хозяин дома Илья Петрович подсказал прямой путь к зверосовхозу, но посоветовал держать ружье наготове и сам зарядил патрон, специально заготовленный и заговоренный против оборотня. Только опыт охотника и наблюдательность спасли героя от гибели: *«Но вот один небольшой куст чем-то привлек мое внимание и заставил замедлить шаг. <…> Опыт подсказал мне: под кустом затаился … волк!»* [8, 54-55]. Герой знал, что волк обычно избегает встреч с людьми, стремится отлежаться под

кустом, остаться незамеченным. Однако встреченный зверь повел себя совсем по-другому: *«Выскочивший из куста волк не убегал, а наоборот, мчался ко мне. <…> Дело решали считанные секунды. Я припал на одно колено, поймал на мушку широкий подгрудок зверя и выстрелил»* [8, 56].

Загадка «оборотня» разрешилась при доскональном осмотре убитого зверя: *«Его матерью наверняка была волчица. Он вырос в волчьем логове и стал настоящим, диким хищником, а от собаки-отца унаследовал неустрашимость перед человеком, вредную и нелепую для дикого зверя неустрашимость, которая и привела его к гибели»* [8, 59].

В сборник Г. Успенского «Загадка остается» включена одноименная повесть, в которой действие разворачивается в разных уголках мира: судьба забрасывает героя и на берега Каспийского моря, и в далекую африканскую страну. Но где бы он ни был, его гнетет неразрешимая загадка – загадка существования йети. Этот внутренний конфликт толкает героя отправиться в экспедицию в обширную зону Ленкоранской низменности к озеру Талыш и вглубь африканского континента. Во всех этих местах есть свидетельства контакта человека с йети, хотя в разных местах и называют его по-разному: в Гималаях – йети, «снежным человеком», в Дагестане – «каптаром», в Африке – «мэ-ту». На протяжении всей африканской командировки герою противостоит опасная, чуждая ему среда. Явно прослеживается внешний конфликт, герою грозит гибель от несметного количества ядовитых насекомых и змей, от многочисленных тропических болезней, страшных крокодилов и бегемотов: *«В палатке кишмя кишели членистоногие! <… > Скорпионы уже добрались до него*

самого, ползали по брюкам, выставив клешни и задрав кверху ядовитые хвостики. <…> Но ведь укус лишь одной такой сколопендры, в которой от головы до хвоста добрых пятнадцать сантиметров, может стоить жизни!» [7, 206]. Неоднократно, не зная законов выживания в этой среде, герой подвергал свою жизнь опасности: *«“Коряга” поднялась на поверхность и поплыла к противоположному берегу, рассекая воду гребенчатым хвостом. Так Симонов впервые увидел крокодила в его природной обстановке. А он ведь хотел было здесь искупаться перед сном!»* [7, 224].

Главному герою повести, Петру Яковлевичу Симонову удалось увидеть йети и в «гирканских джунглях» прикаспийских земель, и у африканской реки, кишащей крокодилами: *«Петр Яковлевич испытывал, сложные чувства. Он верил и не верил в то, что сам, своими глазами видел живого африканского йети»* [7, 236].

Казалось бы, главный герой достиг своей цели, он увидел живого йети (каптара, мэ-ту), но в душе его поселяется разлад, ученый мир не принимает как доказательство рассказы очевидца и неотчетливый оттиск ступни «мэ-ту», необходим сам образец и лучше мертвый, так легче его исследовать. Внутренний нравственный конфликт мучит героя, но затем приходит осознанное решение: убивать редкое существо он не будет*: «Но сможет ли он, Симонов, УБИТЬ это редчайшее животное?! Даже во имя самой высокой науки? Нет, не сможет, не поднимется рука. Что же тогда остается? Только одно: поймать каптара живьем, целого и невредимого. Поместить его в отличные условия жизни, наблюдать его, изучать и... искать с ним общения. Пока же этого не удастся осуществить, загадка современного предчеловека так и останется загадкой»* [7, 242].

В произведении Герасима Успенского «Третий кит» отображена ситуация, когда человек сам оказался виновен в нарушении гармонии и равновесия в природе: в конце XIX в Европу из Северной Америки была завезена тля филлоксера, поражающая европейские сорта винограда, не устойчивые к вредителю. *«Во всем мире целое столетие идет ожесточенная война с филлоксерой»* [10, 89]. Ученые Молдавии – герои повести, осознав назревающую катастрофу – конфликт человека и природы, поставили перед собой задачу решить эту проблему: *«Многие давали себе клятву: найти радикальный способ борьбы с филлоксерой. Дал такую клятву и молодой энтомолог Яша Князев»* [10, 90]. К конфликту ученого и заокеанской тли, добавляется производственный конфликт. Оппонент главного героя, профессора Князева – профессор Вередов, радуется неудачам полевых опытов группы Князева: *«Теперь у него будет новый аргумент против корнесобственной культуры винограда, за которую ратовал Князев и которую всячески порицал Вередов»* [10, 99].

Возникший производственный конфликт перерос в социальный: конфликт профессора Князева с научным сообществом, а также конфликт профессора, не уроженца этих мест, со старожилами-виноградарями: *«В газетах замелькали статьи профессора Вередова – вежливые и остроумные, но достаточно ядовитые. За спиной Князева зазвучали в его адрес клички: “прожектёр”, “кабинетный мечтатель”, “консерватор”... Говорилось и более обидное, но такое же необоснованное. Не обошлось здесь и без местного “патриотизма” стариков-практиков, которые рассуждали примерно так: мы, старые молдавские виноградари, посвятили этому делу всю жизнь, мы выращивали и выращиваем отличный виноград,*

и никто лучше нас не знает, как это нужно делать здесь, в наших условиях. А тут явился какой-то чужак и намеревается нас поучать… » [10, 99]. Однако настойчивость главного героя и его помощников принесла долгожданные плоды, средство против филлоксеры было найдено: *«В резолюцию симпозиума включается пункт: “Метод профессора Якова Князева по применению гексахлорбутадиена признать одним из наиболее перспективных методов борьбы с корневой формой виноградной филлоксеры”<…>. Это было победой!»* [10, 125].

В контексте вышесказанного необходимо отметить, что в литературе Молдовы каждое поколение литераторов оставило свой след и свое видение взаимоотношений человека и природы, как в лирике, так и в прозе. Такой вклад внес в мировую литературу и молдавский писатель русского происхождения Герасим Успенский, знающий природу, любящий и заботящийся о ее сохранении. В последнее время в СМИ и в литературе появилось много обращений к человечеству о необходимости бережно обращаться с природой, призывающих к протесту против потребительского, варварского отношения к ней. Писатели, среди которых и Г. Успенский, используя силу художественного слова, пытаются «достучаться» до читателя, посредством своих литературных произведений донести до него свою точку зрения, формируя и распространяя в обществе идеи сохранения природы. Так, И. М. Сухарева отмечает: *«У Г. Успенского мы не найдем прямого разговора о необходимости бережного отношения к природе. Писатель обращает в свою веру другим способом. Рисуя разнообразнейший мир природы, он постоянно подчеркивает близость этого мира человеку»* [5, 182]. Подобное замечание мы находим в

статье «Чтоб шагнуть в природу» А. Гиличенского: *«Есть лица, чья гуманность, “цивилизованность” не подвергается сомнению в условиях регламентированной городской жизни. Но они неузнаваемо меняются, очутившись в лесу с охотничьим ружьем в руках. В рассказах Герасима Успенского читатель не найдет прямого осуждения таких людей. Но писатель подводит нас к мысли, что отношение к природе становится все более одним из мерил нашей человечности. Прикосновение к природе сразу же рождает моральные проблемы, и только любовь к ней помогает разобраться в них»* [4, 151].

Г. Успенский не напрямую, а исподволь, через эмоциональный фон, подводит нас к мысли о бесценной значимости природы для человека. Читая его произведения, мы сопереживаем гибнущим фламинго, восхищаемся красотой природы, будь то прибайкальская тайга или молдавские Кодры. И не случайно большинство своих произведений Г. Успенский посвятил детям, будущему поколению, он понимал, что именно в их руках окажется планета, от их действий зависит судьба каждого из нас.

В заключение хотелось бы отметить, что в художественных произведениях Герасима Успенского мы смогли проследить развитие и разрешение художественных конфликтов, в большинстве своем конфликтов человека с окружающей средой, с природой. Как можно было заметить, героям противостояли в основном непривычная, чуждая им среда и суровые климатические условия. Также в произведениях отображен художественный конфликт между героями и природой, в виде ее представителей – опасных зверей, пресмыкающихся и ядовитых насекомых. Однако нельзя не отметить, что в некоторых произведениях к внешним

конфликтам добавляются внутренние конфликты. Так, в рассказе «Мыс Покойники» нами был отмечен внутренний конфликт – проблема долга героев, проблема ответственности перед научным руководителем. В повести «Третий кит» наблюдается синтез нескольких внешних конфликтов: конфликт ученого с вредоносной тлей, его же конфликт с коллегой и научным сообществом, а также конфликт профессора со старожилами-виноградарями, принимавшими его за чужака. Подобное сочетание конфликтов, характерное для реалистических художественных произведений, автор использует и в повести «Загадка остается», где к внешнему художественному конфликту (герой и африканская природа) добавляется внутренний (нравственный) конфликт: желание доказать реальность «йети», но только не путем убийства этого существа.

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что в художественных произведениях Герасима Успенского нашли отображение классические типы художественного конфликта, характерные для второй половины XX века, а также их взаимодействие друг с другом.

Герасим Успенский, как и каждый писатель, воспитывающий на примере своих произведений в каждом читателе чувство моральной ответственности по отношению к природе, ко всем живым существам, во имя самой жизни на Земле, на самом деле решает важный и ответственный вопрос. Он дает свое решение и выход из создавшегося художественного конфликта, который зачастую определяет и сюжет, и композицию произведения, а с другой стороны – он вносит свою лепту в решение главной задачи: задачи по спасению Человечества.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1980. 444 с.

2. Бочаров А. Круги художественного конфликта / раздумья над текущей прозой // Вопросы литературы, М., 1974, № 5.

3. Бочаров А. Сквозь призму поликонфликтности // Дорогой правды, дорогой гуманизма: Проблемы художественной литературы развитого социализма. Сборник. М.: Художественная литература, 1970. С. 196-227.

4. Галиченский А. Чтоб шагнуть в природу // Кодры, 1974, № 3. С. 151-152.

5. Сухарева И.М. Проблема героя в творчестве русских писателей Молдавии. Диссертация кандидата филологических наук. Киев, 1984. 229 с.

6. Успенский Г. Дикое поле. Рассказы. Кишинев: Картя молдовеняскэ,1962. 148 с.

7. Успенский Г. Загадка остается. Повести и рассказы. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1982. 279 с.

8. Успенский Г. Оборотень. Рассказы. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1973. 227 с.

9. Успенский Г. Следы Домбая. Повесть и рассказы. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1978. 324 с.

10.Успенский Г. Третий кит. Рассказы и повесть. Кишинев: Лумина, 1957. 247 с.

11.Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. - 398 с.

12.Храпченко М.Б. Типологическое изучение литературы // М. Б Храпченко. Собр. соч. в 4-х тт. Т.IV. М.: Художественная литература, 1981. С. 258-294.

13. Шаззо К.Г. Художественная структура конфликтов эпохи и духовно-философские искания личности. Майкоп.: Изд. МГТУ, 2005. - 260 с.

14.Шишкан К. По дорогам книг // Кодры, 1973, № 12.

15.Шпак И. И. Герасим Успенский // Русская литература Молдовы в лицах и персоналиях (XIX – нач. XXI вв.): Библиографический словарь-справочник. Авторы-составители: К. Б. Шишкан, С. Г. Пынзару, С. П. Прокоп. Кишинев: Inessa, 2003. С. 271-272.

КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА ГЛАГОЛЬНОГО ПРЕДИКАТА *ОКАЗЫВАТЬСЯ* И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НАРРАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ

Чернцова Елена Вадимовна,
кандидат филологических наук, доцент
(г. Харьков, Украина)

Аннотация. Статья посвящена анализу когнитивной семантики глагольного предиката (КТО ***оказывается*** ГДЕ) и художественной нарративной стратегии. Анализ показывает, что семантика предиката связана с коммуникативной логикой ‘субъекта когнитивной деятельности’, с коммуникативным регистром – репродуктивным или информативным – и нарративной стратегией. Когнитивная семантика предиката выявлена с учетом параметров: ‘коммуникативный тип контекста’ («Я»-, «ТЫ»-, «ОН»-контекст), ‘коммуникативный регистр’, ‘субъектная структура контекста’.

Ключевые слова: *субъект, когнитивная семантика, коммуникативный регистр, репродуктивный, информативный, нарративная стратегия.*

THE COGNITIVE SEMANTICS OF VERBAL PREDICATE ОКАЗЫВАТЬСЯ AND FICTIONAL NARRATIVE SNRATEGY

Abstract. This article analyzes the cognitive semantics of the verbal predicate (КТО ***оказывается*** ГДЕ) and fictional narrative strategies. The analysis shows that predicative semantics is connected with the communicative logic of the 'cognitively active subject ', as well as with a communicative register – reproductive or informative – and a narrative strategy. The cognitive semantics of the predicate identified within such parameters as a 'communicative context type' («I»-, «YOU»-, «IT»-context), 'communicative register', 'subjective structure of context'.

Key words: *subject, cognitive semantics, communicative register, reproductive, informative, narrative strategy.*

В одной из наших статей было показано фактологическое значение глагольных предикатов *оказаться, оказываться* в разных дискурсивных контекстах [2]. В данной статье рассматривается взаимосвязь между значением[1] – ‘субъект перемещается в пространстве и попадает в новое (первый раз называемое) место’ (репрезентированным синтаксической моделью **КТО *оказывается* ГДЕ**) – и художественной нарративной стратегией, осмысливаемой в контексте понятия «коммуникативный регистр».

Далее покажем, что понятие ‘коммуникативный регистр’ релевантно для описания нарративной стратегии, предполагает противопоставленность в дискурсе разных регистров: репродуктивного[2], связанного с актуальным восприятием, и информативного[3], ориентированного на знание. В свою очередь, параметр ‘дискурсивный тип контекста’ актуализирует специфику референции текста (в данном случае художественного), предопределенную

---

[1] Оно представлено в БАС вариантом – ‘попадать куда-либо, очутиться где-либо’ (*Я оказался на незнакомой улице*) [БАС 1959: 8, 767].

[2] В репродуктивном регистре говорящий описывает непосредственно, сенсорно наблюдаемое, находясь в локусе происходящего. Высказывания репродуктивного типа можно заключить в модусную рамку ‘Я вижу, как… ’, ‘Я слышу, как…’, ‘Я чувствую, как…’ [1, 29].

[3]Информативный регистр, напротив, предлагает сообщения о фактах, событиях, свойствах, отвлеченные от конкретной длительности единичного процесса, не прикрепленные к единому с перцептором локусу. Это сфера не прямого наблюдения, а знания, полученного в результате логических, мыслительных операций. Высказывания информативного регистра могли бы быть заключены в модусную рамку ‘Я знаю, что… ’, ‘Известно, что.. ’ [1, 29].

характером связанного с ним мира (в данном случае фикционального). Специфический характер фикционального мира задают воображение и память – основные категории художественного сознания, они же предопределяют способ сообщения о нем. Так, логика художественного дискурса формирует различные речевые планы повествования, в которых реализуются позиции рассказчика, нарратора, персонажа. Эти планы позволяют различать дискурс персонажа и дискурс рассказчика или нарратора. По параметру – ‘коммуникативный тип контекста’ (КТК) – различаются «Я»-, «ТЫ»-, «ОН»-контексты.

Исследование дискурсивно обусловленных значений базируется на анализе, выявляющем смысловое соответствие словесного выражения целям и установкам говорящего. Дискурсивный анализ в этом случае базируется на таких параметрах: ‘дискурсивный тип контекста’; ‘коммуникативный регистр (репродуктивный – информативный)’; ‘коммуникативный тип контекста’; ‘субъект когнитивной деятельности’; ‘субъектная структура контекста’. Дискурсивный анализ может выявить когнитивную значимость слова в построении той или иной нарративной стратегии, связанной с репродуктивным или информативным регистром. Представим материал такого анализа для предиката *оказываться*.

1.1. «Я» -контекст репродуктивного регистра, включающий значение ‘оказываться’ – ‘субъект попадает в новое место’. Репродуктивный регистр задан словами с семантикой восприятия – *вижу, замечаешь* и др. Ср. (1): «*Что же я вижу, когда рассыпается клоками лирический туман? Как хорошо, что я постоянно, готовясь к своему земному путешествию в Россию, кое-что читал, да и потом немножко следил за происходящим. Но это я опять*

забегаю в будущее? ***Я оказываюсь в довольно просторном зале исключительно русской архитектуры****. Невысокие окна, при взгляде на которые замечаешь огромную толщину стен. Сводчатые потолки, опирающиеся на колонну в центре зала. Росписи по стенам помещения отчасти повторяют нашу европейскую живопись по мокрой штукатурке».* (Сергей Есин. Маркиз Астольф де Кюстин. Почта духов, или Россия в 2007 году. Переложение на отечественный Сергея Есина, 2008). В данном контексте представлен персонаж (он же рассказчик), который в воспоминании попадает в новое для себя место и рассказывает о том, что видит. Эмпирическая основа семантики *оказываться* – смыслы ‘субъект появляется в новом месте’ и ‘субъект видит нечто новое’ – скоординирована с репродуктивно-описательной нарративной стратегией, которую можно квалифицировать как ‘рассказ-воспоминание участника ситуации’. В соответствии с этой стратегией рассказчик-наблюдатель сообщает о том, что видит, находясь в режиме актуального настоящего, не совпадающего со временем повествования. Высказывание с предикатом (*Я оказываюсь в довольно просторном зале*) выполняет роль зачина, предваряющего последующий нарратив. Здесь действия участника ситуации (он же рассказчик), которые движут сюжет (*читал, следил*), представляют репродуктивно-повествовательный регистр, а перцептивный план (описываемый имперфективными предикатами в форме настоящего времени – *вижу, рассыпается, замечаешь*) – репродуктивно-описательный регистр.

Установка на то, чтобы заинтересовать читателя резким поворотом сюжетной линии повествования, реализуется с помощью такого приема: персонаж теряет на время связь с «реальностью», погружается в воспоминания

и поэтому неожиданно для себя попадает в незнакомое ему место. Часто персонаж не знает, не может объяснить, почему и как *он оказался в новом месте*. Контексты такого типа содержат типовой распространитель – *не знаю, каким образом.* Этот распространитель актуализирует смысл ‘удивительность / неожиданность для субъекта факта своего появления в том или ином месте’. Предикат *оказываться* обозначает ‘переход в иное пространство, констатацию этого факта рассказчиком и его необъяснимость с позиции здравого смысла’. Ср. (2): «*Чтобы духу твоего не было! Он медленно влезает на стул, как будто и не слышит моих слов. — Тогда я снимаю оборудование и ухожу.* ***Не знаю, каким образом, но я вновь оказываюсь прямо перед “обидчиком”****, как некогда оказывалась визави Сергея, и смачно шлепаю парня по холодной щеке со всего маху сначала левой рукой, а потом правой: — Маму обижать! Потому что у нее защиты нет! Он сглатывает, отворачивается».* (Нина Щербак. Роман с филфаком //«Звезда», 2010). Таким образом, значение *оказываться,* репрезентированное формами настоящего времени в Я-контексте, можно истолковать следующим образом: ‘я нахожусь в новом месте’, ‘в этой позиции я вижу нечто’, ‘я последовательно описываю это’. Рассмотренный контекст репродуктивного регистра имплицирует три позиции субъекта – субъект перемещения в пространстве (**КТО** *оказывается* ГДЕ), субъект-наблюдатель и субъект речи. В контексте исследования важно, что все три позиции субъекта совпадают в рассказчике, а когнитивное значение предиката скоординировано с позицией субъекта-наблюдателя и репродуктивно-описательной нарративной стратегией.

1.2. Субъектная структура «ТЫ»- и «ОН»-контекста художественного дискурса организована сложнее: нарративная стратегия моделирует внешнюю позицию субъекта-наблюдателя по отношению к сообщаемому (**КТО *оказывается* ГДЕ**). В таком контексте три позиции субъекта противопоставлены друг другу. Рассмотрим субъектную структуру следующего диалогического контекста, ср. (3): «*Когда ты снимаешься в фильмах по классическим произведениям, у тебя нет таких возможностей. — В каких сценах режиссёр просил вас идти дальше? — Например, в сцене в лесу. Я не знаю, как её смонтировали, я ещё не видела окончательный монтажный вариант, но по идее вы должны видеть их в машине, а потом* ***они выходят из неё и оказываются в лесу»***. (Кейт Уинслет: «Наше прошлое должно быть с нами» // «Экран и сцена», 2004.05.06). Нарративная стратегия рассказчика (*Я еще не видела*) моделирует восприятие зрителем (*вы должны видеть их в машине*) перемещения персонажей в пространстве (*они выходят из нее и оказываются в лесу)*. В этом контексте эксплицитно представлены три субъекта: первый субъект – ‘перемещения в пространстве и появления в новом месте’ (**они**); второй субъект – ‘восприятия’ (**вы**); третий субъект – ‘речи’ (**я**). Формы настоящего времени имперфективных глаголов (*выходят, оказываются в лесу*) изображают действия в их конкретно-временной длительности и пространственной отнесенности к субъекту восприятия.

Нарративный «ОН»-контекст репродуктивного регистра строится в соответствии со следующей логикой: субъект-наблюдатель (нарратор или персонаж) мысленно помещает себя в локус описываемых картин и событий, восстанавливаемых памятью либо рисуемых воображением. Субъект-наблюдатель находится «там», где

происходит описываемое событие, и воспроизводит то, что видит. В художественном контексте позицию субъекта-наблюдателя может занимать либо нарратор, либо персонаж, либо нарратор и персонаж вместе. Ср. первый случай – ‘нарратор наблюдает за происходящим и рассказывает о нем’ (4): «*Проводим Елену Николаевну? И в этот момент Антон неожиданно поднимается с места. Капитан пытается натянуть поводок, но явно не успевает.* ***Пёс одним прыжком оказывается рядом с Антоном.*** *Ошейник душит его, он страшно хрипит, а большие белые клыки судорожно хватают воздух. Ему не достаёт буквально десяти сантиметров».* (Андрей Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью, 2001). Субъект восприятия в данном контексте неоднозначен, поскольку взгляд наблюдателя фокусируется на разных участниках ситуации. В зависимости от того, с кем «сливается» нарратор, меняется фокус восприятия, что «квантирует» сообщение. Так, квант сообщения – *Ошейник душит его, он страшно хрипит* – связан с персонажем (капитан), который видит собаку сзади; квант – *большие белые клыки судорожно хватают воздух* – с другим персонажем, который видит собаку спереди (Антон); квант *Ему не достаёт буквально десяти сантиметров* – с наблюдателем-нарратором, который хладнокровно оценивает ситуацию со стороны. Имперфективные глаголы в настоящем времени (*поднимается, пытается, не успевает, оказывается, душит, хрипит*) наглядно воспроизводят наблюдаемые действия. Время изображаемых действий совпадает со временем их восприятия, поскольку нарратор то сливается с участниками, то занимает отдельную от них позицию. В результате возникает эффект – ‘*нарратор видит пса: пес одним прыжком оказывается рядом с Антоном*’.

Субъектная структура этого «ОН»-контекста организована следующим образом: позицию первого субъекта (перемещения в пространстве) занимает персонаж – пес; второго субъекта (восприятия) – нарратор и персонажи (Антон + капитан); третьего субъекта (речи) – тот же нарратор.

Следующий контекст построен по правилу – ‘нарратор рассказывает о том, что видит персонаж’, ср. (5): «*Кянукук оглянулся, посмотрел, как идет художник, ему показалось, что художник не идет, не движется сам по себе, а просто* ***каждое мгновение оказывается в другом месте»*** (В. Аксенов). Действия персонажа описываются глаголами в прошедшем времени (*Кянукук оглянулся*, *посмотрел…; ему показалось*), а то, что он видит, описывается глаголами в настоящем времени (*художник не идет, не движется…*, *каждое мгновение оказывается в другом месте*). Смена временного регистра повествования обусловлена семантикой предиката *оказываться*, предполагающего актуальное восприятие, задающее в данном случае смену субъекта. «ОН»-контекст репродуктивного регистра с предикатом (**КТО *оказывается* ГДЕ**) имплицирует три позиции субъекта: первый субъект (перемещения в пространстве) – персонаж-художник; второй субъект (восприятия) – персонаж Кянук; третий субъект (речи) – нарратор.

В следующем контексте представлен всезнающий нарратор, который, во-первых, сам ведет наблюдение за персонажем – ***она оказывается вровень с балконом***, а во-вторых, сообщает о том, что видит персонаж, ср. (6): «*Ей хочется разглядеть, кто же там стоит, и* ***она оказывается вровень с балконом****, и даже чуть выше балюстрады, и видит, что там, на раскладушке, лежит её дед, очень старый, с не совсем живым лицом, рядом с*

ним — бабушка Евгения Фёдоровна, Василиса, мама, отец, молодые братья, и все её ждут, чтобы сообщить что-то важное и радостное». (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000). Нарратор наблюдает за персонажем (*она*), а персонаж (*она*) видит изображаемых других персонажей – деда, бабушку, маму, отца, братьев. Нарративная стратегия строится следующим образом: ‘во взгляд нарратора инкорпорирован взгляд персонажа’. Репродуктивно-повествовательная нарративная стратегия изображает сменяющие друг друга события возможного мира так, как будто бы они проплывают перед зрителем на экране. В данном случае такой эффект свидетельствует об иконичности повествования, поскольку действие происходит в сновидческой реальности. Ср. со следующим фрагментом, описывающим «физическую» реальность фикционального мира (7): «*Ирина брала журнал и шла на урок. Она двигалась как лунатик, глядя в никуда и туманно улыбаясь. Кямал хватал плащ, выбегал на улицу, запрыгивал в троллейбус.* ***Через двадцать минут он оказывался возле школы****. Садился на скамейку и поднимал лицо, наводил взгляд на уровень второго этажа. Ирина подходила к окну. Видела Кямала и наводила свой взгляд на уровень его глаз».* (Токарева Виктория. Своя правда //«Новый Мир», 2002). Эффект визуализации повествования достигается сложной субъектной структурой контекста: нарратор сопровождает своих персонажей, наблюдает за их перемещением (*Ирины и Кямала*) и подробно описывает их поведение.

Нарративную стратегию – репродуктивно-повествовательную – можно сравнить с работой кинооператора, стремящегося запечатлеть изображаемое с разных точек зрения: «изнутри» сознания персонажа

Ирины (*Видела Кямала и наводила свой взгляд на уровень его глаз*) и с точки зрения нарратора – стороннего наблюдателя, описывающего ситуацию «извне», с более высокой точки обзора (*Ирина брала журнал и шла … Кямал хватал плащ, выбегал на улицу…*).

В рассмотренных контекстах репродуктивно-описательной нарративной стратегии встретились формы настоящего времени имперфективного предиката *оказываться*, а в контекстах репродуктивно-повествовательной – прошедшего времени. Форма настоящего времени глагольного слова обозначает не реальный момент речи, а представления рассказчика / нарратора о соотношении времени события и времени его восприятия субъектом-наблюдателем, позиция которого заполняется персонажем, или рассказчиком, или нарратором.

Далее рассмотрим анализируемое значение глагольного предиката в контекстах информативного регистра (2) – информативно-повествовательной и информативно-описательной стратегии.

2.1. Я-контекст информативного регистра. Как уже отмечалось, контекст информативного регистра связан не со сферой наблюдения, а со сферой знания, что отражается в субъектной структуре нарратива. Ср. (8): «*Всё, что она говорила, я давно приспособился пропускать мимо ушей, поэтому не испытывал никаких неприятных ощущений, если не считать той кратковременной головной боли, что исчезала,* ***как только я снова оказывался на улице.*** *– Николай Васильевич! – завопила она, упирая руки в необъятные бока и счастливо похохатывая. – Вы ли это! Я к вам уже так привыкла!»* (Андрей Волос. Недвижимость //«Новый Мир», 2001). «Я»-контекст информативного регистра (8; 9), в отличие от «Я»-

контекста репродуктивного регистра (1; 2), не имплицирует позицию субъекта-наблюдателя, и это проецируется в значении глагольного предиката. Глагольный предикат оформляет суждение об ‘условии/времени исчезновения (*как только я снова оказывался на улице*) головной боли рассказчика’. Как видим, сообщение рассказчика носит информирующий характер, коммуникативная цель информативно-повествовательной стратегии состоит в суммировании узуальных, повторяющихся событий в отвлечении от их конкретно-временной длительности. Ср. также (9): «*Снова испытываете потребность в близости к почве? – Именно так. Да, чувствую, что надо встряхнуться.* ***Я*** *говорил вам, что* ***оживаю, когда оказываюсь средь тех,*** *кто ждет меня с распахнутым сердцем. – И все же соблюдайте дистанцию, – задумчиво посоветовал Лецкий. – Так надо. Берегите свой нимб»*. (Леонид Зорин. Глас народа // «Знамя», 2008). Настоящее время имперфективных глаголов – *оживаю, когда* ***оказываюсь*** – фиксирует постоянное отношение логического условия / времени и следствия, с точки зрения рассказчика. Рассказчик сообщает об изменении своего психологического состояния, которое всегда происходит в связи со сменой среды, окружения, места пребывания.

2.2. В субъектной структуре «ОН»-контекста информативного регистра имплицируются позиции субъекта-носителя знания и субъекта речи. Эти позиции в художественном «ОН»-контексте заполняются нарратором: именно нарратор – носитель информации о событиях возможного мира. Когнитивная семантика предиката *оказываться* взаимодействует с субъектной структурой контекста. Так, настоящее время имперфективного предиката *оказываться* в контекстах

информативного регистра обозначает повторяющееся, регулярное действие, происходящее с персонажем в описываемом мире. Ср. (10): «*Фрау Урф, как правило, всегда принимает у себя русскую профессуру,* ***когда та оказывается в Марбурге»***. (Сергей Есин. Марбург, 2005). Значение предиката (**КТО *оказывается* ГДЕ)** в контексте информативно-описательной нарративной стратегии связано с сообщением о некотором закономерном, с точки зрения нарратора, поступке персонажа, ср. (11): *В такой вот примерно день – а дни схожи –* ***Стрепетов оказывается у Алевтины****; он именно оказывается, он даже не успевает подумать: зайду, мол, на минутку и погляжу, как там они, и, может быть, кофе выпью – даже скромной и загодя капитулянтской этой мысли не успело возникнуть.* (Владимир Маканин. Отдушина, 1977). Коммуникативная цель сообщения – проинформировать читателя о появлении персонажа в том месте, о котором идет речь, актуализировать смысл ‘неожиданно для себя, вопреки желанию, случайно, не осознавая до конца причины своего прихода’. Контекст с предикатом вводит информацию о новом месте, в котором произойдет важное в сюжетной линии повествования событие.

Анализ дискурсивного материала Национального корпуса русского языка показывает, что в построении информативно-повествовательной нарративной стратегии сообщение с глагольным предикатом **(Кто *оказывается* ГДЕ)** играет разные роли:

метатекстовую – в качестве пролога к воспоминанию о прошлом – реальном или воображаемом, ср. (12): «*И совершенно случайно, спустя много лет,* ***он оказывается в том городе****, в котором жил когда-то».* (Татьяна Тронина. Русалка для интимных встреч, 2004); зачина повествования о моделируемом событии

возможного мира, ср. (13): «*Всё будет построено на импровизации, как у Антониони.* ***Царь Петр оказывается в современном Ленинграде.*** *Всё ему здесь отвратительно и чуждо».* (Сергей Довлатов. Чемодан, 1986);

семантическую – в качестве локативной характеристики персонажа, ср. (14): «***Инка оказывается в самой давке****, по соседству теснятся по пять-шесть возбужденных после работы, счастливых на вид людей».* (Улья Нова. Инка, 2004); вывода нарратора, базирующегося на анализе причинно-следственных связей между описываемыми событиями, ср. (15): *«На пути к тротуару и к зрелищу один из бегущих, не глядя, или плохо глядя, или просто в малой панике,* ***оказывается под самым носом Стрепетова —*** *Стрепетов тормозит, но всё же задевает».* (Владимир Маканин. Отдушина, 1977); обобщения опыта типичных жизненных ситуаций рассказчика, ср. (16): *«Тот, кто ищет удачи, мечется по городу и* ***оказывается в сетях****, а я иду себе по своим делам, никем не пойман и всем доволен».* (Улья Нова. Инка, 2004).

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы.

1. Коммуникативный регистр организован как когнитивный гештальт-сценарий, центром которого выступает ‘субъект когнитивной деятельности’. Репродуктивный коммуникативный регистр имплицирует позицию субъекта-наблюдателя, а информативный – субъекта-носителя знания. Каждая позиция проецируется в нарративную стратегию.

2. Семантика глагольного предиката (**КТО *оказывается* ГДЕ**) подчинена коммуникативной логике ‘субъекта когнитивной деятельности’, скоординирована с коммуникативным регистром – репродуктивным или

информативными – и нарративной стратегией. Когнитивная семантика предиката взаимодействует с субъектной структурой контекста – репродуктивного или информативного регистра.

3. В контексте репродуктивного регистра представлены три позиции субъекта – субъект-наблюдатель, субъект речи и субъект перемещения в пространстве (**КТО *оказывается* ГДЕ**). Картинность изображаемого достигается подвижностью точки отсчета времени, которая перемещается по воле субъекта-наблюдателя, занимающего различные позиции в фикциональном мире.

4. В субъектной структуре контекста информативного регистра имплицируется позиция субъекта-носителя знания, обладающего полной информацией о событии. Информативная нарративная стратегия связана с ментальным способом познания и квалификации явлений, а также обоснованием логических условий совершения события возможного мира.

5. В соответствии с коммуникативной логикой информативного регистра, когнитивные основы которого связаны с восприятием как эмпирической основой знания субъекта, репродуктивное значение предиката трансформируется в фактологическое. В контексте информативной нарративной стратегии настоящее время имперфективного предиката *оказываться* отражает знания субъекта либо о закономерном, повторяющемся, регулярном действии и его условии, времени, причине, либо о единичном, конкретном действии-перемещении в пространстве, которое служит поворотом в сюжетном ряду произведения.

Литература

1. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова [под общей ред. доктора филол. наук Г. А. Золотовой]. М., 2004. – 544 с.

2. Чернцова Е. В. Когнитивная семантика предикатов *оказаться, оказываться* в дискурсивном режиме интерпретации / Е. В. Чернцова // Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства. № 20. Одеса: Астропринт, 2014. – С. 200–205.

МАРКЕРЫ ДИРЕКТИВНОГО РЕЧЕВОГО АКТА В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Горегляд Елена Николаевна
кандидат филологических наук, доцент
(Витебск, Республика Беларусь)

Аннотация. В статье рассматриваются способы вербального маркирования директивного речевого акта посредством компонентов лексико-семантической группы глаголов речи русского и белорусского языков. Разновидности директивного речевого акта дифференцированы в зависимости от характера и степени воздействия на собеседника. Анализ произведен на основании лексикографического материала.

Ключевые слова: *речь, директив, императивность, побуждение, глагол, лексико-семантическая группа.*

MARK-VERBS OF A DIRECTIVE SPEECH ACT IN THE RUSSIAN AND BELARUSIAN LANGUAGES.

Abstract. The article considers the ways of verbal marking of a directive speech act by means of lexico-semantic components of speech verbs in the Russian and Belarusian languages. Varieties of directive speech act is differentiated depending on the nature and extent of the impact on the interlocutor. The analysis was made on the basis of lexicographic material.

Key words: *speech, directive, imperativeness, inducement, verb, lexico-semantic group.*

В современной лингвистической прагматике под речевым актом понимают «*целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе*» [6, 412]. В классификации Джона Серля [8] различаются следующие основные группы РА: репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларации (у Дж.Остина экзерситивы и вердиктивы). Основными чертами РА являются интенциональность (намеренность), целеустремленность и конвенциональность (обусловленность). По Дж.Остину, *сказать* значит осуществить довольно сложную процедуру, так как РА есть единство трех актов: фонетического (произнесение определенных звуков), фатического (произнесение звуковых сочетаний, свойственных данному языку и построенных в соответствии с правилами грамматики этого языка) и ретического (наделение этого высказывания определенным смыслом) [7]. Кроме того, речению нужно придать целенаправленность, превращающую его в иллокутивный акт, т.е. выразить коммуникативную цель в ходе произнесения самого высказывания. Дж.Серль выделяет в РА акт произнесения, пропозициональный акт, осуществляющий референцию и предикацию, и иллокутивный акт, реализующий установку говорящего [8].

«Практически в любом речевом действии мы сталкиваемся с воздействием, даже если сообщаем о чем-то или выражаем эмоции» [3, 49]. Выражением волеизъявления говорящего, направленного на каузацию

деятельности адресата, является директивный РА [5, 467-468]. Директивы – это императивные речевые акты. Осуществляя их, говорящий практически побуждает (заставляет, вынуждает) адресата к совершению (или несовершению) чего-л. Е.И. Беляева определяет директивную интенцию как *«стремление одного из коммуникантов оказать на собеседника, адресата такое воздействие, которое могло бы побудить последнего совершить определенные действия, исполнения которого первый из коммуникантов, отправитель желает по тем или иным причинам»* [2, 10]. Специфика директивов заключается в том, что они обязывают собеседника принять во внимание желания или потребности говорящего [4], т.е. акцент в речевой ситуации перенесен на адресата. Автор речи вмешивается в сферу собеседника, предопределяя его действия. Типичные прагматические клише лежат в границах между *я приказываю, я требую, я настаиваю,* с одной стороны, и *я прошу, я умоляю, я заклинаю*, с другой.

Побуждение может осуществляться различными способами: при помощи невербальных средств (жестов, мимики), посредством применения физической силы, а также с помощью речи. В языке категория императивности обозначается лексически, морфологически и интонационно (интонационно-синтаксически). В системе лексических средств, реализующих императивность, ведущую роль играют составляющие лексико-семантической группы глаголов речи (verba dicendi). Её формируют лексемы, обладающие интегральным признаком «владеть, пользоваться устной речью» и выполняющие следующие основные функции: непосредственное обозначение процесса речи или материальное выражение мысли автора речи, эксплицитное выражение эмоционально-

экспрессивных оттенков процесса говорения (при помощи компонентов внешней дистрибуции глаголов), имплицитное выражение эмоционально-экспрессивных оттенков процесса говорения.

Глаголы речи маркируют несколько разновидностей директивных речевых актов, дифференцируемых в зависимости от характера и степени воздействия на собеседника. В русском и белорусском языках опорной лексемой в группе глаголов с императивной семантикой является глагол *побуждать / пабуджаць* (дифференциация лексем в статье основывается на словарных дефинициях [9; 10]). Он заключает в себе общее значение побуждения, воздействия на собеседника или слушающего и не содержит указания на какое-л. средство, при помощи которого осуществляется такое воздействие. Вслед за В.И.Карасиком мы различаем категоричные и некатегоричные ДРА. В первую группу включаются ДРА приказа, предупреждения, запрещения и принуждения, во вторую – совета, просьбы, предложения, разрешения и убеждения.

1. **Приказ.** Для такого РА обязательна определенная речевая ситуация: приказ может отдать только тот, кто наделен специальными полномочиями. Глагольный синонимический ряд конструируется на основе лексического значения глагола *приказывать / загадваць* – «обязывать кого-л. выполнить определенное действие (посредством письменной или устной речи)». Конкретное действие обозначается постпозитивным инфинитивом в функции дополнения: *командир приказал прекратить огонь / камандзір загадаў спыніць агонь.*

Действие-приказ может осуществляться с различной степенью категоричности. Бóльшая интенсивность действия свойственна глаголам *приказывать – командовать – распоряжаться – велеть / загадваць – камандаваць – распараджацца,* а также глагольным перифразам *отдать приказ (распоряжение, команду) / аддаць загад (распараджэнне, каманду)*. Из всех названных лексем наиболее употребимы *распоряжаться / распараджацца* и *приказывать / загадваць*. Перифразы свойственны официально-деловой речи.

Меньшая степень категоричности заключается в компонентах синонимического ряда *поручать – обязывать – наказывать – давать задание / даручаць – наказываць – абавязываць – даваць заданне*, а также в устойчивом сочетании *вменять в обязанность / ставіць у абавязак*. Названные глаголы не обозначают непосредственного приказания, а объединяются значением «возлагать на кого-л. осуществление какого-л. действия». В группу глаголов речи, маркирующих ДРА приказа, мы включаем также лексему *предписывать / прапісваць*, обозначающую передачу распоряжения в письменной форме, и стилистически маркированный русский глагол *повелевать* (кн. и высок.).

2. **Предупреждение и запрещение.** В лингвистической литературе глаголы, маркирующие речевые акты предупреждения и запрещения, получили соответственно наименование превентивов и прохибитивов. Функционально глагол-превентив коррелирует с высказыванием и является перформативной лексической единицей. Отметим, что превентивная семантика определяется в ряде случаев контекстом.

Значение «побудить не делать чего-л.» свойственно глагольному синонимическому ряду *предупредить – предостеречь / папярэдзіць – перасцерагчы,* а также выходящим из употребления русским глаголам *предуведомить* и *предварить*. Базовая лексема *предупредить / папярэдзіць* имеет еще одно речевое значение – «заранее поставить в известность о чем-л.». В этом случае *предупредить / папярэдзіць* синонимичен глаголам *уведомить–осведомить* / *паведаміць* и не входит в состав приведенного синонимического ряда. С глаголом *предостеречь / перасцерагчы* их объединяет наличие в семантической структуре значения упреждения по отношению к действию, которое может совершить собеседник. Такая же семантика свойственна русским лексемам *предуведомить* (устар.) и *предварить* (устар., кн.), что объясняется наличием в морфемной структуре глаголов префикса *пред- (предо-),* имеющего значение заблаговременности осуществления основного действия: *Меня предуведомили о необходимости встретить делегацию*.

Все компоненты синонимического ряда с доминантой *предупредить / папярэдзіць* (кроме самой доминанты и лексемы *предостеречь / перасцерагчы*) стилистически маркированы, поэтому их употребление в речи ограничено. Перифразу образует только базовый глагол: *сделать предупреждение / зрабіць папярэджанне*.

Глагол *запрещать / забараняць*, как и устаревшие русские лексемы *возбранять*, *воспрещать* и *заказывать,* отождествляется значением «побуждать кого-л. не делать чего-л.». Отличие от названных выше глаголов заключается в том, что в данном случае действие представляется более категоричным, обязывающим собеседника не совершать задуманного. По степени

категоричности отмеченные глаголы близки лексеме *приказывать / загадваць.*

В современных русском и белорусском языках регулярно употребляются глаголы *запрещать / забараняць* и отрицательная форма *не разрешать / не дазваляць*, остальные лексемы ограничены в употреблении. Глагол *воспрещать*, имея оттенок книжности, встречается в официально-деловой речи. Лексемы *возбранять* и *заказывать* со значением запрещения выходят из употребления. Перифразы *наложить запрет* / *накласці забарону* и *не дать разрешения* / *не даць дазволу* чаще характеризуют процесс письменной речи.

3. **Принуждение.** Глагольный синонимический ряд *заставить – вынудить – приневолить* (устар.) / *прымусіць – вымусіць – змусіць – прыняволіць* (устар.) маркирует интенсивный ДРА. Действие, обозначенное этими глаголами, совершается вопреки желанию адресата. Такую семантику наиболее ярко имплицирует устаревший глагол *прыняволіць / приневолить* – «заставить кого-л. сделать что-л. против воли; принудить». Отличительной чертой глаголов данного ряда является обозначение ими процесса устной речи. С другой стороны, глаголы *заставить – вынудить* / *прымусіць – вымусіць – змусіць* и *прыняволиць / приневолить* могут маркировать и факт невербальной коммуникации (мимику, жест, применение силы), но общее значение побуждения посредством принуждения при этом сохраняется. В контексте синонимом глаголов *вынудить* / *вымусіць – змусіць* выступает перифраза *поставить перед необходимостью / паставіць перад неабходнасцю*, а глагол *заставить* / *прымусіць,* хоть и менее регулярно, вступает в синонимические отношения с

лексемой *обязать* / *абавязаць* в значении «сделать обязательным исполнение чего-л.».

4. **Совет.** Если в одних РА выражается автопрескрипция (термин Н.Д.Арутюновой), то в других выявляется собственно прескрипция, рекомендация (каузация решения), которая, в отличие от запрета, дает позитивную инструкцию [1, 233]. Доминантами синонимического ряда глаголов, маркирующих ДРА совета, являются лексемы *советовать / раіць – радзіць*. Компоненты ряда не содержат значения императивности в чистом виде; их семантику можно классифицировать как императивно-экспрессивную. С этой точки зрения в рамках номинации данного РА можно выделить:

а) глаголы речи с позитивной интенцией: *советовать – рекомендовать / раіць – радзіць,* а также перифраза *давать совет / даваць параду* – «давать наставление, указание, предложить, как поступить». Конкретность действия обозначена объектным инфинитивом: *Врач посоветовал мне сменить климат. / Урач параіў мне змяніць клімат.* Эти же глаголы в сочетании с отрицательной частицей *не / не* приобретают оттенок предостережения: *Урач не рэкамендаваў мне гэту працэдуру. / Врач не рекомендовал мне эту процедуру*. Интересно, что и русские, и белорусские глаголы имеют возвратную форму, которая, однако, не обнаруживает императивной семантики: *советоваться – рекомендоваться / раіцца – радзіцца – рэкамендавацца;*

б) глаголы речи с негативной интенцией (и в русском, и белорусском языке их значительно больше) объединяются значением «склонять уговорами к какому-л. поступку (предосудительному, неблаговидному, недозволенному)» и обозначают действие, призванное

воздействовать на ход мыслей реципиента или на характер его чувств. Большинство лексем стилистически окрашены и сходны в морфологическом оформлении: данную подгруппу формируют глаголы с приставкой *под- / пад-*, несколько реже встречается *на- / на-*: *подговаривать – подстрекать – подучивать – подбивать – подзадоривать – подзуживать – подначивать – натравливать – науськивать / падгаворваць – падбухторваць – падвучваць – падбіваць – падахвочваць – пад'юджваць – нацкоўваць.*

5. **Просьба.** Интенциональность желания продуцирует данный РА. Глаголы, маркирующие ДРА акт просьбы, объединяются значением «обращаться к кому-л. с просьбой, побуждая к ее выполнению». В зависимости от характера и формы изложения просьбы формируются три синонимических глагольных ряда:

а) *просить – упрашивать – молить – умолять – заклинать* (перен.) / *прасіць – упрошваць – маліць – умаляць – заклінаць* (перан.) – «просить усиленно, страстно». При этом данные лексемы не всегда взаимозаменяемы в контексте, что обусловлено в первую очередь их семантикой: глагол *заклинать / заклінаць* имеет значение «просить во имя чего-л. высокого», глаголы *молить – умолять / маліць – умаляць* употребляются в значении «просить страстно, зачастую униженно». Все названные глаголы обычно требуют объектного инфинитива: *Мать со слезами молила простить сына. / Маці са слязамі маліла прабачыць сына;*

б) *просить – кланяться* (перен.) – *клянчить* (прост.) – *выпрашивать – попрошайничать* (разг.) – *вымаливать – цыганить* (прост.) – *канючить* (прост.) / *прасіць – кланяцца* (перан.) – *кленчыць* (праст.) – *выпрошваць – папрашайнічаць* (разм.) – *вымольваць – цыганіць* (праст.) – *канькаць* (праст.). Их объединяет значение «побуждать

кого-л. дать, предоставить что-л.». В качестве зависимого компонента при данных глаголах часто выступают существительные со значением «деньги», «вещи». От компонентов предыдущего синонимического ряда их отличает оттенок назойливости, надоедливости, униженности;

в) *просить – требовать – настаивать – наседать* (перен.) / *прасіць – патрабаваць – настойваць – насядаць* (перан.) – «просить выполнить что-л. в настойчивой или категорической форме»: *Адвокат настаивает на изменении меры наказания.* / *Адвакат настойвае на змяненні меры пакарання.* К этому ряду примыкают глаголы *запрашивать – затребовать – востребовать* / *запытваць – запатрабаваць,* принадлежащие официальной речи, и лексема *вымогать* / *вымагаць* (в случае, когда речь идет о деньгах). Такая же семантика свойственна несвободному сочетанию *пристать с ножом к горлу* / *прыстаць з нажом да горла.* Характерно, что возвратная форма *проситься* / *прасіцца* и синонимичный ей глагол *отпрашиваться* / *адпрошвацца* (разг.) обозначают действие, производимое субъектом в своих целях, интересах.

6. **Предложение.** Номинируя РА предложения, адресант побуждает адресата совершить какое-л. действие самостоятельно или совместно с самим адресантом. В рамках ЛСГ глаголов речи действие, к которому побуждается объект, часто связано с передвижением в пространстве, а речевой глагол требует наличия инфинитива со значением передвижения: *Меня просили прийти на собрание.* / *Мяне прасілі прыйсці на сход.*

Глаголы *предлагать – просить – приглашать – звать – вызывать* / *прапаноўваць – запрашаць – прасіць – выклікаць – вызываць* идентифицируются значением

«предлагать кому-л. сделать что-л.». В аналогичном значении, но с большей степенью императивности, употребляются глаголы *требовать – вызывать – призывать / патрабаваць – выклікаць – вызываць – прызываць*. Их семантика характеризуется наличием оттенка официальности. Все названные глаголы могут обозначать процесс как устной, так и письменной речи.

Разветвленной системой значений обладает русский глагол *звать*. Кроме обозначенной выше, *звать* имеет еще одну императивную сему – «побуждать посредством речи (или жестов, мимики) к осуществлению движения или к его прекращению». В белорусском языке аналогичное значение выявляет глагол *гукаць*. В этом случае образуется синонимический ряд *подзывать – сзывать (созывать) – скликать – окликать / падзываць – склікаць – ззываць – аклікаць*. Действие глаголов *подзывать / падзываць* и *окликать / аклікаць* может быть направлено как на одно лицо, так и на ряд лиц. Глаголы *сзывать (созывать) – скликать / ззываць – склікаць* имеют значение «звать многих»: *сзывать друзей на праздник / ззываць сяброў на свята*.

7. **Разрешение.** Синонимическая группа с доминантой *разрешать / дазваляць* обладает антонимичным значением по отношению к синонимическому ряду с опорным словом *запрещать / забараняць*. Семантика побуждения заложена в структуре всех глаголов ряда со значением разрешения: *разрешать – позволять – поощрять – допускать – санкционировать – дозволять* (устар.) / *дазваляць – заахвочваць – дапускаць – санкцыяніраваць*. Различие между компонентами проявляется в мере выражения императивности. Побуждение в большей степени, чем остальные лексемы,

содержит глагол *поощрять / заахвочваць*. В его семантической структуре присутствует неречевое значение: *поощрять / заахвочваць* можно наградой, жестом, взглядом. В данный ряд эта лексема включается благодаря способности выражать значение «побуждать кого-л. к чему-л., содействовать чему-л. посредством речи». В этом значении *поощрять / заахвочваць* синонимичен лексемам *одобрять / ухваляць–адабраць* и *благословлять* (разг.) / *благаслаўляць*. В контексте *поощрять / заахвочваць* может приобретать значение глагола *подталкивать / падштурхваць*, что сближает данную лексему с компонентами синонимического ряда глаголов со значением убеждения.

Двойственная семантика свойственна глаголу *допускать / дапускаць* – «предполагать, считать возможным что-л.». В форме 1-го лица мн. ч. буд. вр. сов. вида (*допустим / дапусцім*) глагол выявляет исключительно значение предположения и выполняет в предложении функцию вводного слова. Значительно реже *допускать / дапускаць* выявляет значение «разрешать», при этом степень императивности близка к нулю. Однако она увеличивается при употреблении отрицательной конструкции *не допускать / не дапускаць*, имеющей значение запрещения.

Ограничены в употреблении глаголы *дозволять* и *санкционировать / санкцыяніраваць*. Первый является устаревшим, встречается в художественной литературе и почти не используется в разговорной речи. Второй обладает оттенком книжности, а также является привилегией профессионального языка юристов. Употребление глагола *санкционировать / санкцыяніраваць*

связано с процессом письменной речи. Семантика побуждения к совершению чего-л. сохраняется в перифразах *давать разрешение – давать позволение / даваць дазвол*.

Формы повелительного наклонения глаголов *разрешать – позволять / дазваляць* употребляются для выражения вежливого обращения при намерении сделать что-л.: *разрешите – позвольте / дазвольце*. В их синтагме подразумевается (или присутствует) местоимение 1-го лица ед. или мн. ч. в Д.п. (*мне / мне* или *нам / нам*), а основная семантическая нагрузка перемещается на инфинитив: *разрешите сказать / дазвольце сказаць*. Значение побуждения к совершению действия сохраняется в специфической форме: субъект речи побуждает участника речевой ситуации дать согласие на совершение чего-л. самим субъектом. При этом возникает двойное побуждение в рамках одной синтаксической единицы: побуждение-просьба и побуждение-разрешение (или побуждение-запрещение).

8. **Убеждение.** Так в философии номинируется процесс, посредством которого взгляды и поведение человека без принуждения подвергаются словесному воздействию других людей. Это способ влияния на разум, эмоции и волю индивида для того, чтобы сформировать у него желаемые качества [11]. Значение «побуждать кого-л. сделать что-л. посредством доводов, убеждений» в рамках ЛСГ глаголов речи формирует синонимический ряд с доминантой *убеждать / пераконваць*. Специфической чертой всех составляющих ряда является обозначение процесса устной речи: *убеждать – склонять – уговаривать – увещевать – уламывать* (разг.) – *обламывать* (перен., прост.) / *пераконваць – схіляць –*

угаворваць – уломліваць (разм.) – *абломліваць* (перан., праст.).

В русском языке глаголы *уговаривать* и *увещевать* близки по семантике к *советовать* и могут отождествляться значением «советовать согласиться». Однако они не всегда взаимозаменяемы в контексте, что обусловлено наличием в семантической структуре глагола *увещевать* значения «стараться образумить»: *увещевать одуматься.*

Значение «убеждать согласиться» выявляет переносное употребление глагола *склонять / схіляць*. Если *уговаривать / угаворваць* и *увещевать* сочетаются с инфинитивом, то *склонять / схіляць* требует зависимого существительного со значением объекта действия*: склонять противника на уступки / схіляць праціўніка да уступак*. Бóльшая степень интенсивности действия характерна глаголам *уламывать* (разг.) / *уломліваць* и *обламывать* (перен., прост.) / *абломліваць*. Они отождествляются значением «склонять кого-л. к чему-л. с трудом, преодолевая сопротивление». В художественной литературе в значении «склонить к чему-л., уговорить на что-л.» употребляется глагол *соглашать / пагаджаць*. Он является в обоих языках устаревшим и в живой речи не встречается.

Кроме названных выше лексем, побуждение посредством убеждения может выражаться глаголами, приобретающими речевое значение только в контексте. Это глаголы типа *подтолкнуть* (разг.) / *падштурхнуць* и устаревший русский глагол *подвигнуть*.

Директивная семантика свойственна глагольному синонимическому ряду *упросить – умолить – умаслить* (перен., разг.) / *упрасіць – умаліць – улагодзіць* (перан.,

разм.). Значение убеждения в них сочетается с оттенком просьбы: наблюдается близость к значению глагола *склонить / схіліць*: *Чтобы поднять престиж конференции, упросили выступить некоторых знаменитостей. / Каб падняць прэстыж канферэнцыі, упрасілі выступіць некаторых знакамітасцей.* Значение убеждения свойственно глаголам-синонимам *уверять – внушать – заверять – доказывать / запэўніваць – упэўніваць – даказваць*. Однако семантика побуждения к совершению действия проявляется в них значительно слабее. В речи они употребляются с целью воздействия на мышление реципиента.

Все значения глаголов говорения, маркирующих выявленные нами разновидности директивного речевого акта, покрываются значением глагола *побуждать / пабуджаць* – «воздействовать на собеседника». Большинство глаголов образуют деривационные ряды. Не склонны к образованию дериватов глаголы, маркирующие речевые акты побуждения и принуждения (за исключением единичных лексем). Отметим также, что ДРА может быть маркирован фразеологическими сочетаниями, например: *схватить за горло / схапіць за глотку, наступить на горло / наступіць на горла, взять за жабры (прост.) / узяць за жабры, ставить в обязанность / ставіць у абавязак.*

Как отмечалось выше, глаголы, маркирующие отдельные разновидности директивов, могут обозначать как речевое, так и неречевое действие: так, принуждать можно и действием, и словом. Поэтому в ряде случаев правильнее говорить о речеповеденческих директивных актах [1]. Директивы перформативны, т.е. это высказывания, эквивалентные поступку, действию (хотя согласно так называемой перформативной теории

Дж. Росса, в глубинной структуре любого повествовательного предложения содержится перформативная формула «Я говорю тебе, что…»). Соответствующее перформативу действие осуществляется самим речевым актом, и в этом смысле перформативы автореферентны. Обязательными условиями для соблюдения успешного ДРА являются единство коммуникантов во взгляде на социальные роли друг друга, на уровень конвенциональности ситуации, а также способность говорящего представить себе возможности адресата и способность адресата осознать мотивы говорящего.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
2. Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: Английский язык. Воронеж, 1992.
3. Карасик В.И. Языковый круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.
4. Клюев Е.В. Речевая коммуникация. М., 1998.
5. Кулькова М.А. Народные приметы через призму теории речевых актов / М.А. Кулькова // Предложение и слово: парадигматический, коммуникативный и методический аспекты: Третья международная научная конференция. – Саратов, 2006.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.И.Ярцевой. М., 1990.
7. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986.
8. Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986.
9. Словарь русского языка (в 4-х томах). М., 1985–1988.
10. Тлумачальны слоунік беларускай мовы (у 5-ці тамах, 6-ці кнігах). Мн., 1977–1984.

11. Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост.Е.Ф.Губский и др. М., 2003.

СЛОЖНОЕ БЕССОЮЗНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ЕДИНИЦА СИНТАКСИСА

Тудосе Вера Ивановна,
доктор педагогики, конференциар
(Кишинев, Республика Молдова)

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы становления учения о сложном бессоюзном предложении, даётся описание этой единицы синтаксиса с точки зрения современного её восприятия как особого вида сложного предложения в современном русском языке.

Ключевые слова: *теория синтаксиса, сложное бессоюзное предложение, открытые и закрытые структуры, структурно-семантическая характеристика СБП.*

COMPLEX ASYNDETIC SENTENCE AS A UNIT OF SYNTAX

Abstract. This article discusses some issues of formation of the doctrine of the complex asyndetic sentence and describes this unit of syntax from the modern standpoint of perception it as a special type of complex sentence in modern Russian.

Key words*: theory of syntax, complex asyndetic sentence, open and closed structures, structural and semantic characteristics of the CAS.*

PROPOZIŢIA DEZVOLTATĂ FĂRĂ CONJUCŢIE ÎN CALITATE DE UNITATE A SITAXSEI

Adnotare. În articol sînt abordate unele aspecte legate de evoluţia teoriei privind propoziţia dezvoltată fără conjucţie, este descrisă această unitate al sintaxei din punctul de vedere al precepţiei contemporane a propoziţie dezvoltate în calitate de gen deosebit în limba rusă contemporană.

Cuvinte cheie: teoria sintaxei, propoziţie dezvoltată fără conjucţie, structuri închise şi deschise, caracteristica structural semantică PDC.

В теории синтаксиса учение о бессоюзном сложном предложении за недолгий период своего развития обогатилось многими лексико-грамматическими идеями. Определённый вклад в развитие учения о сложном бессоюзном предложении внесли А.М. Пешковский (1938), Н.С. Поспелов (1950), С.Г. Ильенко (1961), М.Ф. Алексеенко (1973), В.В. Казмин (1979), Е.Н. Ширяев (1986), Д.И. Изаренков (1990), И.А. Шаркова (2000), Е.Л. Марченко (2003) и другие ученые-синтаксисты.

Тем не менее, сложное бессоюзное предложение (СБП) представляет собой единицу синтаксической системы, которая описана в научной грамматике в недостаточной степени. На наш взгляд, это объясняется тем, что внимание большинства учёных было сконцентрировано на изучении фактов кодифицированного русского языка, который отождествлялся с литературным языком. Так как считалось, что сферой бытования сложного бессоюзного предложения является преимущественно разговорная речь, описание этой единицы синтаксиса началось значительно позже.

По нашим наблюдениям, в письменном литературном языке в основном употребляются сложносочинённые и сложноподчинённые предложения, в научной и деловой речи бессоюзные предложения практически не употребляются. Более широко сложные бессоюзные предложения представлены в художественной литературе, а также в публицистических произведениях с установкой на разговорную речь. Широко и своеобразно используются сложные бессоюзные предложения в

стихотворных произведениях.

Если говорить о сложном бессоюзном предложении как об особой единице синтаксиса, то можно привести слова М.В. Ломоносова о том, что уменьшение числа союзов делает речь «важнее и великолепнее»: *«Союзы не что иное суть, как средства, которыми идеи соединяются; подобны они гвоздям или клею, которыми части какой махины сплочены или склеены бывают. И как те махины, в которых меньше клею и гвоздей видно, весьма лучший вид имеют, ... так и слово важнее и великолепнее бывает, чем в нем союзов меньше»* [3, 376-377].

Типология сложного бессоюзного предложения

Ученые-лингвисты по-разному подходят к классификации сложных бессоюзных предложений. Так, например, Н.С.Поспелов в основу деления бессоюзных предложений положил последовательно проводимый семантический критерий. Среди бессоюзных предложений он выделяет следующие типы: 1) предложения однородного состава, части которых однотипны в смысловом отношении и одинаково относятся к образуемому ими целому; 2) предложения неоднородного состава, части которых разнотипны в смысловом отношении и являются разными сторонами образуемого ими целого [4, 343]. П.А. Лекант типы бессоюзных сложных предложений называет равнозначными (аналогичными) и неравнозначными (неаналогичными) [6, 528]. Внутри этих типов выделяются частные разновидности – также по характеру смысловых отношений между частями. Предложения однородного состава (равнозначные) делятся на предложения со значением перечисления и предложения со значением

сопоставления. Среди предложений неоднородного состава (неравнозначных) различаются предложения со значениями обусловленности, причинно-следственным, изъяснительным, пояснительным и присоединительным. П.А. Лекант сложные бессоюзные предложения с присоединительной семантикой относит к особому виду конструкций, так как для них характерна добавочность, а части предложения автономны, имеют относительно завершенную семантику и структуру. В системе сложных бессоюзных предложений этот вид конструкций занимает особое место – промежуточное между равнозначными и неравнозначными. Как правило, они не допускают «вставку» ни сочинительного, ни подчинительного союза [6, 530].

Н.С. Валгина также делит бессоюзные сложные предложения на предложения однородного состава (с отношениями противопоставления, перечисления и времени) и неоднородного состава (с отношениями объектными, определительными, причинно-следственными, условно-следственными). Здесь обращается внимание на то, что между бессоюзными сложными предложениями таких типов имеются переходные случаи, сочетающие в себе элементы смыслового и структурного подчинения. Возможность переходности объясняется тем, что бессоюзные сложные предложения, лишенные таких четких грамматических показателей, какими являются союзы и относительные слова, менее поддаются определенной классификации. Подразделение их на отдельные типы основано на сходстве выражаемых ими смысловых отношений с теми отношениями, которые существуют в сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях. Смысловые различия тесно связаны с различными типами интонации, которая

служит важной формальной стороной разграничения отдельных типов бессоюзных сложных предложений. К переходным Н.С. Валгина относит конструкции с пояснительными, присоединительными и противительно-уступительными семантико-синтаксическими отношениями [1, 473-476].

Н.А. Николина [8, 579-584] также выделяет бессоюзные сложные предложения однородного и неоднородного состава. Однако предложения неоднородного состава она, как и Е.Н. Ширяев, делит на предложения с дифференцированными и недифференцированными отношениями. *«Дифференцированными являются такие смысловые отношения между предикативными конструкциями, которым соответствует одна единица, один термин ... бессоюзные сложные предложения с дифференцированными отношениями и соответствующие союзные в плане смысловых отношений ничем не отличаются друг от друга: то, что в союзном типе эксплицируется союзом или союзным словом, в бессоюзном заложено в лексико-семантическом содержании частей:* ***Про себя я давно решил, что это единственный выход. – Про себя я давно решил: это единственный выход»*** [9, 66]. Дифференцированным смысловым отношениям противопоставляются недифференцированные отношения между предикативными частями, их характеристика требует двух или более «терминов» (именований): так, между частями предложения *Начался дождь – мы пошли домой* наблюдаются отношения следствия, причины и времени. Однако в тексте может актуализироваться лишь один из компонентов недифференцированных отношений [8, 579-584].

В.А. Белошапкова строит классификацию бессоюзных сложных предложений на основе специфики их структуры. Она выделяет бессоюзные сложные предложения открытой и закрытой структуры, типизированной и нетипизированной структуры [7, 763].

Сложные предложения открытой структуры в целом составляют особый формальный тип сложноподчинённого предложения, характеризующийся большой внутренней однородностью, в рамках которого противопоставление бессоюзия и союзной связи не является таким существенным, как противопоставление бессоюзия и союзной связи в сложных предложениях закрытой структуры.

Бессоюзные сложные предложения закрытой структуры составляют особый формальный тип: в них снято противопоставление сочинительной и подчинительной связи, поскольку закрытость структуры возможна как при сочинительной, так и при подчинительной связи, а специфические средства выражения той или иной связи в этих предложениях отсутствуют.

В бессоюзных предложениях закрытой структуры выражается особый, свойственный только сложному предложению и не представленный на уровне связи формы слова, вид связи – недифференцированная синтаксическая связь.

Бессоюзные сложные предложения с недифференцированной синтаксической связью представлены двумя формальными классами: 1) предложения, части которых имеют какую-то специфическую формальную организацию (предложения типизированной структуры) и 2) предложения, части которых не имеют специфической формальной

организации (предложения нетипизированной структуры).

По характеру формальной организации предложения типизированной структуры бывают трёх видов: 1) предложения с анафорическим элементом в одной из частей; 2) предложения с факультативной позицией заключительной частицы; 3) предложения с незамещённой синтаксической позицией в первой части.

Предложения с анафорическим элементом, в свою очередь, бывают двух видов в зависимости от того, в какой из частей содержится анафорический элемент.

Бессоюзные предложения, в которых анафорический элемент (слово с информативной недостаточностью, содержание которого раскрывается с помощью другой части бессоюзного предложения) содержится в первой части, по характеру отношений между частями сближаются со сложноподчинёнными предложениями местоименно-соотносительного типа. Анафорическим элементом в их составе может быть указательное местоимение, сочетание указательной частицы с вопросительным местоимением, определительное местоимение с совокупным или выделительным значением, сочетание неопределённого местоимения с прилагательным, отвлечённое существительное, т.е. любое слово, которому свойственна информативная недостаточность, например: *«Скажу вам только одно: нельзя сидеть сложа руки»* (Чехов).

В бессоюзных предложениях, в которых анафорический элемент помещается во второй части, в качестве анафорических элементов употребляются указательные и лично-указательные местоимения или сочетания указательной частицы вот с относительным местоимением, например: *«Блеск огней достигал до самого дна бухты – так прозрачна была морская*

вода» (Паустовский)

Предложения с незамещённой синтаксической позицией в составе одной части по характеру семантико-синтаксических отношений между частями и строению близки сложноподчинённым предложениям с изъяснительной семантикой. Их сближает то, что структурные схемы и тех и других предполагают:

а) наличие опорного слова определённой семантики (глагола речи, мысли, состояния) в одной из частей, с которым соотносится вторая часть предложения;

б) отсутствие при опорном слове распространяющей его формы слова, которая является альтернантом части сложного предложения, то есть наличие незамещённой синтаксической позиции, например: *Было ясно: мы опаздываем. – Было ясно, что мы опаздываем.*

Бессоюзные предложения нетипизированной структуры не имеют формальных примет, которые позволили бы различать внутри них классы на формальных основаниях (типы). Эти предложения различаются по значению, по характеру смысловых отношений между частями. Наиболее употребительны следующие семантические разновидности бессоюзных предложений нетипизированной структуры.

1. Объяснительные предложения. Их первая часть содержит сообщение о событии, а вторая комментирует это сообщение, давая ему мотивирующее или уточняющее пояснение.

2. Сопоставительные предложения. Вторая часть таких предложений содержит сообщение, которое существенно отличается от сообщения первой части [34, 548-552].

В зависимости от значений частей бессоюзных сложных предложений и типа интонации как важнейшей

формальной стороны их построения Д.Э. Розенталь выделяет различные виды бессоюзных сложных предложений [5, 411-412]:

1) бессоюзные сложные предложения со значением перечисления: *«Метель не утихала, небо не прояснялось»* (Пушкин); *«Двери и окна отворены настежь, в саду не шелохнётся лист»* (Гончаров);

2) бессоюзные сложные предложения со значением сопоставления или противопоставления: *«Семь раз отмерь – один отрежь»* (Посл.); *«Это было не только горе – это была полная перемена жизни, всего будущего»* (Симонов);

3) бессоюзные сложные предложения со значением обусловленности: *«А убьёте – ничего не получите»* (Лев Толстой); *«Любишь кататься – люби и саночки возить»* (Посл.);

4) бессоюзные сложные предложения со значением изъяснительных отношений: *«С беспокойством я выпрыгнул из кибитки и вижу: матушка встречает меня на крыльце с видом глубокого огорчения»* (Пушкин); *«Я тебе определенно скажу: у тебя есть талант»* (Фадеев). В этих примерах во второй части обозначается объект, относящийся к сказуемому в первой части, выраженному глаголом речи, мысли, восприятия. Вторая часть может также выполнять функцию субъекта по отношению к первой части: *«Так решено: не окажу я страха...»* (Пушкин); *«Мне пришло в голову: отчего же так крепко спит матушка?»* (Достоевский). К этому виду бессоюзных сложных предложений можно отнести и такие, у которых в первой части имеются глаголы *выглянуть, оглянуться, прислушаться* и т.п. или выражения типа *поднять глаза, поднять голову* и т. п., предупреждающие о дальнейшем изложении; в этих случаях между частями бессоюзного сложного предложения можно вставить слова *и увидел,*

что; и услышал, что; и почувствовал, что: *«Оборачиваюсь: Грушницкий»* (Лермонтов); *«Обломов оглянулся: перед ним наяву, не в галлюцинации, стоял настоящий, действительный Штольц»* (Гончаров);

5) бессоюзные сложные предложения со значением определительных отношений: *«Как все московские, ваш батюшка таков: желал бы зятя с звездами да с чинами...»* (Грибоедов); *«Сквозь сон стала тревожить неотступная мысль: обворуют лавку, сведут лошадей»* (Бунин);

6) бессоюзные сложные предложения со значением причинно-следственных отношений: *«Я не мог заснуть: передо мной во мраке все вертелся мальчик с белыми глазами»* (Лермонтов); *«Иногда лошади проваливались по брюхо: почва была очень вязкой»* (Фадеев);

7) бессоюзные сложные предложения со значением временных отношений: *«Победим – каменный дом построишь»* (А.Н. Толстой); *«Ехал сюда – рожь начинала желтеть. Уезжаю обратно – эту рожь люди уже едят»* (Пришвин);

8) бессоюзные сложные предложения со значением сравнения: *«Молвит слово – соловей поет»; «Посмотрит – рублем подарит»* (Некрасов);

9) бессоюзные сложные предложения со значением следствия, результата, быстрой смены событий: *«Сыр выпал – с ним была плутовка такова»* (Крылов); *«Я умираю – мне не к чему лгать»* (Толстой);

10) бессоюзные сложные предложения со значением пояснения: *«С ранней молодости Татьяну держали в черном теле: работала она за двоих, а ласки никакой никогда не видела»* (Толстой);

11) бессоюзные сложные предложения со значением присоединения: *«Я всё это уже знаю наизусть – вот что скучно»* (Лермонтов); *«Она сидела неподалёку на скамье*

под покосившимся деревянным грибом, – такие делают в лагерях для часовых» (Паустовский);

12) бессоюзные предложения сложного состава. В этих предложениях вторая часть состоит не из одной, а из нескольких частей: *«Какую-то особенную ветхость заметил он на всех деревенских строениях: бревно на избах было темно и старо; многие крыши сквозили, как решето; на иных оставался только конек вверху да жерди по сторонам в виде ребер»* (Гоголь).

Д.И. Изаренков [2], помимо выше перечисленных, выделяет следующие семантические виды сложных бессоюзных предложений.

1. Предложения, для которых характерны целевые отношения между предикативными частями, представляют собой сообщающие или побудительные высказывания. Первая предикативная часть передает в них информацию об акте деятельности какого-либо лица, а вторая часть сообщает о назначении, цели, для достижения которой и совершается этот деятельностный акт, например: *«Лейтенант изредка поглядывал на компас – проверял направление»* (Быков); *«Зайдите в землянку – там проверят ваши документы»* (Симонов).

Обе части могут иметь форму личного или безличного предложения. Предложения этого типа характеризуются фиксированным, закрепленным порядком следования частей – целевая часть располагается на втором месте.

2. Бессоюзные сложные предложения, в которых между предикативными частями устанавливаются смысловые отношения, определяемые как «знак – значение», например: *«Заскрипела, хлопнула дверь – это вернулся Карышев»* (Астафьев); *«Редкие огненные светлячки пуль низали сумерки уже далеко позади, навстречу им летели другие из сосняка за поймой – это вступил в бой батальон»* (Быков).

В таких предложениях сообщение о каком-то единственном событии распадается, членится на две части. Сначала говорящий передает ту сторону события, которая открывается его чувственному восприятию (слуховому, зрительному). Этот чувственно воспринимаемый образ события является фрагментарным и не дает возможности назвать событие. Назначение второй части как раз и состоит в том, чтобы опознать, идентифицировать событие, передать его внутреннюю, содержательную сторону и соотнести ее с внешней стороной, отражаемой первой частью.

Можно сделать вывод, что многие лингвисты (Н.С. Поспелов, В.В. Бабайцева, П.А. Лекант, Н.А. Николина) делят бессоюзные сложные предложения на предложения однородного и неоднородного состава, тем самым сопоставляя их с союзными конструкциями и показывая, что одни бессоюзные предложения (однородного состава) имеют однотипные предикативные части, независящие друг от друга, а другие бессоюзные предложения (неоднородного состава) имеют разнотипные предикативные части, когда одна поясняет другую в том или ином отношении. Также большинство ученых (Н.С. Поспелов, В.В. Бабайцева, Д.И. Изаренков, П.А. Лекант, Н.А. Николина, Д.Э. Розенталь, Н.С. Валгина) подразделяют бессоюзные сложные предложения на различные виды по характеру смысловых отношений между частями. Поскольку именно выражаемые бессоюзным сложным предложением значения, смысловые отношения между его частями являются основополагающими и диктуют характер интонации устной речи и пунктуацию письменной.

Если суммировать всё вышеизложенное, можно сделать вывод, что сложное бессоюзное предложение – единица синтаксиса со специфическим грамматическим

построением, то есть с особой структурно-семантической организацией и единым коммуникативным назначением. СБП характеризуется единым коммуникативным заданием, вследствие чего предложение функционирует как единая коммуникативная единица. Специфика СБП обнаруживается в лексико-семантическом наполнении соотносимых предикативных частей. Лаконичность этих конструкций, воздействуя на чувства и волю и объединяя коммуникативные задачи автора и реципиента, может вносить момент неожиданности, быстрого следования событий, передавать добавочную информацию и др. Выявляется тесная связь между отображаемой действительностью и восприятием содержания текста.

Грамматическая организация сложного бессоюзного предложения обусловлена лексико-семантическим содержанием компонентов и является основой для актуального членения. Можно предположить, что в БСП грамматическое и актуальное членение «сближаются» именно на основе лексико-семантического соотношения. Особенно это проявляется в предложениях с изъяснительной и конкретизирующей семантикой.

Актуализирует семантику бессоюзных сложных предложений интонация, обладающая функцией членения, связи и передачи смысловых отношений. Интонация в СБП – это средство связи предикативных частей и средство дифференциации семантико-синтаксических отношений, которые сообразуются в связи с особенностями грамматической организации сложного бессоюзного предложения.

Отражаемая в сознании личности реальность передаётся разными видами структур, поэтому коммуникативно-синтаксические типы СБП классифицируются с учетом особенностей актуального членения (АЧ). Один тип выделяется на основе относительного равноправия предикативных частей,

которые одинаково значимы при выполнении коммуникативного задания всего предложения-высказывания (открытые струсктуры), другой – определяется различием в коммуникативном плане: коммуникативная направленность предложения включает более и менее значимые части (закрытые структуры).

Композиционно-смысловое оформление СБП обусловлено:

- формой построения текста;
- концептуально-тематическими установками;
- условиями, обстоятельством и ситуацией речевой коммуникации;
- авторским стилем изложения и др.

Практика описания СБП позволяет выделять на современном этапе развития теории сложного бессоюзного предложения следующие группы этих единиц синтаксиса:

1) сложные бессоюзные предложения открытой синтаксической структуры;

2) сложные бессоюзные предложения закрытой синтаксической структуры.

Характеристика бессоюзных сложных предложений открытой синтаксической структуры включает в себя следующее:

1) СБП может состоять из двух, трёх и более предикативных частей с потенциальной возможностью присоединения последующей части;

2) характеризуется одновременным протеканием событий в содержании всех предикативных частей, входящих в состав СБП;

3) обладает относительным смысловым и грамматическим равноправием предикативных частей;

4) включает в себя семантическую соотносительность лексических единиц во всей структуре;

5) характеризуется тождественной грамматической

оформленностью предикативных частей, общностью их временных и модальных планов;

6) между предикативными частями устанавливается соединительно-перечислительная синтаксическая семантика.

Для бессоюзных сложных предложений закрытой синтаксической структуры характерно следующее:

1) наличие только двух предикативных частей в составе СБП;

2) последовательное (неодновременное) протекание событий в содержании предикативных частей, входящих в состав СБП;

3) соединение разнотипных в семантическом плане предикативных частей;

4) возможность различного грамматического оформления предикативных частей, например, несовпадение временных и модальных планов при построении СБП и др.;

5) использование различных типов интонационного оформления конструкций – множественность семантико-синтаксических отношений между предикативными частями.

В заключение следует отметить, что семантико-синтаксические отношения в сложном бессоюзном предложении в основном такие же, как и в сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях. Например, логические связи сопоставления, противопоставления, времени, причины и следствия, условия и другие присущи как союзным, так и бессоюзным предложениям, поэтому бессоюзные конструкции часто бывают синонимичны сложносочиненным или сложноподчиненным предложениям. Это обогащает стилистические ресурсы и выразительно-изобразительные возможности современного русского языка.

Литература

1. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., 2003.
2. Изаренков Д.И. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М., 1990.
3. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. – Т.7, Труды по филологии. М., 1950 – 1983.
4. Поспелов Н.С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
5. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б. Русский язык: Орфография и пунктуация. М., 1997.
6. Современный русский язык: Учебник для студентов/ П.А.Лекант, Е.И.Диброва, Л.Л.Касаткин и др./ Под ред. П.А.Леканта. М.: Дрофа, 2001.
7. Современный русский язык // Под ред. Белошапковой В.А. М., 1989.
8. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: Учебник для студентов//Ч. 2: Морфология. Синтаксис/В.В.Бабайцева, Н.А.Николина, Л.Д.Чеснокова и др.// Под ред. Е.И.Дибровой. М., 2002.
9. Ширяев Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М., 1986.

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКИ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

ФОРМИРОВАНИЕ МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И ДРЕВНЕГО РИМА НА ГИМНАЗИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Гецан Ирина Михайловна,
преподаватель
(г. Ваду луй Водэ, Республика Молдова)

Аннотация. Статья посвящена исследованию основных форм и этапов развития морально-этических ценностей учащихся. На их основе определена методика изучения истории Древней Греции и Древнего Рима, сформулированы рекомендации по внедрению авторских разработок в учебно - образовательный процесс гимназии.

Ключевые слова: *куррикулум, мораль, этика, нравственность, модель.*

CULTIVAREA VALORILOR ETICO-MORALE ÎN PROCESUL DE STUDIERE A ISTORIEI GRECIEI ŞI ROMEI ANTICE DESTINATE NIVELULUI GIMNAZIAL

Adnotare. În articolul sînt cercetate formele şi etapele esenţiale ale evoluţiei valorilor etico-morale a elevilor. În baza rezultatelor acestor cercetări se determină metodica de studiere a istoriei Greciei şi Romei antice şi sînt formulate de către autor, recomandări practice pentru aplicarea lor în procesul instructiv-educativ al ciclului gimnaziali.

Cuvinte-cheie: *curiculum, morală, etică, moralitate, model.*

FORMATION OF MORAL AND ETHICAL VALUES WHEN STUDYING HISTORY OF ANCIENT GREECE AND ANCIENT ROME AT THE GYMNASIA LEVEL

Abstract. Article is devoted to research of the main forms and stages of formation of moral and ethical values of pupils, identifications on their basis and formulations of offers to introduction in uchebno - educational process

of a gymnasium of author's development of definition of forms and methods of studying of history of Ancient Greece and Ancient Rome.

Key words:*curriculum, morals, ethics, morality, model.*

В настоящее время существует острая, как никогда, потребность в духовном обновлении людей, осмыслении системы ценностей. Особенно важным и актуальным является обучение подрастающего поколения навыкам понимания и принятия современных нравственных норм и ценностей, перекликающихся с исторически сложившимися нормами этики и морали. Выбор темы исследования объясняется наблюдающимися перекосами в понимании и восприятии базовых ценностей. В связи с этим была предпринята попытка выстроить систему развивающего обучения с учетом повышения роли содержательной части учебной дисциплины «История» на примере разделов «Древняя Греция и Древний Рим» для учащихся 5 классов.

Подобно тому, как в детстве закладываются основы личности и будущего каждого индивидуума, так и в древнем мире были заложены основы последующего развития цивилизации. Историю Древнего Мира иногда называют детством человеческого общества. Она предстаёт перед нами в своих различных обликах, как мир культуры и человека, в котором культура не ограничена только экономическим и политическим развитием общества, а выступает подлинной средой жизни, создаваемой и переживаемой людьми с их неповторимыми обычаями, обрядами, поверьями [10]. Морально-этические ценности – это актуальная проблема современности. Мы каждый день сталкиваемся с ней в различных жизненных ситуациях. Эта проблема существовала ещё в античные времёна, ибо в Древней Греции и Древнем Риме

человеческая личность формировалась под влиянием материальной и духовной культуры, начиная с дома, его обустройства и заканчивая воспитанием и играми детей. Изучая историю этих стран, мы акцентируем внимаение на формировании моральных и этических ценностей человека античного мира в повседневных обстоятельствах [6].

Цель исследования изначально была предопределена тем, что гимназисты 5-7 классов с трудом воспринимают абстрактные понятия. Сложности возникают, когда они должны применять эти понятия в учебных и повседневных контекстах.

Исследование отталкивается от обоснованной нами гипотезы, что процесс формирования моральных и этических ценностей как основы развития нравственности учащихся пятого класса носит прикладной характер. Эти ценности, отраженные в конкретных исторических источниках и артефактах античного периода, могут стать основой формирования у школьников определённых базовых представлений об этике и морали. Их рассмотрение на уроках истории и при выполнении домашних заданий по данной тематике могут расширить не только кругозор учащихся, но и стимулировать восприятие таких абстрактных понятий, как доброта, достоинство, толерантность, уважение к старшим. Эти абстрактные понятия можно сформировать, если мы будем введём их в оборот не только на уроках истории, но и на внеклассных мероприятиях [2].

Объектом данного исследования явились учащиеся 5-го класса Теоретического лицея им. Штефана Водэ. Апробация исследования проводилась в рамках подготовки и проведения занятий по дисциплине «История» для учащихся 5 класса названного лицея, на открытых уроках по итогам учебного года, во

внеудиторной работе классным руководителем, в беседах с учениками и родителями. Впервые с вопросом формирования морально-этических ценностей автор столкнулся на педагогическом совете 3.09.2011г в связи с неадекватным поведением учащихся 6-го класса, что и явилось исходным моментом для начала исследования указанной проблемы.

Этапы апробации:

1. первый этап (2011-2012 гг.) – теоретико-поисковый: изучение методологической литературы по проблеме исследования;
2. второй этап (второе полугодие 2012 года) – опытно-экспериментальный: изучение проблемы моральных и этических ценностей в учебно - воспитательном процессе;
3. третий этап (второе полугодие 2013 года – первое полугодие 2014 года) – аналитико-обобщающий: анализ и обобщение полученных данных, защита магистерской диссертации;
4. четвёртый этап – 2014 г – по настоящее время – внедрение полученных результатов исследования в учебный процесс.

Для решения поставленных задач по формированию морально-этических ценностей учащихся лицея были исследованы концептуальные идеи составления куррикулума и имеющихся в наличии учебных пособий (учебников) по истории Древней Греции и Древнего Рима [5, 6, 8, 12, 13]. Происходящие в последнее десятилетие процессы эволюционирования куррикулума позволяют воспринимать его как основу содержательной части образования с учётом количественных и качественных особенностей учебного заведения, процессов обучения, в частности, с точки зрения использованных методов, ресурсов для преподавания и обучения (учебников, новых

технологий, профилей преподавателей и др.) [7-11]. В то же время анализ современных процессов показывает необходимость повышения образовательного и культурного уровня учащихся и позволяют сформулировать понятие «Модернизированный куррикулум», в основу которого должны быть заложены:

- формирование у школьников представления о включенности в европейское и мировое пространство, открытое для всего остального мира;
- развитие критических способностей учащихся и умение мыслить самостоятельно;
- анализ событий местного и национального уровней, а также исторических событий европейского и мирового масштаба;
- демократизация отношений ученик – учитель, активное участие школьников в учебном процессе с применением своих знаний [1].

В формировании компетенций важную роль играют дидактические средства и учебник истории [9].

При этом мы понимаем, что учебник – документ, развивающий и конкретизирущий школьный куррикулум путём презентации системы знаний, чтобы стать «рабочим инструментом» учителя, подлежит адаптации к восприятию учащимися, которая осуществляется педагогом.

В ходе исследования был проведен детальный анализ двух учебников:

1) История. Экспериментальный учебник для 5-го класса под. ред. Корнелиу Попович, Анжелы Попович;
2) История Древнего мира. Учебник для 6-го класса под. ред. А.А. Вигасина, Г.И. Годер, И.С. Свеницкой.

В процессе анализа были выработаны критерии оценки учебников, выявлены сильные и слабые стороны каждого учебника по семи категориям, на основании использования элементов SWOT- анализа составлены Матрицы оценки каждого учебного пособия.

SWOT-анализ – это один из стратегических методов анализа, позволяющий определить и оценить сильные (Strengths) и слабые (Weaknesses) стороны объекта исследования, открыть новые возможности (Opportunities) и уберечься от вероятных угроз (Threats).

Как правило, SWOT-анализ используется для решения поставленных или внедрения новых задач, оптимизации существующих товаров или услуг, планирования и оценки бизнеса в целом. Однако в общем виде он не содержит экономических категорий, поэтому может быть применен в любой сфере (организации, к отдельным людям, странам, явлениям и др.) для построения стратегий в самых различных областях деятельности. В нашем случае – в образовательном процессе.

Использование SWOT-анализа позволяет выработать объективный взгляд на организационную структуру учебника, определить приоритеты и возможные варианты действий с учетом сильных и слабых сторон анализируемого источника знаний.

SWOT-анализ – это инструмент, который помогает в разработке оптимальной стратегии выделиться среди конкурентов, предлагающих аналогичные услуги или сервисы. В нашем случае, выявить «какой из учебников лучше?»

В таблицах 1 и 2 приведен фрагмент SWOT- анализа учебных пособий.

Таблица 1.

Матрица 1. SWOT-анализ сильных и слабых сторон учебного пособия 1:
История. Экспериментальный учебник для 5-го класса под ред. Корнелиу Попович, Анжелы Попович.

+ (сильные стороны)	– (слабые стороны)
1. По критерию *опознавательные знаки:*	
1) в учебнике есть вступительное слово; 2) есть наставления по работе с учебником.	1) переплет оставляет желать лучшего; 2) плохо продуманно оглавление.
2. По критерию *концепции куррикулума:*	
1) задания я включаются в модули и усложняются; 2) представлены различные типы уроков.	1) учебник не является продолжением куррикулума; 2) учебник не содержит специфических компетенций из школьной программы; 3) содержание учебника не соответствует программе; 4) оглавления разделов не систематизированы; 5) задания не соответствуют программе; 6) не соблюдается последовательность заданий по урокам;
3. По критерию *содержания учебника:*	
1) наличие фотографий, диаграмм, карт, картин, высказываний, таблиц, библиографии, словаря, предлагается ось времени; 2) количество часов соответствует объему	1) учебник не соответствует возрасту детей; 2) информация, данная в этом учебнике, не является главной; 3) не выделены фундаментальные концепции и

+ (сильные стороны)	– (слабые стороны)
информации; 3) представлены различные виды деятельности.	методы их познания.
4. По критерию толерантного отношения к предмету:	
1) учебник не содержит материалов, в том числе иллюстраций, дискриминационного характера по: а) расовой и этнической принадлежности людей; б) полу; в) языковой группе; г) специальным нуждам.	-
5. Оценивая книгу по критерию доступности, приходим к выводу:	
	1) задания сформулированы неправильно; книга не соответствует возрасту и уровню подготовки учащегося; 2) язык учебника сложен для школьников; 3) часто встречаются неправильно построенные предложения; 4) графические изображения не стимулируют процесса обучения, так как они построены неправильно; 5) нет дополнительных источников, поддерживающих процесс познания.
6. Критерий – составная часть оценивания:	
	1) задания в учебнике не носят объяснительного характера;

+ (сильные стороны)	– (слабые стороны)
	2) предлагаемые в учебнике тесты не соответствуют содержанию модуля; 3) нет методов оценивания: портфолио, проектов, самооценивания; 4) оценивание не помогает обучению.
7. По критерию методологии подачи материала:	
1) учебник предлагает различные методы, структуры уроков.	-
Итого: +10	**Итого: -21**

Источник: Разработка автора по материалам [8].

Таблица 2.

Матрица 2. SWOT-анализ сильных и слабых сторон учебного пособия 2:

История Древнего мира. Учебник для 6-го класса под ред. А.А. Вигасина, Г.И. Годер, И.С. Свеницкой.

+ (сильные стороны)	– (слабые стороны)
1. По критерию *опознавательные знаки*:	
1) в учебнике присутствует вступительное слово; 2) переплет учебника сделан хорошо.	1) нет наставления по работе с учебником; 2) плохо продумано оглавление.
2. По критерию *концепции куррикулума*:	
1) учебник является продолжением куррикулума; 2) содержит специфические компетенции из школьной программы; 3) содержание учебника	1) не представлены различные типы уроков.

+ (сильные стороны)	– (слабые стороны)
соответствует программе; 4) оглавления систематизированы; 5) задания соответствуют программе; 6) последовательность заданий по урокам соблюдена; 7) задания начинаются от дат или примеров; 8) задания включаются в модули и усложняются.	
3. Характеристика *содержания учебника*:	
1) наличие фотографий, диаграмм, карт, картин, высказываний, таблиц, библиографии, словаря; ось времени, 2) учебник соответствует возрасту детей; 3) информация, заключённая в этом учебнике, является главной; 4) представлены различные виды деятельности; 5) выделены фундаментальные концепции и методы их познания.	1) количество часов не соответствует количеству информации.
4. По критерию *толерантного отношения* к предмету:	
1) учебник не содержит дискриминационный характер по а) этнической принадлежности людей; б) полу; в) языковой группе; г) специальным нуждам; 2) картины не связаны с расовой дискриминацией.	
5. По критерию *доступности учебника*:	
	1) книга не соответствует возрасту и уровню подготовки

+ (сильные стороны)	– (слабые стороны)
	учащегося; 2) язык учебника не доступен; 3) неправильное построение предложений; 4) задания сформулированы неправильно; 5) графические изображения не стимулируют процесса обучения, так как они построены неправильно; 6) нет дополнительных источников, поддерживающих процесс познания.
6. Критерий – составная часть оценивания:	
1) задания в учебнике носят объяснительный характер.	1) существующие тесты в учебнике не соответствуют содержанию модуля; 2) нет методов оценивания: портфолио, проектов, самооценивания; оценивание не помогает обучению.
7. По критерию методологии подачи материала:	
1) учебник предлагает различные методы, структуры уроков.	-
Итого: +19	**Итого: – 12**

Источник: Разработка автора по материалам [5].

Таким образом, для использования в учебном процессе целесообразно рекомендовать второе из рассмотренных пособий: **История Древнего мира.** Учебник для 6-го класса под ред. А.А. Вигасина, Г.И. Годер, И.С. Свеницкой.

Основание: оценка по семи существенным критериям показывает, что по соотношению сильных и слабых

качеств названное пособие значительно превосходит первый из рассмотренных учебников.

Формирование морально-этических ценностей, начинающееся дома, в семье, продолжается на протяжении всей жизни человека. Большое значение приобретает этот процесс при изучении истории в гимназическом цикле:

- в 5-ом классе происходит знакомство с морально- этических ценностями;
- в 6-ом классе изучение морально-этических ценностей переходит на другой уровень (могущество церкви, вера в Бога);
- в 7-ом классе полученные знания обобщаются, метод сравнения позволяет вернуться к античному материалу.

В процессе проведения исследования морально-этических ценностей в системе образования было проделано следующее:

1. Рассмотрены и раскрыты категории:

   • *образование,*
   • *моральные нормы и их совокупность,*
   • *базовые моральные ценности* [2-4],
   • *ценности и ценностные ориентации.*

2. Составлены схемы взаимосвязи образования и ценностей современного общества (рис.1 – 4) [5]

Рис. 1. Моральные категории как единичные частные предписания

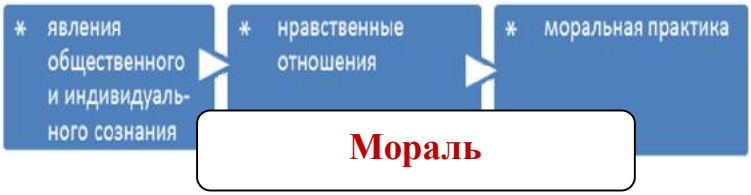

Рис. 2. Структура категории «мораль»

Рис. 3. Классификация категории «Ценности»

Рис. 4. Классификация моральных качеств личности (добродетели)

3. Построена модель связи моральных ценностей современного социума на примере Республики Молдова и Древней Греции (Древнего Рима), фрагмент показан на рис. 5-7 [7, 8].

Рис. 5. Компонент модели «Культ семьи»

Рис. 6. Компонент модели: Нравственная ценность «Уважение»

Рис. 7. Компонент модели: Моральная норма «Равенство полов»

Источник: Разработка автора на базе [3,4].

Выявленная преемственность обычаев и традиций Республики Молдова по отношению к Древней Греции и Древнему Риму, не потерявших актуальности и сегодня, позволила создать модель связи моральных ценностей современного социума.

Оправдали себя авторская методика проведения занятий и предложенная методологическая база воспитания личности с высоким нравственным потенциалом: этико-нравственные беседы; работа с контурными картами, документами; с иллюстрациями и др.

С учетом приобретенного научного и практического опыта можно сформулировать следующие **рекомендации.** Разработать систему конструирования инновационных образовательных технологий на уровне республики с учетом лучшего европейского и мирового опыта на основе технологического подхода к организации учебного процесса.

Для расширения сферы доступа к информационным ресурсам компьютерной сети Internet необходимо продумать и реализовать систему работы с электронными учебниками и ресурсами библиотечного фонда Республики Молдова и других государств в режиме on-line на занятиях в рамках учебного процесса, в том числе с использованием современных устройств мобильной связи, смартфонов, планшетов и др.

С целью повышения квалификации и обмена опытом рекомендовать проведение республиканских Web- инаров для преподавателей школ и лицеев Республики Молдова (не менее 2-х раз в учебный год) с привлечением научных кадров Академии наук РМ, профильных кафедр КГПУ им. И. Крянгэ, Славянского университета, других вузов

Республики Молдова, осуществляющих подготовку педагогических кадров.

Реализация высказанных предложений создаст условия для формирования разносторонне развитой, конкурентоспособной на рынках образования и труда, современной личности, воспитанной в традициях евразийской культуры. Такая личность обладает менталитетом, соединяющим рациональное европейское мышление с образно-философским толерантным восприятием окружающего мира, основанном на исторических базовых нравственных ценностях: любви к своим близким, к своей земле, малой родине, с глубокой потребностью созидания и переустройства современной жизни, способной к саморазвитию, самореализации.

Литература

1. Formarea profesorilor pentru implementarea curriculumului modernizat de liceu. История. Suprt de curs. http://prodidactica.md/files/11%20RU%20Istorie_Uzicov%20Final.pdf [Электронный документ] Дата обращения: 15.08.2015
2. Баранова Н. Ценности современного образования http://si-sv.com/NIR/NIRS/forum-2013/07.pdf [Электронный документ] Дата обращения: 12.09.2015
3. Божович Е.Д. Психологические особенности развития личности подростка / Е.Д. Божович. М.: Знание, 1979. – 40 с.
4. Божович Л.И. Воспитание как целенаправленный процесс / Божович Л.И. // Вопросы психологии. 1974, № 1. - С. 18-29.
5. Вигасин А.А., Годер Г.И., Освеницкая И.С. История Древнего мира: учебник для 6-го класса. М.: Просвещение, 1993. – 350 с.
6. История. Гид по внедрению модернизированного куррикулума для гимназического образования. Ch.: Liceum, 2011. – 130 с.

7. Король Ю.А. К вопросу о формировании нравственных ценностей молодежи при непрерывном образовании в условиях мегаполиса [Текст] / Ю. А. Король // Молодой ученый. 2013, №12. - С. 474-476. http://www.moluch.ru/archive/59/8531/ [Электронный документ] Дата обращения: 23.08.2015

8. Попович К., Попович А. История. Экспериментальный учебник для 5-го класса. Ch.: Lumina, 2006, 340 с.

9. Представление о культуре на Древнем Востоке, в античности, в средневековье, в эпоху Нового времени. http://mirznanii.com/info/predstavlenie-o-kulture-na-drevnem-vostoke-v-antichnosti-v-srednevekove-v-epokhu-novogo-vrem [Электронный документ] Дата обращения: 10.09.2015

10. Современные педагогические технологии как объективная потребность. http://kpip.kbsu.ru/pd/did_lec_11 [Электронный документ] Дата обращения: 30.08.2015

11. Степанюк Л.А. Формирование базовых моральных ценностей у студентов университета как основы развития нравственности. Автореф. дисс. докт. наук. … Научная библиотека диссертаций и авторефератов http://www.dissers.ru/avtoreferati-kandidatskih-dissertatsii-pedagogika/a47.php. [Электронный документ] Дата обращения: 10.07.2015

12. Хрестоматия по истории Древнего мира. Пособие для учителя. Составитель Е.А.Черкасова. М.: Просвещение, 1991. – 464 с.

13. Цивилизации древнего мира. М.: Махаон, 2007. – 200 с.

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

О «НОВОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ» И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Корнилов Игорь Олегович,
слушатель магистратуры
(Кишинев, Республика Молдова);
научный руководитель –
доктор педагогики, конференциар
Тудосе Вера Ивановна

Аннотация. Статья посвящена «новой журналистике» как пограничному явлению между художественной литературой и масс-медиа.

Ключевые слова: *«новая журналистика», художественная литература и масс-медиа, Трумен Капоте.*

ABOUT THE "NEW JOURNALISM"AND FICTION

Abstract. The article is devoted to the "new journalism" as a phenomenon of the border between fiction and the media.

Key words*: "New Journalism", fiction and media, Truman Capote.*

DESPRE „JURNALISMUL NOU” ŞI LITERATURA ARTISTICĂ

Adnotare. Articolul abordează problema „jurnalismului nou” în caltate de fenomen la hotarul între literatura artistică şi mijloacele de informare în masă.

Cuvinte cheie: *„jurnalismul nou”, literatura artistică şi mass-media, Trumen Kapote.*

В настоящее время во многих областях духовно-интеллектуальной деятельности человека происходит процесс смешения жанров, появляются новые роды и виды искусства. «Новая журналистика» возникла в результате взаимодействия таких явлений, как художественная

литература, журналистика и документалистика, она является порождением современного культурного процесса и может быть рассмотрена в контексте проблемы смешения жанров, то есть «новая журналистика» представляет собой новую, альтернативную модель и журналистского, и литературного творчества. Она имеет отношение как к масс-медиа, так и к искусству.

Изучение отличительных черт «новой журналистики», на наш взгляд, необходимо для полноты представления о современных процессах, которые происходят сегодня в художественной литературе и масс-медиа.

В нашем исследовании сделана попытка изучить характерные черты рассматриваемого направления, показать его перспективность, выявить основные её черты на примере нескольких произведений, как крупных, так и малых форм. С этой целью был проанализирован роман-репортаж Т. Капоте «Хладнокровное убийство» как одно из классических произведений рассматриваемого направления. Мы попытались также проследить, как названное направление развивается на территории постсоветского пространства: в России, Украине, Беларуси, Молдове.

«Новой журналистикой» (англ. New journalism) называют нонконформистское журналистское направление, которое первоначально зародилось в американской печати, а затем развилось и в других странах. В исследовательской литературе также встречается термин «новый журнализм». Направление появилось в 60-е годы XX века в США и стало настоящей революцией в периодической печати. Молодым журналистам удалось всколыхнуть общество, ведь они впервые в истории показали, что газетные и журнальные статьи можно писать так, чтобы те читались, как

литературные произведения. Зародилась «новая журналистика» в крупных американских журналах, рассчитанных на интеллектуально подкованного читателя, – «*Нью-Йоркер», «Эсквайр», «Нью-Йорк Мэгэзин», «Роллин Стоун*» и др. Том Вулф в книге «Новая журналистика и Антология новой журналистики» рассказывает, что впервые подобные публикации появились примерно в 1962 году. Одним из первых материалов «новой журналистики» была статья, напечатанная в «Эсквайре». Она называлась «*Джо Луис — Король в расцвете лет*». Публикация всколыхнула весь пишущий мир, ведь она не только отличалась от традиционных журнальных статей, но ее тональность и настроение больше подходили для короткого рассказа: в статье присутствовали глубоко прочувствованные сцены, а также диалоги.

«В 1960-е годы дотоле спокойная среда лучших журналистов всколыхнулась, – отмечал Том Вулф. – *Оказалось, что было сделано важное открытие. А заключалось оно в том, что газетно-журнальные статьи можно писать так, чтобы... они читались как роман. Как роман, понимаете?! Традиционные рамки журналистики расширялись: оказалось, что в журналистике и нехудожественной прозе можно использовать весь арсенал беллетристов – от обычных диалогов до потока сознания – и применять эти разные приёмы одновременно или один за другим... чтобы зажечь читателя и заставить его задуматься»* [2]. Основные представители направления за рубежом – *Том Вулф* («Электропрохладительный кислотный текст»), *Гэй Тале* («Фрэнк Синатра пострудился»), *Норман Мейлер* («Армии ночи»).

Поворотным пунктом в истории становления «новой журналистики» стало появление романа-репортажа *Трумена Капоте* «Хладнокровное убийство», который печатался в журнале «Нью-Йоркер» в 1965-1966 годах. Репортаж об убийстве, случившемся в канзасской глубинке, был подан как роман. Произведение содержало не только подробный отчет о самом убийстве, но и исследовало психологически сложную, противоречивую личность одного из убийц. «Хладнокровное убийство» имело оглушительный успех, писатели и журналисты сразу заговорили о рождении нового жанра – документального романа, или романа-репортажа. В ходе работы нами исследовано творчество Трумена Капоте, дана периодизация его творчества, прослежено история создания романа-репортажа и дан его анализ как хрестоматийного произведения «новой журналистики».

Наконец, мы рассматриваем положение «новой журналистики» сегодня: это появление малых форм, ее влияние на традиционные формы газетно-журнального творчества. Малые формы направления развивает сегодня в том числе и британский еженедельник «*The Guardian*». Черты направления прослеживаются в журналистском и литературном творчестве перуанского автора, лауреата Нобелевской премии по литературе 2011 года *Марио Варгас Льосы*.

На постсоветском пространстве «новая журналистика» зарождается в перестроечные и постперестроечные годы. Основным местом развития новожурналистских тенденций в современной России можно считать журнал «*Сноб*», начавший выходить в 2008 году.

Нами рассмотрено творчество нескольких российских авторов, чье творчество тяготеет к «новой журналистике».

Артём Боровик – автор документальной книги об Афганской войне «Спрятанная война». Произведение можно отнести к жанру романа-репортажа. Цель журналиста – проследить, как меняется человек на войне и как она влияет на его установки, ценности, миропонимание.

Евгений Додолев развивает малые формы, его произведения отличаются нестандартной орфографией и пунктуацией, свободой в выборе лексики. Журналист смело подходит к реорганизации заголовков своих статей. Например, материал от 20 сентября 2011 года носит название «Герой & культура». Додолев применяет в нем английскую лигатуру амперсанд (&), аналогичную, но не тождественную союзу «и». В публикациях Е.Додолева можно встретить и искажение орфографического написания отдельных слов с целью создания определенного эффекта. Например: *«Ну, например, такая скандальная оЧепятка по Фрейду для “звезды” = удача. Или, как принято приговаривать в блогосфере, “пЕар”»* [3].

Дмитрий Быков развивает различные формы «новой журналистики». Например, его документальная повесть «Прощай, кукушка» основана на переработке первого издания воспоминаний Н.Крупской. В этом произведении Дм. Быков близок, например, к традициям документальной прозы Варгас Льосы («Сон кельта»).

Иначе выглядит реализация принципов «новой журналистики» в сатирическом материале «Русский всесериал», опубликованном 28 декабря 2005 года в газете «Известия». Эта публицистическая работа представляет собой острую критику русских сериалов. Чтобы подчеркнуть их абсурдность и дурновкусие, Быков представляет публике пародийный коллаж сюжетных

линий известных сериалов России 90-х – 2000-х годов. Таким образом, основной журналистский и социальный посыл статьи достигается средствами литературной пародии, имитации сериального сценария, в гротескной форме обнажающей проблемы рассматриваемого журналистом явления. Налицо причастность газетной публикации к традициям постмодернизма (пародия, ироничность, пастиш, аллюзии).

Одна из оригинальных работ Дмитрия Быкова – статья в «Новой газете» от 19 апреля 2014 года, носящая название «Дождливое» и посвященная травле телеканала «Дождь». Она примечательна тем, что написана в стихотворной форме. Четко выражены ритм и рифма, при этом на строфы произведение не делится, а записывается как обычный прозаический текст. Быков знаменит своими ироническими стихотворениями на социально-политические темы, но тут мы имеем дело с синтетической формой. На наш взгляд, это пограничный жанр между аналитической заметкой и сатирическим стихотворением. Сама статья обладает как признаками аналитики, написанной прозой, так и признаками стихотворения.

Евгений Бабушкин – совсем молодой автор, участник российского социалистического движения. Сотрудничает с журналом «Сноб». Подает репортажи в форме небольших пьес. Например, его публикация от 12 ноября 2014 года «Кончита Вурст в Третьем Риме» представляет собой репортаж с конференций «Роль исторической науки в развитии современного общества» и «Москва – Третий Рим». Репортаж написан в форме трехактной пьесы, где формы художественного произведения используются в том числе и как метод сатиры:

«А р х и м а н д р и т Т и х о н. ...Важнейшим качеством этих новгородских еретиков тоже была страшная проблема, которая была занесена на Русь с

Запада, прежде всего из Польши и Литвы, как мне тут недавно объяснили. Именно это и подвигло старца Филофея к его труду. Посмотрите, какие слова он находит! (*Архимандрит достает шестой айфон и с выражением читает.*)...» [1]

В качестве примеров украинской «новой журналистики» можно назвать следующие произведения: эссе-репортажи Оксаны Забужко «Let my People Go: 15 текстів про українську революцію», «Вирвані сторінки з автобіографії» Марии Матиос, подорожные истории Максима Кидрука, представленные в журнале «Український тиждень».

Г. Остановець в материале «Котвицьку надурили на 700 тисяч гривень» использует прием «потока сознания». Тем самым он имитирует хаотическую манеру мышления персонажей:

«розстроїлася, якась мутка, купу шмоток, валили запитаннями, бєшена популярність, опозорила, все рівно» (в переводе: *«расстроилась, какая-то мутка, кучу шмоток, валили вопросами, бешеная популярность, опозорила, всё равно»*) [4].

Белорусский автор *Светлана Алексиевич* работает в жанре документальных романов. Среди ее известных работ – «Цинковые мальчики» (1989), «Чернобыльская молитва» (1997), «Время second-hand» (2013). Последний роман предствляет собой масштабное исследование, составленное из интервью с реальными людьми, родившимися в СССР и пережившими его распад. Книга попала в шорт-лист Нобелевской премии 2013 года, однако лауреатом в тот год стала канадский прозаик Элис Манро.

А в 2015 году Алексиевич получила премию с формулировкой *«за ее полифонический текст, который стал памятником страданию и храбрости нашего*

времени». Светлана Алексиевич стала первым с 1987 года писателем, пишущим на русском языке, удостоенным Нобелевской премии по литературе.

В Молдове элементы рассматриваемого течения прослеживаются в творчестве *Олега Краснова*. К крупным документально-художественным формам «новой журналистики» может быть отнесена его повесть «Сестра», посвященная теме психиатрической больницы. Повесть основана на личном опыте журналиста, который в1988-1989 годах работал в больнице санитаром. К «новой журналистике» очень приближен материал О. Краснова «Мечта Джона Оноже», опубликованный в газете «Панорама» 2 ноября 2013 года. Его особенность в том, что интервью с героем материала подано не в классической форме вопроса-ответа, а в виде развернутого монолога самого героя. Налицо «новожурналистский» принцип устранения автора из текста и показ действительности глазами героя. При этом речь интервьюируемого приближена к разговорной, подана как бы в необработанном виде. Воспроизводится стилистика индивидуальной манеры речи с различными ее нюансами, ошибками, оговорками.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

-«Новая журналистика» – типичное для современного культурного процесса явление, его можно рассматривать в контексте смешения жанров и родов искусства, которое характерно для XX-нач.XXI вв.

-«Новая журналистика» рождается в результате взаимодействия массмедиа и художественной литературы, при этом применяется весь арсенал методов, характерных как для одного, так и для другого направления.

-«Новая журналистика» соприкасается с расследовательской журналистикой, однако у них есть и много различительных черт.

-«Новая журналистика» – это не только новая форма журналистского жанра, близкого к художественной литературе. *«Это новая суть. Новые позиции. Новые цели. Основная цель «новой журналистики» – не только пробуждение неуёмного интереса у читателя, но и развитие личности, развитие способности мыслить, развитие самостоятельности, поднятие на более высокий уровень осознанности и культуры»* [5].

–«Новая журналистика» значительно повлияла на лицо современной прессы, а также способствовала появлению ряда новых направлений, например, гонзо-журналистики, «новой новой журналистики».

-«Новая журналистика» – определение собирательное, и материалы в ней характеризуются разными объёмами произведений – от крупных художественно-документальных форм до публицистических статей. На современном этапе развития «новая журналистика» существует и в малых формах, способствует обновлению традиционных газетных жанров – статей, очерков.

-Существенно влияние «новой журналистики» и на интернет-журналистику. Это персональные блоги, дневники.

-«Новая журналистика» развивается и на постсоветском пространстве, например, в России, Украине, Беларуси, Республике Молдова. Творчество российских авторов обладает рядом особенностей, в том числе отличается и политической направленностью.

Перспектива исследования такого явления, как «новая журналистика», видится нам в дальнейшей

разработке проблемы, особенно связанной с исследованием молдавской «новой журналистики».

Литература

1. Бабушкин Е. Кончита Вурст в Третьем Риме: http://snob.ru/selected/entry/83573]
2. Вулф Том. Новая журналистика и Антология новой журналистики. https://bookmate.com/books/weE2WDUn).
3. Додолев Е. АнатСасите перед обедом. http://www.odnako.org/magazine/material/anatsosite-pered-obedom/
4. Остаповець Г. Котвицьку надурили на 700 тисяч гривень: http://gazeta.ua/articles/people-newspaper/421688
5. Ходьков А.В. Новая журналистика http://stupeni.irk.ru/Pages/Jurnal/N_jurnal.htm)

РЕЦЕНЗИИ

В.Б. РЕПИДА, О. А. САЙКО «ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ». Книга первая «ПОНЯТНА МНЕ ВРЕМЕН ПРЕВРАТНОСТЬ» XI-XVIII вв. (Кишинев, 2015)

Ионова Ирина Александровна,
доктор хабилитат филологии, профессор
(Кишинев, Республика Молдова)

Оценивая любую книгу, важно учитывать, для кого и с какой целью она написана. Это необходимо и автору, который изначально должен определить для себя очень многое: и принципы отбора материала, и композиционное решение, и стиль изложения. Это важно и для читателей, которые, выбрав книгу, настраивают себя на ее восприятие.

Создание рецензируемой книги обосновано авторами точно и убедительно. Авторы ориентируют себя на очень широкий круг читателей – преподавателей, студентов, учащихся лицеев и общеобразовательных школ, наконец, всех, кто *«читает русскую литературу просто потому, что любит её»*.

Сразу скажем, что В.Б.Репида и О.А.Сайко удалось создать книгу не только строго научную, но и доступную всем обозначенным группам читателей, включая последнюю. Говоря об использовании книги в учебном процессе, подчеркнем, что она просто жизненно необходима не только учащейся молодежи – лицеистам-старшеклассникам и студентам специальности «Русский язык и литература», но и молодому поколению

преподавателей, получивших образование в последние десятилетия.

Актуальность проекта Молдавского общества преподавателей русского языка и литературы (МОПРЯЛ) обусловлена тем, что предлагаемые книги предназначены читателям российского зарубежья, которые, как мягко отмечают авторы, *«имеют недостаточные представления об истории Руси-России»*. На самом деле в историческом сознании русскокультурной молодежи в так называемом «ближнем зарубежье» России, в том числе в Республике Молдова, образовался информационный провал, обусловленный спецификой преподавания русской литературы – в донельзя урезанном объеме и русской истории, которая дается в микроскопических дозах и в идеологически адаптированном к политической позиции властей виде.

В практике школьного и вузовского преподавания истории и литературы эти дисциплины традиционно поддерживали и дополняли друг друга: исторические знания позволяли лучше понять художественные произведения, а они, в свою очередь, служили своего рода иллюстрациями исторических фактов, событий.

В Молдове за последние четверть века в результате изменения структуры образовательного процесса и политизации его содержания сложилась ситуация, когда история оказалась исключенной из этого естественного тандема. Но без представления, хотя бы общего, об исторических процессах Руси-России читателю русской литературы, оторванному от эпох исторически и отличному ментально от России, живущему в другое время, в другой стране, говорящему на другом родном языке, трудно прочесть и тем более понять русскую литературу. И, наоборот, знание русской литературы или хотя бы знакомство с ней служит надёжным истоком для

понимания русской истории, её сквозных линий, её уникальности.

Пытаясь преодолеть сложившийся дисбаланс, преподаватели литературы вынуждены компенсировать отсутствие у учащихся исторических знаний комментариями из истории России. Такие экскурсы, хотя и необходимы, но дидактически малоэффективны и даже вредны: с одной стороны, они не могут дать системных знаний по истории, с другой – отвлекают от собственно литературоведческого и лингвоэстетического изучения художественных произведений.

Рецензируемая книга является первой из запланированных в рамках проекта, основной «линией» (по выражению авторов) которого является показ неразрывности исторического и художественного процессов в Руси-России с древнейших времен по настоящее время. Книга охватывает период с XI по XVIII века, что оправдано и с исторической точки зрения, и с литературоведческих позиций. Показывая в последующих книгах «обусловленность литературы историческим фоном и обратное воздействие литературы на историю общества и государства», авторы будут иметь дело с другими, принципиально иными, этапами развития русской государственности и «другой» литературой.

Поставив себе целью показать историю формирования русской государственности через литературу (имеется в виду литература художественная), авторы определяют круг источников, необходимых для рассмотрения. И тут закономерно встает вопрос о жанровом синкретизме древнерусских памятников.

В книге широко использованы древнерусские памятники различных жанров – летописи, жития, «слова…». Все они обладают своими особенностями в

плане отражения информации об исторических событиях и требуют разного подхода. Авторам приходится решать методологическую задачу – мотивировать использование раннесредневековых памятников письменности в качестве именно литературного материала. При этом учитывается, что к средним векам неприменимы те границы между литературой (то есть художественной литературой) и «нелитературой», которыми мы пользуемся сегодня. Как подчеркивает Д.С.Лихачев («Первые семьсот лет русской литературы»), многие качества, которые представляются присущими литературе как таковой, на самом деле возникли совсем недавно. В Древней Руси эстетическое не выделилось еще в автономную отрасль культуры и знания, а пронизывало собою все, в том числе и утилитарные сферы человеческой деятельности.

«Повесть временных лет…» – прежде всего историческое, точнее, историко-политическое сочинение. Исследователи подчеркивают, что создателей “Повести” *«правильнее всего называть не “писателями”, “историками” или “учеными”, а именно летописцами, ибо они соединяли в себе и тех, и других, и третьих, а кроме того, они были политиками, юристами, географами, людьми, сведущими в богословии, дипломатии, – трудно перечислить все области знаний, о которых так или иначе говорили летописцы»* (А.А.Шайкин, «“Се повести временных лет …” от Кия до Мономаха»).

Но, отмечают авторы рецензируемой книги, летописцы не только сообщают о том, что случилось, но и как происходили те или иные события, то есть они изображаются. Сохраняя верность действительным историческим событиям, летописец нередко излагает их так, что они оживают, и читатель видит драматическую коллизию времени. События организуются сюжетно и композиционно, тем самым приобретая идеологический

заряд, не обозначенный в тексте прямо и непосредственно, а все это уже относится к области художественного творчества.

Авторы книги отобрали из памятников необходимый материал и организовали его таким образом, чтобы он «выстроился в линию». Линия эта, будь она составлена только из материалов памятников соответствующего времени, была бы очень прерывистой. И здесь в качестве материала, восполняющего лакунарность, используются литературные произведения последующих эпох. Получилось, что фрагменты литературных текстов помещены в контекст исторического повествования, которое опирается на труды выдающихся историков и литературоведов, публикации современных учёных.

Авторам удалось воплотить свои замыслы – и книга вышла не только полезной, но и, благодаря необычному композиционному решению, захватывающе интересной – особенно для тех, кто будет вместе с ней впервые открывать для себя историю России.

ЗАМЕТКИ ИСТОРИКА
на полях книги В.Б.Репида и О.А. Сайко «История государственности в русской литературе. Книга первая “Понятна мне времён превратность”. XI-XVIII вв.»

Дубровский Анатолий Дмитриевич,
доктор исторических наук, конференциар
(Кишинев, Республика Молдова)

Вплоть до начала XVIII века история еще не выделилась в самостоятельную область общественного сознания, она была неразрывно связана с философией и религией. Характерной особенностью содержания

древнерусской литературы является историзм. Её герои – это преимущественно исторические лица, она почти не допускает вымысла и строго следует факту. Даже многочисленные рассказы о «чудесах» – явлениях, кажущихся средневековому человеку сверхъестественными, не столько вымысел древнерусского писателя, сколько точные записи рассказов либо очевидцев, либо самих лиц, с которыми произошло «чудо». Историзм древнерусской литературы носит специфический средневековый характер. Ход и развитие исторических событий объясняется Божьим изволением, волей провидения. Героями произведений являются князья, правители государства, стоящие наверху иерархической лестницы феодального общества. Однако, отбросив религиозную оболочку, современный читатель без труда обнаруживает историческую действительность, подлинным творцом которой был русский народ.

Авторы книги подчеркивают, что к древнерусской литературе нельзя механически применять те критерии художественности, с которыми мы подходим при оценке явлений литературного развития нового времени.

Возникновение средневековой древнерусской литературы тесно связано с процессом формирования раннефеодального государства. Подчиненная политическим задачам укрепления основ феодального строя, она по-своему отразила различные периоды развития общественных и социальных отношений на Руси XI –XVII вв. Древнерусская литература – это история формирующейся великорусской народности, постепенно складывающейся в нацию. Именно она сохранила для человечества много ценных сведений о наших древних предках.

Структура книги дает возможность показать неразрывность исторического и художественного

процессов в Руси-России в XI-XVIII вв., обусловленность литературы историческим фоном и обратное воздействие литературы на историю общества и государства.

В первом разделе, рассматривая историю Руси в древнерусской литературе XI-XV веков («Слова о Законе и Благодати» Илариона, «Повесть временных лет», «Сказание о Борисе и Глебе», «Поучение» Владимира Мономаха и «Слово о полку Игореве»), авторы освещают события, соответствующие историческому существованию единой восточнославянской народности и относительно единого древнерусского (Киевского) государства. Грамотно пользуясь источниками и критически относясь к ним, авторы на убедительных примерах показали неразрывную связь исторического и художественного в древнерусской литературе.

Одно из достоинств рецензируемой книги состоит в том, что она побуждает читателя к самостоятельному поиску информации. Тогда вероятно, что увлеченный читатель обратит внимание и на утверждение ряда исследователей по поводу неточного перевода «Повести временных лет» на современный русский язык. Предлагаемый ими перевод в корне меняет утвердившиеся в науке предпосылки образования древнерусского государства. Например, знаменитые слова послов **«земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет»** являются только одним из возможных вариантов перевода текста летописи на современный язык. Выражение **«порядка нет»** часто понимается буквально, как указание на хаос от безвластия. Однако в первоисточнике слово «порядок» отсутствует. В летописи по Ипатьевскому списку на старославянском языке написано: «земля наша велика и обильна, а **нарядника** в ней нет». При этом под словом **наряд** исследователями понимаются полномочия на

определенную деятельность, в данном случае на осуществление властных функций, а под нарядником – судья, правитель княжества (Фроянов И.Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Вопросы истории. 1991, №6. С.3-15). Стало быть, слова новгородских послов означали только то, что в Русской земле на тот момент нет князя, княжеской власти. А отсутствие князя и отсутствие порядка, согласимся, не одно и тоже.

Конечно, невозможно объять необъятное – по крайней мере в рамках одной книги, тем более если она написана для «широкого круга читателей». Но некоторые существенные факты можно было бы использовать. Среди исследователей существует мнение, что «Повесть временных лет» была фальсифицирована Владимиром Мономахом. *«Род Владимира Мономаха начинался от Ярополка-узурпатора, который захватил власть в Русской Земле после гибели Святослава Храброго в 972 году. Ярополк был непрошеным князем-узурпатором. Поэтому род Мономаха не был древнего происхождения и не являлся старшим среди князей Русской Земли, у него не было прав закрепить Великокняжеский стол за своим родом. Чтобы всё же добиться своей цели, необходимо было переделать содержание существовавших летописей и ввести “свой род” в связь с теми Великими князьями Русской Земли, которые правили до появления на Русской Земле Ярополка-узурпатора. Переделка летописей и, главным образом, “Повести временных лет” Нестора и была поручена игумену Сильвестру княжеского монастыря св. Михаила Выдубицкого. Вот почему Владимир Мономах отнял все летописи у русского Печёрского монастыря и передал княжескому монастырю»* (Виноградов О.Т. Древняя ведическая Русь. Основа сущего. Санкт- Петербург, 2004).

Отметим, что особенностью древнерусской литературы был рукописный характер ее бытования и распространения. Ведь то или иное произведение существовало не в виде отдельной, самостоятельной рукописи, а входило в состав различных сборников, преследовавших определенные политические цели. *«Все что служит не ради пользы, а ради прикрасы, подлежит обвинению в суетности»*. Эти слова Василия Великого во многом определяли отношение древнерусского общества к произведениям письменности. Значение той или иной рукописи оценивалось с точки зрения ее практического назначения, полезности.

Другой особенностью древнерусской литературы является анонимность ее произведений. Это было следствием религиозно-христианского отношения феодального общества к человеку, и в частности к труду писателя, художника, зодчего. В лучшем случае нам известны имена отдельных авторов книг, которые скромно ставят свое имя либо в конце рукописи, либо на ее полях, либо (что гораздо реже) в заглавии произведения. В средневековом обществе не существовало понятия авторского права, индивидуальные особенности личности писателя не получили такого яркого проявления, как в литературе нового времени.

Учащимся и студентам было бы полезно знать, что в XI – первой половине XIV века основным писчим материалом для древнерусской литературы был пергамент, изготовляемый из кожи телят. Этот дорогостоящий материал был доступен только имущим людям и монастырям, а ремесленники и торговцы пользовались берестой. В XIV веке на смену пергаменту пришла бумага.

Рассматривая вопрос происхождения государства в Древней Руси, отраженный в литературе, авторы

раскрывают особенности его становления сравнительно с процессом образования государства на Западе. И это очень правильно. Помимо перечисленных в книге особенностей важно обратить внимание на следующую. В процессе образования государственных структур древнерусские князья позаимствовали Византийскую модель власти посредством православия, а не Западно-Римскую модель и не католичество. Древние русские взяли христианство из Византии не на греческом языке, а на древне-болгарском, который стал церковно-славянским. Это в определенной мере ограничило допуск Древней Руси к византийской учености, культурности, праву, и изолировало ее от общеевропейского, общезападного пути. Потому что латынь – язык западного католицизма, язык международного общения, язык, функционально подобный сегодняшнему английскому, который оказался для древних русичей менее доступен, чем остальным народам. Византийская модель власти предполагает симфонию, то есть согласие взаимоотношений государства и Церкви – двух главных субъектов в средневековом мире. Смысл этой модели заключается в том, что во всех духовных делах светская власть уступает пальму первенства духовной, а духовная уступает пальму первенства в делах светских. Но в реальности из-за большего ресурса светская власть в древней Руси была более активна в политической жизни, чем духовная, а в западноевропейской реальности Церковь была на равных с светской властью и даже выше ее (вспомним унизительное хождение императора Генриха IV к папе Григорию VII в Каноссу). Эта особенность взаимоотношений Церкви и власти в Древней Руси на начальных, да и поздних этапах повлияла на формирование институтов государственности.

Следующий момент – влияние татаро-монгольского периода на формирование древнерусской

государственности. Находясь два с половиной столетия под татаро-монголами, русские князья сталкивались с новым типом власти, которого они раньше не видели ни в Европе, ни у себя на Руси. Это был невероятный объем власти у одного человека. Русские князья, а впоследствии и цари, многое переняли от татаро-монгольского типа власти.

Л. Гумилев писал: *«Татары сообщили русским мощную централизованную государственность, которая вывела страну из многих бед».* Есть нюансы в оценке правления Ивана Грозного. Современная литература развенчивает мифы об этом царе, существовавшие долгое время. Понятно, что литература XVI века, да и последующая, выражавшая интересы боярства, появилась под влиянием иностранцев, находившихся в те годы в Москве. Но ведь ясно, что эти источники ненадежны, поскольку иноземцы преследовали свои цели и непременно хотели очернить Ивана IV. И на это были свои причины. Игумен Алексий (Просвирин), историк, утверждает, что режим Ивана Грозного был одним из самых мягких в тогдашней Европе. Многое свидетельствует о том, что царь всея Руси не хотел править силой. Но, как говорится, обстоятельства были сильнее его. Чтобы понять причины действий иноземцев, надо более внимательно посмотреть, что творилось в те времена в Европе. В 1492 г. Христофор Колумб открыл Америку. И сразу же в Европу хлынуло бурным потоком американское серебро и золото. С 1521 по 1530 гг. в Испанию ежегодно ввозилось 5 тонн золота, 148 кг серебра. С 1531 по 1545 гг. в Старый Свет ежегодно прибывало из Америки 15 тонн золота и 86 т серебра. С 1550 года и все последующие годы Европа принимала по 7 тысяч тонн серебра. Бывшие провинциальные страны Европы вышли в мировые

лидеры, а для большинства стран Европы все это обернулось разорением и хаосом. Обесценилось серебро и золото, цена на эти металлы упала неимоверно. Нарушился сложившийся баланс цен на мировом рынке, резко подскочили цены на товары, в том числе и на товары первой необходимости. От этого международная торговля практически парализовалась. Началось обнищание всех слоев населения – от богатых купцов до сельских батраков. По Европе прокатились эпидемии, неурожаи, войны. Испания и Англия начали драку из-за американской добычи. Восстали Нидерланды. В Германии вспыхнула затяжная крестьянская война. Появилось протестантство, и началась его борьба с Папой Римским. Воевали все против всех. В это время Европа и обратила свои взоры на другие государства, стала с ними торговать. Но игра шла не на равных: богатый в торговле всегда имеет преимущество, поскольку может платить любую цену и продавать за любую цену. Поэтому Индия, арабские страны быстро залезли в колоссальные долги и были порабощены экономически.

Коснулось это и России. Но Иван Грозный не попался на удочку европейских правителей. Россия замкнулась в себе – практически это был первый «железный занавес». Новгород попробовал не согласиться с действиями государя, сделал попытку отделиться от Московии и тут же был наказан. Иностранцы писали, что разгром Новгорода начался с массового избиения духовенства на площади, что царские приспешники не оставили в городе ни одной иконы, ни колоколов, ни церковной утвари. Всей Европе сообщили: «в Новгороде убито, ни много ни мало, 700 тыс. человек!». Но это не соответствует действительности. В Новгороде были казнены 379 человек, большинство их которых – купцы. Вместо них царь послал на берега Волхова своих купцов –

московских. Иван Грозный казнил торговых людей, потянувшихся за якобы дешевым европейским серебром и золотом, не сознавая того, что сами лезут в кабалу. То есть государь пресек раскол России. Жестоко пресек? Конечно. Но не будем забывать, что Псков все-таки был прощен и казней там не было. А также не будем забывать, что за время царствования Ивана IV казнили народу меньше, чем за одну знаменитую Варфоломеевскую ночь во Франции. И, в отличие от «просвещенной» Европы, в России не было ни страшной инквизиции, ни кровопролитных религиозных войн. Наверно, с этих позиций надо оценивать роль той или иной личности в истории.

Авторам книги В.Б.Репида и О.А.Сайко удалось решить поставленную задачу – помочь читателю русской литературы, оторванному от эпох исторически и отличному ментально от России, живущему в другое время, в другой стране, говорящему на другом родном языке, легче прочесть и понять русскую литературу, а через неё и русскую историю, её сквозные линии, её уникальность. Можно согласиться с авторами, что книги, подобные этой, могут стать надежным помощником для любителей русской литературы и истории сегодня, когда подача исторического материала разнообразна и противоречива, когда история Руси-России в общеобразовательных учреждениях практически не изучается в ближнем российском зарубежье, а в дальнем зарубежье она не изучалась и ранее.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

КАФЕДРЕ СЛАВИСТИКИ БГУ ИМ. А. РУССО – 70 ЛЕТ

Сирота Елена Владимировна,
доктор филологических наук, доцент
(г. Бельцы, Республика Молдова)

В 1945 победоносном году в Бельцком учительском институте была образована кафедра русского языка и литературы. Следи тех, кто стоял у истоков кафедры – ученые-лингвисты и литературоведы, благодаря которым была высоко поднята планка системы подготовки учительских кадров в Молдове: доктора наук Н. Чернышенко, Р. Андронова, Н. Маслюков, З. Ряполова, В. Руднева, Н. Шарапков, А. Стожарова. Одним из первых преподавателем стала Вера Николаевна Богданова, которая 20-летней девушкой приехала из Мордовии, чтобы готовить учителей для нашей республики.

В 1961 году произошло разделение кафедры на две самостоятельные структуры – кафедру русского языка и общего языкознания и кафедру русской и зарубежной литературы. В этот период на кафедре работал высококвалифицированный преподаватель, будущий ученый с мировой известностью Б. Гаспаров, ныне профессор Колумбийского университета, лингвист, литературовед, семиотик, культуролог. Большой вклад в языкознание и литературоведение 60-80 гг. внесли профессор О. Семеновский – известный за пределами республики критик и литературовед; а также блестящие преподаватели, подготовившие не одно поколение русистов: В. Швачкин; В. Ружина, А. Валькова,

М. Бенькович, Л. Кирова, В. Мандыч, Л. Круглий, В. Медынская, которая последние годы своей жизни работала в Московском государственном педагогическом университете, где ей было присвоено звание «Лучший преподаватель». Многих уже нет в живых, но светлая память об их высоком профессионализме, их деятельности, направленной на сохранение ценностей русской филологии, их научных изысканиях осталась в сердцах благодарных учеников.

В 1971 году была образована еще одна кафедра, созданная Г. Гайдаржи, тюркологом и славистом, – кафедра методики преподавания русского языка. Она готовила учителей по специальности «Русский язык и литература в национальной школе». Этой кафедрой в разное время руководили В. Костецкий, Ф. Горленко, М. Туницкая. Преподаватели кафедры Л. Паскарь, М. Туницкая, В. Костецкий, Т. Сузанская защитили кандидатские диссертации в Академии педагогических наук СССР.

70-е годы можно назвать периодом расцвета кафедры русского языка и общего языкознания. В это время её возглавил выдающийся лингвист, основатель собственной лингвистической школы, самый молодой в Советском Союзе доктор наук, ученик А.Н. Гвоздева, защитивший диссертацию на кафедре В.В. Виноградова, профессор В.Н. Мигирин. Под его руководством при кафедре начала функционировать аспирантура. В этот период свыше 30 человек защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора филологических наук: Л. Бортэ, Н. Мигирина, Т. Дубровина, Г. Горб, Д. Стич, С. Степанюк, Е. Белашова. Память о В. Мигирине кафедра свято хранит: в настоящее время она носит его имя.

Нельзя не отметить деятельность профессора Л.В. Бортэ, бессменного заведующего кафедрой, известного лингвиста, продолжателя идей В.Н. Мигирина, руководителя аспирантуры, сыгравшую огромную роль в сохранении традиций кафедры, которая ушла из жизни в иной мир совсем недавно. Проникновение в сущность языковых явлений, стремление изучать факты языка всех уровней как звенья единой системы, неутомимый поиск новых исследовательских приемов, яркие мысли, идеи и гипотезы – все это характеризует труды Л.В. Бортэ. Ее организаторский и научный талант проявился в проведении юбилейных конференций, посвященных наследию В.Н. Мигирина. За годы функционирования кафедра подготовила для системы образования большое количество высококвалифицированных педагогов, способных творчески работать в различных образовательных учреждениях, применять различные технологии обучения и воспитания учащихся. В этой связи нужно назвать таких преподавателей, как Н. Трофимова, Л. Скопенко, Л. Пох, С. Степанюк, Н. Мигирина, Т. Сузанская. Некоторые сотрудники кафедры сейчас живут и трудятся в разных странах мира: А. Валькова – в США, Л. Скопенко, Т. Дубровина – в России.

Как известно, славу учебному заведению приносят его выпускники. В Бельцах успешно работают учителя русского языка и литературы высшей дидактической степени: Н. Мельник, Н. Курячая, В. Огинская, С. Рыжкова, С. Сержант, Е. Урсу.

Ведущее место кафедры в системе образования доказывали ее студенты. На проводимых ежегодно в СССР олимпиадах по русскому языку и литературе наши студенты бессменно занимали первые и вторые места.

Города их триумфа – Ереван, Баку, Москва, Санкт-Петербург.

Кафедра в течение 20 лет являлась базовым центром организации и проведения республиканской олимпиады школьников по русскому языку и литературе.

В 1994 году три кафедры были объединены в одну – кафедру русского языка и литературы, в которую вошли кафедра русского языка и общего языкознания, кафедра русской и зарубежной литературы, кафедра методики преподавания русского языка. Несмотря на сложные времена, на кафедре продолжается плодотворная учебная и научная работа. Были открыты аспирантура по русскому языку (руководитель – Е. Сирота) и по теории и методологии обучения русской литературе (руководитель – Т. Сузанская). Начала функционировать магистратура.

Преподаватели кафедры представляют результаты своих научных и научно-методических исследований на международных конференциях русистов. Особо отметим, что наши коллеги являются участниками Конгрессов Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (X Конгресс – в Санкт-Перербурге, XI – в Варне, XII в Шанхае, XIII, последний – в Гранаде).

В школах Республики Молдова изучают русский язык и литературу по учебникам, созданным преподавателями кафедры. Т. Дубровина, Т. Сузанская, Ф. Горленко являются авторами линии учебников, а также куррикулумов, гидов и книг для учителей школ с русским языком обучения, а Л. Паскарь является автором учебников по русскому языку для 8 и 9 классов школ с румынским языком обучения.

Выпускники кафедры достойно подтверждают высокий уровень филологических знаний, полученных в БГУ. Так, А. Романтовский стал победителем

Европейского фестиваля русского языка. В настоящее время он заканчивает аспирантуру при Институте русского языка им. А.С. Пушкина. В Санкт-Петербургском государственном университете защитил диссертацию по литературе выпускник кафедры О. Хитальский, в Институте им. А.С. Пушкина – В. Фролова, в Молдавском государственном университете (Кишинев) – В. Бражук. Четыре студента кафедры в разное время получали стипендию мэра Москвы, один – стипендию мэра Бэлць.

В 2012 году начался процесс оптимизации образования; в результате реорганизации структуры факультета кафедра русского языка и литературы была объединена с кафедрой украинского языка и литературы и получила название «Кафедра славистики».

Кафедра славистики в настоящее время – это высокопрофессиональный, творческий коллектив, имеющий большой потенциал и активно его реализующий. Кафедра славистики глубоко чтит и продолжает традиции, заложенные в 1945 году. Сегодня на кафедре плодотворно трудятся 15 человек, из которых 10 – доктора наук. Среди них ветераны педагогического труда: С. Степанюк, стаж работы которой на кафедре насчитывает 60 лет, и работающая на кафедре с 1971 года Н. Мигирина. При кафедре функционирует аспирантура по специальностям «Общее языкознание: психолингвистика, социолингвистика» и «Методика преподавания русской литературы».

В Одессе состоялась предзащита диссертации по украинскому языку преподавателя кафедры Д. Игнатенко, обучающейся в аспирантуре Одесского национального университета им. И. Мечникова. Подготовил к защите диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук В. Долгов. В магистратуре по

специальности «Современные методики преподавания филологических дисциплин» (русский язык и литература) обучаются 30 магистров.

Деятельность преподавателей кафедры нового состава по-прежнему ориентирована на сохранение ценностей славянской филологии и на компетентностный подход подготовки будущих учителей-филологов. Совершенствуют свои учебники авторы, чьи имена уже хорошо известны в школах Республики Молдова с русским языком обучения. А один из учебников М. Туницкой по украинскому языку и литературе удостоен первого места на конкурсе учебников, организованном Украиной.

Преподаватели кафедры продолжают принимать участие в авторитетных конференциях славистов: Левен (Бельгия), Бордо (Франция), Рига (Латвия), Москва, Петрозаводск, Ульяновск, Самара (Россия), Минск, Витебск (Белоруссия) – вот адреса нашего международного сотрудничества.

Высокий научный уровень научных исследований по филологии отражается в публикациях монографий, учебных пособий, статей. В 2014 году опубликовал монографию «Образно-символическая система романа И.А. Гончарова “Обломов”» В. Бражук, а в 2015 году Т.Сузанская – книгу «Классика и современность: уроки русской литературы».

В 2014 г. кафедрой была проведена международная конференция, посвященная юбилею Т. Шевченко, в организации которой активное участие приняли Л. Чолану и Д. Игнатенко.

Кафедра славистики старается, чтобы ее выпускники продолжали свое обучение в лучших вузах Ближнего и Дальнего зарубежья: аспиранткой Института имени А.С. Пушкина в 2014 году стала В. Барбун; в магистратуру

Санкт-Петербургского государственного университета в 2015 году поступила Л. Парахонько; О. Леонтяк закончила магистратуру в Калифорнийском университете и затем поступила в аспирантуру одного из университетов Канады по специальности «Межкультурная коммуникация». Кафедра тесно сотрудничает с центром «Русский мир». Лауреатами конкурсов, проводимых под эгидой «Русского мира», стали студентки Е. Коваль и Р. Попович.

Все сложности, которые переживает кафедра в последние десятилетия, помогают преодолевать ректорат БГУ и деканат факультета. Кафедра очень благодарна коллегам, преподавателям румынского языка и литературы, чью помощь и поддержку они всегда ощущают.

Преподаватели кафедры выражают глубокую благодарность Посольству Российской Федерации в Республике Молдова и лично господину Послу Фариту Мубаракшевичу Мухаметшину.

Мы признательны таким организациям, как Россотрудничество, Молдавское общество преподавателей русского языка и литературы, Русская община мун. Бельцы, Конгресс русских общин РМ, Департамент образования, молодежи и спорта мун. Бельцы за их внимание к проблемам кафедры, участие в судьбах студентов, помощь преподавателям в поездках на Международные конференции и стажировки.

На фото: гости конференции; ректор СУРМ, проф. Т.П. Млечко вручает зав. кафедрой слависитки БГУ им. А. Руссо Е.В. Сироте приветственный адрес Славянского университета

Преподаватели и студенты кафедры славистики помнят своих учителей, известных ученых, которые внесли огромный вклад в развитие кафедры, в создание прочной основы филологического образования в Республике Молдова.

В юбилейный год 70-летия Бельцкого университета высокий профессионализм преподавателей кафедры отмечен двумя наградами: Д.М. Стич была удостоена правительственной награды Т.Н Сузанская получила высшую награду МАПРЯЛ – медаль А.С. Пушкина. Кафедра расценивает эти награды как дань уважения к тому долгому пути, который прошла кафедра с 1945 года.

Поздравляем
кафедру славянской филологии
Бельцкого государственного университета им. А. Руссо
UNIVERSITATEA DE STAT "ALECU RUSSO"
SCIENTIA
BĂLȚI
CULTURA
1945
с 70 - летием
Научные и образовательные партнёры:
МОПРЯЛ

Уважаемые коллеги, друзья!

С юбилеем !!!

Вы отмечаете 70-летие своей кафедры, и делаете это широко, на международном уровне, которому деятельность вашей кафедры соответствует безусловно.

На этом празднике вы вспоминаете тех, кто стоял у истоков, кто определял приоритеты научных исследований, кто разрабатывал дидактические, методологические принципы преподавания, тех, кто сформировал вас самих как ученых и педагогов.

Руководители кафедры славянской филологии Бельцкого университета почитали своим долгом, преодолевая трудности, добиваться преемственности преподавательского состава. В результате сегодня, когда кафедра «разменяла восьмой десяток», она, сохранив свой золотой фонд наставников, остается молодым и, следовательно, дееспособным и перспективным коллективом.

Понятие «научной школы» для вас наполнено конкретным смыслом, а этим может похвастаться далеко не каждая кафедра. Но здесь работают истинные филологи, умеющие кропотливо служить слову, тексту и испытывающие особую, интеллектуальную любовь к исследуемому материалу, который есть не что иное как словесно выраженные духовные достижения человеческой культуры. Живое слово для вас существенней, чем самая блистательная «концепция», а собственные выводы важнее и ценнее, чем прокурорские рассуждения по поводу того, чего не заметили или «неправильно» истолковали филологи прошлого и представители других лингвистических и литературоведческих школ.

Для научных исследований бельцких филологов свойственно как раз соединение двух составляющих любви к материалу – восхищения и объективного, непредвзятого анализа. Эти качества воспитаны учителями и передаются из поколения в поколение.

Здесь трудятся педагоги, ставшие кумирами для многочисленных выпускников, среди которых яркие учителя-словесники, известные литераторы и деятели культуры.

70 лет – красивая дата! Для любой университетской кафедры – это возраст безусловной зрелости, обязывающий подвести итоги сделанного и, проанализировав их, строить планы на будущее и осуществлять их, несмотря ни на что. Кафедре славянской филологии Бельцкого университета есть чем гордиться.

Дорогие коллеги!

С искренним и глубоким уважением поздравляем вас с юбилеем!

Всему коллективу и каждому в отдельности желаем реализации надежд и творческих успехов!

Президент Славянского университета,
доктор философии,
профессор **О.А. Бабенко**

Ректор Славянского университета,
Председатель МОПРЯЛ ,
член Президиума МАПРЯЛ,
доктор хабилитат филологии,
профессор **Т.П. Млечко**

Зав. кафедрой славянской филологии
Славянского университета, доктор
хабилитат филологии,
профессор **И.А. Ионова**

Кафедре славянской филологии Бельцкого государственного университета им. А. Руссо к юбилею

Уважаемые коллеги, друзья!

Вы отмечаете 70-летие своей кафедры, и делаете это широко, на международном уровне, которому деятельность вашей кафедры соответствует безусловно.

На этом празднике вы вспоминаете тех, кто стоял у истоков, кто определял приоритеты научных исследований, кто разрабатывал дидактические, методологические принципы преподавания, тех, кто сформировал вас самих как ученых и педагогов.

Руководители кафедры славянской филологии Бельцкого университета почитали своим долгом, преодолевая трудности, добиваться преемственности преподавательского состава. В результате сегодня, когда кафедра «разменяла восьмой десяток», она, сохранив свой золотой фонд наставников, остается молодым и, следовательно, дееспособным и перспективным коллективом.

Понятие «научной школы» для вас наполнено конкретным смыслом, а этим может похвастаться далеко не каждая кафедра. Но здесь работают истинные филологи, умеющие кропотливо служить слову, тексту и испытывающие особую, интеллектуальную любовь к исследуемому материалу, который есть не что иное как словесно выраженные духовные достижения человеческой культуры. Живое слово для вас существенней, чем самая блистательная «концепция», а собственные выводы важнее и ценнее, чем прокурорские рассуждения по поводу того, чего не заметили или «неправильно» истолковали филологи прошлого и представители других лингвистических и литературоведческих школ.

Для научных исследований бельцких филологов свойственно как раз соединение двух составляющих любви к материалу – восхищения и объективного, непредвзятого анализа. Эти качества воспитаны учителями и передаются из поколения в поколение.

Здесь трудятся педагоги, ставшие кумирами для многочисленных выпускников, среди которых яркие учителя-словесники, известные литераторы и деятели культуры.

70 лет – красивая дата! Для любой университетской кафедры – это возраст безусловной зрелости, обязывающий подвести итоги сделанного и, проанализировав их, строить планы на будущее и осуществлять их, несмотря ни на что. Кафедре славянской филологии Бельцкого университета есть чем гордиться.

Дорогие коллеги! С искренним и глубоким уважением поздравляем вас с юбилеем! Всему коллективу и каждому в отдельности желаем реализации надежд и творческих успехов!

О.А.Бабенко, доктор философии, профессор, Президент Славянского университета РМ

Т.П.Млечко, доктор хабилитат филологии, профессор, ректор Славянского университета РМ

И.А.Ионова, доктор хабилитат филологии, профессор университар, заведующий кафедрой славянской филологии Славянского университета.

ИНФОРМАЦИЯ. НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ

XIII КОНГРЕСС МАПРЯЛ: РУСИСТЫ МОЛДОВЫ В ГРАНАДЕ

За четыре десятилетия своей деятельности Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) стала центром притяжения подвижников русского слова в мире. Это одна из авторитетнейших организаций в сфере гуманитарного сотрудничества, признанная международным сообществом.

По инициативе и при координационной поддержке МАПРЯЛ реализованы сотни международных проектов и программ, проводятся десятки ставших традиционными мероприятий в разных странах, которые объединяют и обогащают специалистов – теоретиков и практиков.

С 13 по 18 сентября 2015 года в Гранаде (Испания, автономная область Андалусия) под девизом «Русский язык и литература в пространстве мировой культуры» проходил XIII Конгресс МАПРЯЛ. Такие конгрессы проводятся один раз в четыре года и всегда становятся крупнейшими научными событиями в мировой русистике. Конгресс в Гранаде – один из самых крупных в мировой русистике за последние годы: в нем приняло участие 1153 человека из 68 государств мира – Российской Федерации, Испании, Китая, Казахстана, Грузии, Армении, Словакии, Сербии, Австрии, Кубы, Мексики, Польши, США, Японии, Турции и др.

Для справки: с момента образования ассоциации в 1967 году конгрессы проводились в Москве, Варне, Варшаве, Берлине, Праге, Будапеште, Регенсбурге, Братиславе, Санкт-Петербурге. Предыдущий, двенадцатый

конгресс принимал в 2012 году Шанхай, а наибольшее число делегатов – около 3000 – собрал в 1990 году московский конгресс.

На фото: открытие Конгресса, хор Гранадского университета исполняет на русском языке гимн МАПРЯЛ

В Гранаде – не только историко-культурном, но и старейшем университетском центре Испании – собрались ученые с мировым именем, основатели и руководители лингвистических школ, новаторы в области лингводидактики, известные литературоведы, педагоги всех уровней обучения, аспиранты и студенты, представители издательских домов, общественные деятели, журналисты и все, кто занимается изучением и популяризацией русского языка.

Каждый Конгресс русистов – значимое событие в научной и культурной жизни принимающей страны. Об этом свидетельствует и состав Почетного организационного комитета XIII Конгресса. Его

председатели: Король и Королева Испании – Филипп VI Бурбон и Летисия Ортиз Рокасолано.

Членами почетного оргкомитета с испанской стороны были Председатель правительства Испании Мариано Рахой Брейле, Председатель правительства Андалусии Сусана Диас Пачеко, Министр образования, культуры и спорта правительства Андалусии Лусиано Алонсо Алонсо, мэр Гранады Хосе Торрес Уртадо, ректор Гранадского университета Пилар Аранда Рамирес, директор Патроната Альгамбры и Хенералифе Мария дель Мар Вияфранка Хименес.

Деятелями государственного уровня была представлена в Почетном оргкомитете и Российская Федерация.

Открытие XIII Конгресса проходило во Дворце конгрессов города Гранады. На церемонии выступили мэр Гранады, Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Королевстве Испания Юрий Петрович Корчагин, руководитель Россотрудничества Любовь Николаевна Глебова, ректор Гранадского университета Пилар Аранда Рамирес.

Открыла Конгресс Президент МАПРЯЛ, Президент Санкт-Петербургского университета, Президент Российской академии образования Людмила Алексеевна Вербицкая. В своем выступлении она выделила несколько приоритетных направлений работы международной ассоциации русистов:

мониторинг функционирования русского языка в различных регионах планеты; проведение научно-методических мероприятий, направленных на повышение профессиональной квалификации педагогических кадров; выявление и удовлетворение профессиональных потребностей преподавателей-русистов, поиск новых

форм организационно-методической поддержки наших зарубежных коллег; популяризация русского языка среди широких слоёв населения в России и за её пределами при помощи фестивально-конкурсных мероприятий.

Людмила Алексеевна отметила, что в особом внимании специалистов нуждается функционирование русского языка в полиэтнической среде, что методические усилия педагогов должны быть направлены на применение интернет-технологий в обучении, что необходимо развитие общедоступных интернет-ресурсов, распространяющих актуальную информацию о динамике развития русского языка.

Республику Молдова на Конгрессе достойно представили **Горбачева Нина Анатольевна, Цвик Ирина Осиповна, Дамьян Надежда Андреевна, Донцу Надежда Федоровна, Думитраш Оксана Владимировна, Копыл Инна Борисовна, Лука Светлана Георгиевна, Лунгу Нина Серафимовна, Сайко Ольга Анатольевна, Сирота Елена Владимировна, Сузанская Татьяна Николаевна, Тудосе Вера Ивановна, Прокоп Светлана Павловна.**

Все они – и вузовские преподаватели, и лицейские учителя – члены Молдавского общества преподавателей русского языка и литературы (МОПРЯЛ), которое в течение уже многих лет является коллективным членом МАПРЯЛ.

Возглавляла делегацию **Татьяна Петровна Млечко** – ректор Славянского университета, член Президиума МАПРЯЛ и председатель МОПРЯЛ.

Члены молдавской делегации не только выступили с докладами и сообщениями соответственно своим научным и педагогическим интересам. Многие из наших коллег были модераторами различных секций и круглых столов. Т.И. Млечко руководила заседанием одного из базовых направлений Конгресса «Русская культура в эпоху

глобализации», а также вела круглый стол по впервые обсуждавшейся и по-особому актуальной для многих теме «Русский язык в системе билингвального образования». Е.В. Сирота руководила работой двух секционных заседаний по проблемам межкультурной коммуникации и системно-структурного описания русского языка. Одним из важнейших круглых столов под названием «Учебник – учитель – ученик» руководили известный в Молдове учитель русского языка и литературы О.А. Сайко вместе с профессором из Санкт-Петербурга И. Сухих.

В центре внимания Президента Славянского университета Молдовы Олега Андреевича Бабенко на Конгрессе было установление и развитие важных для университета партнерских отношений на перспективу со специалистами и различными организациями. Это особая часть и одна из сверхзадач такого масштабного мероприятия, как всемирный конгресс, тем более, что в Гранаду на Конгресс приехали высокие официальные лица из России, руководители вузов и кафедр из разных стран, представители международных организаций.

Чтобы представить теоретическую и практическую значимость XIII Конгресса МАПРЯЛ для развития русистики, назовем основные направления его работы.

- **Современный русский язык: социолингвистические аспекты исследования.**
- **Русская культура в эпоху глобализации.**
- **Системно-структурное описание современного русского языка.**
- **Динамика языковых изменений: диахронические и синхронические аспекты исследования.**
- **Язык. Сознание. Культура.**

- **Современная русская лексикография: теория и практика.**
- **Русский язык: коммуникативно-прагматические аспекты исследования.**
- **Русский язык в межкультурной коммуникации.**
- **Методика преподавания русского языка как иностранного, родного и неродного.**
- **Сопоставительное изучение русского и других языков: лингвистический и методический аспекты.**
- **Перевод как средство межкультурного взаимопонимания, предмет изучения и обучения.**
- **Русский язык в интернет-пространстве.**
- **Русская литература в мировом литературном процессе: история и современность.**
- **Методика преподавания русской литературы: теория и практика.**

Названные проблемы рассматривались на заседаниях секций и круглых столах, среди которых актуальнейший – «Современная русская литература в контексте XXI века».

Большое количество участников Конгресса привлекли круглые столы, посвященные вопросам преподавания русского языка: «Проблемы иноязычного коммуникативного образования», «Преподавание РКИ в контексте Болонского процесса», «Изучение и преподавание русского языка в испаноязычной среде», «Дистанционное обучение русскому языку: проблемы и перспективы», «Ученик – учитель – учебник», «Русский язык в системе билингвального образования».

Наши коллеги вернулись из Гранады воодушевленными – и поделились своими впечатлениями.

«Семь дней XIII Конгресса МАПРЯЛ – событие совершенно особое, – говорит **Ольга Анатольевна Сайко,** учитель высшей категории Кишиневского теоретического лицея им. А. Руссо. – *Прежде всего, Конгресс – это работа. Но работа радостная, общая, где академик и учитель – коллеги, где при разнообразии (а часто несхожести!) мнений цель одна – судьба, «здоровье» нашего языка, его жизнь в современном мире. Конгресс – это счастливая возможность профессионального общения. Это грандиозно, когда люди с разным цветом кожи, разрезом глаз, с разным взглядом на "украинский вопрос" и принципы преподавания языка – говорят в прямом смысле на одном языке – русском. Конечно, побывать удалось, к сожалению, не везде, но выступления В.Г. Костомарова, А.Л. Бердичевского, И.Н. Сухих, Е.И. Пассова наверняка надолго запомнятся всем. Неоднократно на Конгрессе звучала мысль: будущее любой страны зависит от состояния культуры и языка, причем языка живого и богатого, потому что плохим языком невозможно построить хороший мир.*

Мне довелось быть одним из медиаторов круглого стола "Учитель – учебник – ученик". Круглый стол проходил очень живо, более 20 преподавателей из Польши, Болгарии, Нидерландов, Армении, Молдовы, Германии делились опытом, вступали в дискуссию о методологических принципах построения учебной литературы, о формах научения и изучения языка в современном мире. Живой интерес вызвало выступление нашей соотечественницы И.О. Цвик "Теория и практика обучения межкультурной коммуникации в процессе изучения предметов филологического цикла". Ирина Осиповна представила и свою монографию "Формирование межкультурной компетенции филологов в

процессе изучения-преподавания всемирной литературы в вузе”. Наши учителя-филологи, напомню, знакомы с работой Ирины Осиповны, многие помнят апрельский семинар, который она проводила в педуниверситете им. И.Крянге. В Гранаде с ее работой познакомились учителя и методисты со всех концов света.

Для меня XIII Конгресс МАПРЯЛ стал событием личной биографии. Здесь мне вручили медаль А.С. Пушкина. Это громадное счастье, когда получаешь такую награду на мировом форуме, в центре Европы, заговорившей по-русски, среди тех, кого с громадным уважением и смелостью можно назвать коллегами.

И еще Конгресс – это Испания. Это бессонные ночи, потому что испанцы ночью не спят, а поют, танцуют, трещат кастаньетами, спорят, целуются – словом, живут, как и должны жить в Андалусии. Это тайна величественной Альгамбры, бирюзовая от моря и неба Малага, это красота Севильи и Кордовы, где даже филологи теряют дар речи… Как многолика эта страна, в которой встретились и влюбились друг в друга Восток и Запад! Здесь арабская и христианская культура, не мешая друг другу, то поражают каждая своей красотой, то вдруг объединяются в новое и прекрасное. И когда стоишь, задрав голову, любуясь арками, витражами, резными кружевами католического распятия и арабской вязью изречений Корана на стенах Мескиты, невольно задумываешься: как это возможно в одном храме? Вот он, поликультурный мир. А мы? Не такие же счастливцы, живущие в мультинациональном мире, уместившемся на такой совсем небольшой территории? Почему мы не всегда умеем так: рядом, вместе, сообща…

Конгресс – это давно знакомые люди, но открывшиеся совсем по- новому. Где бы я еще узнала, что Светлана Павловна Прокоп так хорошо знает и тонко

чувствует Испанию, как много замечательных песен знает и как проникновенно поет их под гитару Надежда Федоровна Донцу, как изъясняясь по-итальянски, Т.П. Млечко может убедить любого испанца, как иронична и искренна И.О. Цвик, какой прекрасный собеседник Т.Н. Сузанская. Люди, близкие друг другу, мы так редко общаемся! Это тоже урок Конгресса.

Вот таким разным, но очень ярким, запомнился мне XIII Конгресс МАПРЯЛ. Его краски, звуки, мысли, споры ещё долго будут воспоминаниями и обязательно переплавятся в главное для учителя – уроки».

Журнал
«Славянские чтения»

вместе с многочисленным сообществом молдавских русистов

поздравляет

ОЛЬГУ АНАТОЛЬЕВНУ САЙКО

с заслуженной ею наградой –

Медалью А.С. Пушкина *«За сохранение и распространение русского языка в мире»*

Сейчас в Молдове уже шесть человек, имеющих такую награду. Помимо О.Н. Сайко, это заведующий кафедрой славянской филологии Славянского университета профессор И.А. Ионова, известный в Молдове педагог и сотрудник Российского центра науки и культуры в нашей стране В.Н. Костецкий, ректор

Славянского университета профессор Т.П. Млечко, конференциар Бельцкого государственного университета им. А.Руссо Т.Н. Сузанская и учитель высшей категории столичного лицея им. Н.В. Гоголя Т.Г. Черных.

Консультант Министерства просвещения РМ доктор педагогики **Нина Анатольевна Горбачева** о работе Конгресса рассказала так.

«Мы все, оказавшись в таком многоликом и многонациональном профессиональном сообществе, почувствовали себя сопричастными той великой миссии, которую выполняет русское слово и русская культура в мировом пространстве.

Безусловно, для всех нас самым важным в работе конгресса было общение с коллегами из разных стран, обмен мнениями, опытом работы. По большому счету, Конгресс являлся круглым столом общения, диалогом образовательных культур разных стран. И в этом диалоге наша делегация принимала самое активное участие: в рамках секционной деятельности прозвучали выступления русистов Молдовы по самым актуальным направлениям преподавания русского языка и литературы в нашей стране.

Самой представительной по количеству участников секцией, в заседаниях которой я принимала участие, была секция методики преподавания русского языка как родного, неродного и иностранного. Прозвучало много интересных сообщений, было высказано много разнообразных суждений по тем или иным вопросам. Несмотря на различные условия преподавания русского языка в каждой стране и проблемы, связанные с ними, в дискуссиях мы все же находили больше точек соприкосновения.

Помимо своих секций, мы старались послушать выступления коллег и в других секциях. В этом смысле конгресс “бурлил”, был постоянно в движении».

Директор Центра этнологии АН РМ, доктор филологии **Светлана Павловна Прокоп** обратила внимание на обновление подходов к исследованию творчества русских и русскоязычных писателей в рамках концепции диалога культур.

«Значимость Конгресса МАПРЯЛ для его участников – огромна. На заседаниях профильных секций каждый из участников имел возможность послушать коллег, обменяться опытом в плане разработки и апробации новых подходов к творчеству писателей, к анализу литературного произведения, а также к введению в литературоведческий обиход новых понятий и текстов, к формированию исследовательского интереса к творчеству недостаточно изученных авторов, выработке новых методик анализа и преподавания современной русской литературы.

Лично для меня особый интерес представляют выступления, связанные с систематизацией и обновлением подходов к исследованию творчества русских и русскоязычных писателей республик СНГ в рамках концепции диалога культур. В рамках изучаемой мною темы “Русская/русскоязычная литература Республики Молдова” представляется уместным отметить исследования Т.Г. Мегрелишвили (Грузинский технический университет) – “Русская классика в современной русскоязычной литературе Грузии”; Н.О. Осиповой (Вятский государственный гуманитарный университет) – “Современная русскоязычная литература Франции в поисках идентичности”; А.Д. Степанова (Санкт-Петербургский государственный университет) –

“Основные тенденции русской литературы 2000-х годов” и др.

Хочется отметить как положительный факт все более часто используемую современными исследователями возможность междисциплинарного подхода в решении литературоведческих проблем (на стыке этнологии и филологии), так называемый этнофилологический подход, о чем говорила в своем выступлении “Изучение русской литературы в контексте национально-культурного дискурса” наш молдавский исследователь И.И. Цвик (КГПУ).

О возможном гармоническом сочетании новых и традиционных методов свидетельствуют исследования проблем идентичности, самоидентификации эмигранта в среде с иной ментальностью (Г. Нефагина из Поморская академии, Слупск, Польша, доклад «”Свое” – “чужое” и проблема самоидентификации эмигранта в современной литературе русского зарубежья»), биментальности в литературоведении (Н.С. Оразбаева из Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Казахстан, доклад “Биментальность в творчестве русских поэтов: к вопросу об этнической самоидентификации”); с использованием этнологического инструментария (Р.А. Мардоян из Педагогического института г. Гюмри, Армения, доклад “Необходимость этнологического подхода при изучении русской литературы в армянской национальной школе”.

Конгресс показал, что в дальнейшем, при планировании и организации мероприятий под эгидой МАПРЯЛ, важно было бы расширить изучаемый контекст русской литературы. Создать отдельную секцию, в рамках которой участники будут иметь возможность обменяться опытом по систематизации и обновлению подходов к исследованию творчества

русских/русскоязычных писателей республик СНГ в рамках концепции диалога культур. Все это поможет объединить усилия исследователей, занимающихся изучением наследия литераторов бывших республик СССР, с учетом новых подходов и методов исследования; поддержать развитие литературного процесса в русскоязычном постсоветском пространстве в странах СНГ. Более того, необходимо учитывать, что так называемый русскоязычный литературный пласт, сформировавшийся в странах СНГ и дальнего зарубежья в различные исторические периоды, играет важную роль в деле сохранения русской культуры в этих регионах.

Также для исследователей актуально провести ряд круглых столов в рамках конференций под эгидой МАПРЯЛ, например, по проблемам "Русская/русскоязычная литература ближнего и дальнего зарубежья", "Русские/русскоязычные писатели ближнего и дальнего зарубежья", "Тема эмиграции в творчестве русских/русскоязычных писателей ближнего и дальнего зарубежья". Такие форумы позволят извлечь из небытия целый ряд неизвестных общественности талантливых имен деятелей ближнего и дальнего зарубежья, способствующих своим творчеством сохранению культурного и литературного наследия, создаваемого на русском языке».

Замечательно, что от наших коллег русисты всего мира могут узнать о русской культуре в Молдовы.

«Слушатели прониклись удивительно поэтичным, теплым и простым миром Молдовы, заинтересовались философским характером творчества Сергея Пагына, Юрия Гудумака и других авторов, уже давно отмеченных в российских конкурсах и изданиях, – рассказывает **Татьяна Николаевна Сузанская**. *– Речь шла о*

необычном “Топографическом синтаксисе Яблонца” Юрия Гудумака и сакральном образе села Яблоны, дорогой сердцу автора.

Далеко от бельцких степи звучали философские строки русского поэта Молдовы Сергея Пагына о самом обыкновенном поле кукурузы, которое воспринимается им как символ малой родины:

“Но лишь ветер – войдёшь в шелестенье, где початка мелькнёт желтизна, словно чудо, и сходятся тени за плечами, листва, времена”.

Сказать хотелось очень многое, и здесь меня выручила слайд-презентация: одновременно с сообщением продемонстрировала тезисы, фотографии поэтов и их книг.

Как автора учебников меня привлекла также и работа круглого стола “Ученик – учитель – учебник” под руководством одного из ведущих российских специалистов по истории литературы, профессора Санкт-Петербургского университета И.Н. Сухих, а также Оде Сесилии (Нидерланды), которой принадлежала идея круглого стола, и нашей О.А. Сайко. Интересно было поговорить с коллегами о фундаментальных основах учебника по литературе и о “синусоиде” литературного процесса в истории русской литературы, как её трактуют авторы учебных пособий для русской школы.

Очень тёплой оказалась встреча с русистами из Румынии, знакомство с которыми началось на конгрессах МАПРЯЛ, состоявшихся в Санкт-Петербурге и Шанхае и продолжилась на конференции в Бухаресте в 2012 г. Это прежде всего Аксиния Красовски, профессор Бухарестского университета, представившая тему

“Фёдор Тютчев и Лучиан Блага: возможные параллели”, а также Морару Михаэла и Бобок Марта-Теодора, исследователи творчества В. Шукшина и В. Распутина».

Формировать международное сотрудничество русистов – одна из важнейших задач МАПРЯЛ.

Председатель Комитета Государственной Думы РФ по образованию, председатель Правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов, выступая на церемонии закрытия Конгресса, отметил, что великая культура Киевской Руси, несмотря на пережитые ею тяжелейшие времена, утвердилась *«и пронесла то самое слово, в том числе Слово Божие, до Тихого океана, до берегов Северной Америки, и создала огромный мир русского слова»*.

В заключение В. Никонов поблагодарил русистов, которые *«верны русскому слову, по-прежнему считают русскую культуру очень важной и считают Россию способной нести миру идеалы добра, справедливости, правды»*.

Однако научные форумы – это всегда не только доклады, дискуссии, профессиональное общение. Это еще и культурная программа. Испанские организаторы предоставили возможность участникам Конгресса познакомиться с уникальными памятниками истории и культуры Андалусии, посетить всемирно известные музеи. Но культурная программа гранадского Конгресса была особенно насыщенной и своеобразной, потому что 2015 год двумя странами объявлен годом русского языка и литературы в Испании и годом испанского языка и литературы в России.

Одним из значимых мероприятий этого года и XIII Конгресса МАПРЯЛ стало открытие 16 сентября в парке «Фуэнте Нуэва» Гранадского университета памятника А.С. Пушкину, выполненного петербургским скульптором Б.А. Петровым.

Открыл новый монумент Министр образования и науки РФ Дмитрий Викторович Ливанов. *«Испанию и Россию всегда объединял интерес к культуре, уважение и любовь к литературе и поэзии, а также взаимный интерес и уважение,* – подчеркнул он. – *Все больше и больше российских школьников изучают испанский язык, в то же время большим спросом пользуется русский язык и у испанских студентов».*

На фото: г. Гранада, делегация русистов РМ на открытии памятника А.С. Пушкину

На фото: члены делегации русистов РМ после научных дискуссий. Прогулка по вечерней Гранаде

Мероприятие привлекло большой интерес жителей Гранады, представителей академической и культурной общественности. На торжественной церемонии открытия памятника присутствовали президент МАПРЯЛ Людмила Вербицкая, руководитель Россотрудничества Любовь Глебова, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Королевстве Испания Юрий Корчагин, ректор университета Гранады Пилар Аранда Рамирес.

Культурная программа Конгресса включала в себя также концерты фортепианной музыки, концерт знаменитого исполнителя романсов, народного артиста России Олега Погудина, а также серию выставок, посвященных культурному сотрудничеству России и Испании.

Вера Ивановна Тудосе поделилась впечатлениями об одном из концертов.

«Хочется подробнее сказать о концерте фортепианной музыки. Это была музыкально-литературная композиция, посвящённая 175-летию со дня рождения П.И. Чайковского, составленная доктором филологических наук, профессором кафедры массовых коммуникаций РУДН, композитором, пианистом Галиной Николаевной Трофимовой. Стихи А.С. Пушкина, П.И. Чайковского, А. Созаева, В. Лазарева были прекрасной прелюдией к музыкальным произведениям П.И. Чайковского, исполненным Г.Н. Трофимовой. Это 6 пьес из цикла "Времена года", 5 пьес из цикла "Детский альбом", полонез из оперы "Евгений Онегин" и др. Задушевное чтение стихов, прекрасная музыка великого русского композитора, виртуозное владение инструментом исполнителя, а также демонстрация тематических видеоиллюстраций с историко-культурным комментарием создали особую атмосферу в зале. После окончания концерта зрителям не хотелось расходиться, и они ещё долго беседовали и фотографировались с Галиной Николаевной, спустившейся со сцены проводить своих гостей».

Фонд «Русский мир» поддержал и обеспечил участие в Конгрессе волонтеров из числа студентов-филологов, которые в своих странах прошли конкурсный отбор и получили право на эту поездку. Двое из двадцати пяти – из Молдовы. Это Людмила Парахонько из Бельцкого государственного университета им. А. Руссо и Игорь Корнилов из Славянского университета.

На фото: группа волонтёров, слева – И. Корнилов

Игорь – выпускник отделения журналистики Славянского университета, сейчас – тележурналист и слушатель магистратуры по кафедре славянской филологии. Кроме того, поэт, влюбленный в Испанию. Как поэт, давно мечтавший побывать в этой стране, написал стихи о прекрасном городе – «Гранада».

Въезжать в Гранаду следует на рассвете.
Чтобы ее не спугнуть,
притаившуюся между гор,
чтобы застигнуть врасплох
это маленькое напоминание об Эдеме,
город, чихающий от скоплений жасмина,
стирающий платья свои в каждом фонтане,
выводящий ночами на луг неба
все свои потаенные звезды:
их не увидишь нигде, только здесь.
Но пока – вуали рассвета.
И скоро раскроется горный бутон
с его двенадцатью львами.

Рассказ о волонтерской работе Игорь Корнилов тоже начинает, как поэт, цитируя Дерека Уолкотта:

«Тень, память моя, ласточка, полетим над облаками через грозные просторы, которым предела нет, полетим, как стрелы, нацелясь на Гранаду <...>. Так и надо читать Испанию, как память, наоборот, читать, как арабскую вязь: и горам, и кипарисам надо подтвердить, что единственное время глагола – прошедшее» (*из сборника «Щедрость», перевод В.Бетаки).*

Что же сохранит память нашего волонтера? Об этом – его эссе.

«Да, единственно реальное время – прошедшее. Потому что вся эта возня с настоящим – фальшь. Потому что существует лишь громадный механизм, который ежемгновенно переплавляет будущее в прошедшее, и в руках человека остаются лишь глаголы с суффиксами “л”. Теперь этот суффикс – метафизический, неморфологический – повис и над XIII конгрессом МАПРЯЛ, на котором мне посчастливилось побывать волонтером. В этом году местом его проведения стала Гранада, город, в котором солнце ласково-приветливое, люди добродушно-открытые, а горы величественно-завораживающие.

У глубоко ценимого мной Вуди Аллена есть такие слова: “Иногда я думаю, как вообще можно сотворить книгу, картину, симфонию, скульптуру, соперничающую с великим городом. Нельзя! Потому что стоит оглянуться, и каждая улица, бульвар — своя особая форма искусства”. Гранада – именно такой город. Словно огромное произведение искусства, где каждый штрих создан по лекалам красоты. Город-сад, утопающий в цветниках, плещущий фонтанами, ведущий узкими и очень чистыми

улочками (их моют шампунем три раза в день) от площади к площади, выставляющий напоказ свои туристические богатства – песочный замок Альгамбры, посыпанный сахарной пудрой лабиринт Альбайсина, поросшую слегка сюрреалистичными агавами и чумберами Сакрамонте, притаившийся среди зарослей пальм и гранатовых деревьев дом-музей Федерико Гарсиа Лорки. Один из торговых центров города построен на руинах древнего арабского поселения: пол здесь стеклянный, и люди прохаживаются, выбирая одежду по вкусу, словно зависшие в воздухе над средневековыми руинами. Все здесь под стать самой Испании, этой величественной страны снов.

Именно в таком околдованном, завороженном месте с 13 по 20 сентября проходил XIII конгресс МАПРЯЛ, который получил название "Русский язык и литература в пространстве мировой культуры". Я был одним из сорока шести волонтеров, приехавших из разных уголков континента: Испания, Швеция, Польша, Румыния, Болгария, Россия, Казахстан и др. Молдову в качестве волонтеров представляли я и Людмила Парахонько из Бельц. В наши задачи входила самая разнообразная помощь преподавателям – встреча в аэропорту, регистрация, помощь в проведении экскурсии по Альгамбре и т.д. Преподаватели, естественно, попадались самые разнообразные по характерам и расположению. Случались и казусы. Одна дама, например, простудила в дороге глаз и настойчиво требовала от волонтеров купить ей зеленку. Когда же ей стало известно, что этой злосчастной зеленки в Испании нет и в помине, у дамы случился культурный шок: "Зеленки нет! Супов нет! Как они тут вообще живут?!". Причем успокоить ее не могли минут

сорок точно. Но это, естественно, частности. В целом же работа оставила приятные впечатления, а уровень представленных на заседаниях Конгресса выступлений был высоким. Обсуждался самый широкий спектр проблем, от преподавания русского как иностранного до изменения семантики слов в современной политической ситуации.

Участие волонтером в Конгрессе – не только возможность углубить свои знания в русистике, завязать новые знакомства по всей Европе, но и прекрасный практикум по приобщению к другой культуре, по тренировке испанского, а так как я добирался на автобусах с двумя пересадками в Румынии, еще и румынского языка. Одним словом, польза на пользе.

Русский язык в Испании студенты изучают как третий иностранный, причем популярность его с каждым годом растет, и все большее количество учащихся выбирают для изучения именно русский (его соперники здесь – китайский и арабский). В самом Гранадском университете преподавание русского началось более полувека назад. Помимо Гранады, язык Пушкина изучают здесь в университетах Мадрида и Барселоны. И уж если мы заговорили о Пушкине… Именно во время проведения Конгресса, в парке Фуэнте Нуэва, был открыт памятник “нашему всему” в Гранаде. Через день после открытия, проходя мимо парка по проспекту Конституции, я видел, с каким интересом рядовые испанцы разглядывали взявшийся словно из ниоткуда монумент. С творчеством Александра Сергеевича, как оказываются, здесь знакомы: у памятника я встретил совсем еще маленькую девочку, которой этот курчавый, отлитый в бронзу мужчина был хорошо известен, по читанным в переводах сказкам. А еще

испанцы без ума от Достоевского, число изданий его произведений в книжных значительно превышает число изданий любого другого русского автора. Часто мелькают и фамилии Толстого с Набоковым, но о Достоевском испанцы говорят исключительно с пиететом и как-то особенно трепетно.

Испания глазами жителя Восточной Европы – это отдельный разговор. Она восхищает не только своими красотами и культурными сокровищами, но и уровнем общества. Конечно, в политическом и экономическом плане здесь есть свои проблемы, но сам социум построен так, что человек чувствует себя нужным и защищенным. Мне очень понравилось то, что пожилых и тех, кому трудно ходить, в аэропортах здесь везут на специальных колясках. Что пенсионеры не сводят концы с концами, выглядят бодрыми и ухоженными. Что каждый вечер вся Гранада бегает и ведет здоровый образ жизни. Что туалетов здесь три разновидности – для мужчин, женщин и колясочников. Что люди с ограниченными возможностями полностью интегрированы в общество. Что подъезды обычных многоэтажек напоминают приемные в наших посольствах. Что любая социальная ненависть и неприятие человека в его многообразии здесь жестко осуждается. Что испанцам, демонтировавшим режим Франко в 1975 году, удалось с нуля и за несколько десятилетий выстроить новую страну. Страну, которая не может не восхищать».

По решению Ассамблеи МАПРЯЛ следующий, XIV Конгресс состоится в казахстанской Астане.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КАК ПРАЗДНИК: ЮБИЛЕЙ КАФЕДРЫ СЛАВИСТИКИ БГУ ИМ. А.РУССО

Ионова Ирина Александровна,
доктор хабилитат филологии, профессор
(Кишинев, Республика Молдова)

27 октября 2015 года в ознаменование своего 70-летия кафедра славистики Бельцкого государственного университета им. А. Руссо провела Международную научную конференцию «Традиции и новаторство в филологических исследованиях».

На открытии форума выступили Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Республике Молдова Фарит Мухаметшин, ректор университета Георгий Попа, мэр муниципия Бэлць Ренато Усатый, представители общественных русскокультурных организаций республики.

На фото: организаторов и участников конференции поздравляет Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Республике Молдова Фарит Мухаметшин

Конференция собрала более 120 докладчиков из 9 стран – Армении, Беларуси, Грузии, Италии, Польши, России, Румынии, Украины и, разумеется, Молдовы. Поздравить коллег приехали представители всех университетов страны, в которых есть родственные кафедры, – Молдавского государственного университета, Кишиневского государственного педагогического университета им. И. Крянгэ, Славянского университета, Тираспольского государственного университета, сотрудники Института культурного наследия Академии наук РМ, преподаватели лицеев.

Весьма солидно представил себя сам Бельцкий университет: помимо организатора – кафедры ставистики, в конференции приняли участие все кафедры филологического профиля этого вуза.

О широте тематического диапазона конференции и актуальности рассматриваемых проблем свидетельствуют названия секций:

«Системно-структурное описание языков»,

«Литература в контексте мирового культурного процесса»,

«Межкультурная коммуникация»,

«Текст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты»,

«Новые технологии в преподавании русского языка и русской литературы».

Конференция еще раз показала, что вопросы совершенствования преподавания русского языка и литературы являются сегодня одним из приоритетов и для русистов-исследователей, и для практиков – школьных учителей. Поэтому большое количество участников привлек круглый стол по теме «Русский язык и литература в системе полилингвального образования»

ПРИГЛАШЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЖУРНАЛЕ «СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Приглашаем вас к сотрудничеству в журнале «Славянские чтения», который решением Национального Совета по аттестации и аккредитации Республики Молдова № 146 от 27 июня 2013 года зарегистрирован в качестве научно-теоретического издания по проблемам филологии, культурологии, философии, искусствоведения и педагогики (категория «С»).

Журнал издается Славянским университетом и освещает исследовательскую деятельность преподавателей вуза по аккредитованному научному направлению «Славянские культуры в Республике Молдова», консолидирует специалистов Молдовы и зарубежных стран, научные интересы которых связаны со славистикой.

Сложившиеся тематические традиции журнала отражены в названиях разделов:

«Взаимодействие языков и культур в полиэтничном обществе»;

«Славянские языки: теория и поэтика»;

«Литературоведение: перекличка литератур и полилог научных концепций»;

«Методологическая стратегия и дидактические тактики образования и воспитания в поликультурном обществе».

Особый раздел посвящается истории русской филологической науки в Республике Молдова.

Редколлегия журнала будет благодарна также за полезные информационные материалы, рецензии на новые издания и т.п.

Периодичность журнала – два номера в год. Для того, чтобы ваш материал попал в очередной номер, следует прислать его до 1 октября или до 1 марта по указанным электронным адресам.

К публикации принимаются материалы на русском и других распространенных в Республике Молдова славянских языках, румынском языке.

Редакционная коллегия
научно-теоретического журнала
«Славянские чтения»

Следите за информацией на сайте Славянского университета
http://www.surm.md

Наш адрес: Республика Молдова, MD 2068, Кишинев,
ул. Флорилор, 28/1, Славянский университет
Факс: (+37322) 022-43-03-81
Телефоны: (+37322) 022-22-47-50
(+37322) 022-43-03-81
E-mail: surm@starnet.md
irionova@mail.ru Ионова Ирина Александровна,
ответственный редактор

К сведению авторов научно-теоретического журнала «Славянские чтения»

- Материал, представляемый в печать, должен быть оригинальной и ранее не публиковавшейся работой автора.
- Работа должна быть структурирована согласно требованиям, предъявляемым к научным статьям: необходимо обозначить проблему, объект исследования, основания постановки и решения проблемы, выводы, заключение.
- К публикации принимаются статьи, рецензии на научные и методические издания, обзоры, информационные и другие материалы.
- Текст для публикации представляется в электронном варианте по указанным адресам.
- Стоимость публикации: объем статьи до 6 стр. – 200 леев (15 $), более 6 стр. – 300 леев (20 $). Материалы докторов хабилитат (докторов наук) публикуются бесплатно.

Основные требования к техническому оформлению материалов

- Текстовый редактор Microsoft Word.
- Формат листа А4 (21 х 14,8 см).
- Поля страницы – по 2 см со всех сторон.
- Межстрочный интервал – одинарный.
- Красная строка (абзацный отступ) – 1 см.
- Шрифт – Times New Roman, кегль 12.
- Примеры из художественной литературы, цитаты из научных

источников набираются курсивом, выделяемые в них фрагменты – жирным курсивом.

- Примеры и цитаты заключаются в «косые кавычки»; закавычивание внутри цитат производится “лапками”: «… “…”…».
- Упущенные фрагменты цитируемых текстов обозначаются <…>.
- Стихотворные тексты набираются курсивом с абзаца, стихотворные строки разделяются двумя косыми скобками. Например:

«А теперь в бесприютном краю, // уж давно не снимая котомки, // качаю — ловлю я, качаю — ловлю // строки о русской речонке…<…>» (В. Набоков, «Река») [7, 33].

- Тире и дефис различаются.
- Таблицы, схемы, иллюстрации, фотографии с подписями – внедрены в текст, шириной не более 10 см.
- Название статьи набирается заглавными буквами (12 кегль), полужирным шрифтом, по центру. Справа под заголовком указываются Фамилия, Имя, Отчество, ученая степень, должность, в скобках – город, страна.
- Через отступ от информации об авторе помещаются аннотации на русском и английском языках, до 50 слов; шесть ключевых слов. Авторы из Республики Молдова дают аннотацию также на государственном языке страны. Аннотации предваряются переводом названия статьи на язык аннотации (заглавными буквами, 9-й кегль).
- В конце статьи помещается в алфавитно-хронологическом порядке список использованной литературы (Литература) с указанием данных источника.

  Образец: Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. Бацевич Ф.С. Функционально-семантические исследования глагольной лексики. // Бацевич Ф.С., Космеда Т.А. Очерки по функциональной лексикологии. Львов, 1997.
- В список литературы включаются только те работы, которые цитируются в статье или на которые ссылается автор.
- Ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, с указанием номера источника в списке, далее через запятую номер страницы, например, [1, 13].
- Если источник многотомный, номер тома отделяется от номера источника двоеточием, например: [5: 2, 48]. Если источников несколько, между ними ставится точка с запятой. Например: [6,

213; 4:1, 60]. Название издательства не указывается.

- Там, где это необходимо, используются примечания внизу страницы с автоматической нумерацией. Постраничные примечания набираются курсивом (10 кегль).

Материал, предлагаемый к публикации, сопровождается справкой следующего содержания.

- Фамилия, имя, отчество автора.
- Ученая степень, звание.
- Адреса для связи: страна, индекс, город, улица, телефоны, факс, e-mail.

НАШИ АВТОРЫ

Гецан Ирина Михайловна, преподаватель, теоретический лицей им. Штефана Водэ; г. Вадул-луй-Водэ, Республика Молдова.

Горегляд Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент; Витебский государственный университет им. П. Машерова; Республика Беларусь.

Деревяго Анна Николаевна, кандидат филологических наук доцент; Витебский государственный университет им. П. Машерова; Республика Беларусь.

Дубровский Анатолий Дмитриевич, доктор истории, конференциар университар; декан гуманитарного факультета Славянского университета, заведующий кафедрой журналистики; Кишинев, Республика Молдова.

Ионова Ирина Александровна, доктор хабилитат филологии, профессор университар; заведующий кафедрой славянской филологии Славянского университета; Кишинев, Республика Молдова.

Корнилов Игорь Олегович, слушатель магистратуры по кафедре славянской филологии Славянского университета; журналист, режиссер телевидения, компания «Media-one», телеканал «СТС-media»; Кишинев, Республика Молдова.

Лелис Елена Ивановна, доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой журналистики Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения; Россия.

Павлов Пламен, доктор исторических наук, профессор; Велоко-Тырновский университет «Св.Св. Кирилл и Мефодий»; Болгария.

Семикина Юлия Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Волгоградского государственного социально-педагогического университета; Россия.

Сирота Елена Владимировна, доктор филологии, конференциар университар; заведующий кафедрой славистики Бельцкого государственного университета им. А. Руссо; Бельцы, Республика Молдова.

Талмазан Олег Назарович, журналист, писатель (псевдоним О. Краснов), председатель литературного объединения «Белый арап»; Кишинев, Республика Молдова.

Тудосе Вера Ивановна, доктор педагогики, конференциар университар кафедры славянской филологии Славянского университета; Кишинев, Республика Молдова.

Чернцова Елена Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина; Украина.

СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ

НАУЧНО – ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
№ 6 (12)

Aprobat spre tipar: 24 11.2015	Format A5
Hartie ofset. Tipar ofset	Tirajul: 200 ex.
Coli editoriale 17,07	Comanda nr.5din
Coli de tipar conv. 16,25	23.11.2015

Tipografia Asociaţiei lucrătorilor instituţiilor de învăţământ slavone din Republica Moldova – 2068, Chişinău, Florilor, 28/1, Universitatea Slavonă
Tel./fax (+373 22) 43 03 81
surm@starnet.md